

очарование

КЭРОЛАЙН ЛИНДЕН

*Что хочет
женщина...*

Обвести вокруг пальца тетушку богатой наследницы и жениться, получив в приданое огромное состояние... Трудная задача? Но не для красавца ловеласа Стюарта Дрейка. Однако пресловутая тетушка Шарлотта, которая представлялась Стюарту старой ведьмой, оказывается... красавицей вдовой, прекрасно изучившей особенности мужской природы.

В отчаянии Дрейк решает на невероятный план – соблазнить Шарлотту и подчинить ее своей воле. Но очень скоро коварный сердцеед сам попадает в расставленные сети и превращается из охотника в жертву пламенной страсти...

- [Кэролайн Линден](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [notes](#)

- [1](#)
-

Кэролайн Линден

Что хочет женщина...

© P.F. Belsley, 2005

© Перевод. Т.А. Перцева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Стюарт Дрейк не имел ничего против некрасивой невесты, но не хотел жениться на уродине. Он не требовал, чтобы она была умницей, но не смог бы вынести полную дуру. Ее характер мог быть не слишком легким, но Стюарт вряд ли стал бы терпеть мегеру. Его единственным необсуждаемым условием было богатство: высокая или миниатюрная, некрасивая или смазливая, добродушная или угрюмая – она должна быть богатой, а если возможно – баснословно богатой.

Стюарт был уверен, что это не так уж трудно. Что ни говори, а ему есть, что предложить будущей жене: один из самых древних и почитаемых в Англии титулов – титул виконта, который он получит, как только дед и отец перейдут в мир потусторонний. Конечно, могут пройти годы, прежде чем его жена станет называться виконтессой Белмейн и переедет жить в прекрасный дом на Барроуфилд. Но если только Дрейк сам не скончается раньше, то непременно получит титул, который принесет достаточно высокое положение в свете и такое богатство, способное удовлетворить любую женщину.

К счастью, он встретил славную девушку на танцевальном сборище, которое считается здесь, в кентской глуши, балом. Мисс Сьюзен Траттер. Ее состояние оценивалось в двадцать тысяч фунтов, и это было все, что он искал в невесте. Сьюзен была хорошенькой, хотя и чересчур бледной, но это считалось модным среди англичанок, умной – по крайней мере, настолько, чтобы удирать от компаньонки на уединенные прогулки со Стюартом по террасе, а также она успела безумно влюбиться в него едва ли не с первого взгляда.

Единственным препятствием для благополучного ухаживания оказалась ее опекунша. Сьюзен была убеждена, что опекунша, которая к тому же приходилась ей тетей, стремится лишить племянницу даже самой маленькой радости в жизни. В юности тетя Шарлотта путешествовала по всей Европе, но отказывалась брать Сьюзен с собой даже в Лондон. Раньше тетя Шарлотта водила компанию со многими мужчинами самой скандальной репутации, но отказывала всем джентльменам, приглашавшим Сьюзен на полуденную прогулку в экипаже. И обиднее всего, что тетя Шарлотта носила все, что желала, причем ее туалеты были крайне неприличны для женщины ее возраста и положения вдовы, но Сьюзен она принуждала одеваться в невыразительные платья почти детского покроя, да еще и немодные.

Зато тетя Шарлотта сделала Сьюзен огромное одолжение, уехав на время из города и оставив племянницу под присмотром наемной компаньонки. Ее отсутствие было Стюарту на руку, он утешал Сьюзен и сочувствовал ей, пока не понял, что пора делать предложение, которое, по его мнению, непременно будет принято.

Но в этом, возможно, отчасти и крылась проблема.

В достижении этой цели у Стюарта не было препятствий, но он никак не мог смириться с тем, что желанная добыча так легко идет в его руки. Стюарт всегда был уверен, что преимущества необходимо оттенять неким скрытым недостатком. Теперь, когда он почти получил Сьюзен Траттер, внезапно усомнился, что хочет ее. Нет, если мыслить хладнокровно, он, безусловно, хотел ее. Отец Стюарта сократил ему содержание и велел не возвращаться домой: поступок, который Стюарт до сих пор считал невероятным, оскорбительным и жестоким. Очевидно, что за оставшееся время Стюарт не сумеет заработать достаточно денег, чтобы удовлетворить требования своего банкира. Не сумел бы, даже будь у него достойная профессия. Женитьба на наследнице – наиболее быстрый и легкий способ решения финансовых проблем. По крайней мере, так считал Стюарт.

Вздыхнув, он принялся мерить шагами библиотеку Килдеров. Этому балу суждено было

стать его триумфом. Тетя Шарлотта вернулась в город, и сегодня Стюарту предстояло ее встретить, очаровать и просить руки племянницы. Завтра Сьюзен примет его формальное предложение, и через месяц он станет женатым мужчиной, над которым больше не будут довлеть суровые диктаты отца, он перестанет быть предметом сплетен и впервые в жизни окажется финансово независимым. Чем не прекрасная жизнь? Он должен быть вполне удовлетворен тем, что имеет. Сьюзен – милая девушка, и они, вне всякого сомнения, неплохо поладят.

Но что-то не давало Стюарту покоя... что-то во всем этом было... неправильным, хотя он никак не мог понять причин собственного волнения.

Стюарт напомнил себе, что только безумец способен передумать сейчас. Ему следует быть на седьмом небе оттого, что план выполнен безупречно, а не сомневаться в успехе. Если бы только все уже было сделано! Тогда было бы поздно раздумывать, поступил ли он правильно или просто пошел по пути наименьшего сопротивления.

Когда сзади раздался хлопок двери, Стюарт отбросил сомнения.

В библиотеку, заламывая руки, вбежала Сьюзен.

– О, Дрейк! – всхлипнула она. – Что мы будем делать?

– Заходите, дорогая, – удивленно произнес он, беря ее за руку. – Что случилось?

– Тетя Шарлотта, – зарыдала Сьюзен, подняв на него мокрые от слез глаза. – Она никогда не позволит нам пожениться, никогда! Злобная старая ведьма!

Стюарт вскинул брови:

– Но я даже не просил твоей руки! Откуда тебе известно, что она откажет?

– Я намекнула, что ты сделаешь предложение, и тетя заявила, что не допустит этого. Говорила о тебе ужасные вещи. Словно прекрасно тебя знает, хотя в глаза не видела! Пожалуйста, Дрейк, пожалуйста, скажи, что мы сбежим! Сегодня же вечером уеду с тобой! Уеду!

– Но это погубит твою репутацию, – напомнил он. – Не хочу быть причиной твоего несчастья.

– Мне все равно!

Громко всхлипнув, Сьюзен бросилась ему на шею. Стюарт, сдержав вздох, похлопал ее по спине. Все было бы прекрасно, позволяй она ему уладить этот вопрос, вместо того чтобы спешить и действовать опрометчиво. Чего она добивалась, сказав своей тетушке, что они хотят пожениться? Да ничего хорошего не стоило и ожидать! Теперь эта женщина решила, что не желает и слышать о женитьбе, хотя ни разу его не видела! И это когда он был твердо уверен, что может убедить ее – титул неизменно производил впечатление на немолодых леди, даже если этот титул еще только предстояло получить. Зато уже сейчас Стюарт вращался в самых высоких лондонских кругах. Но все было бы куда легче, застань он ее врасплох.

– Успокойся, – велел он, когда всхлипы Сьюзен немного утихли, и убрал ее руки со своей шеи. – Ты должна принять жизнерадостный вид и вернуться в зал.

Девушка шмыгнула носом и вытерла лицо протянутым Стюартом платком.

– Представить не могу, о чем думал папа, когда назначал ее моей опекуной!

– Но с этим мы ничего не можем поделать, поэтому должны просто попытаться выйти из создавшегося положения. Ты обещала представить меня сегодня вечером. Позволь мне встретиться с ней, и я смогу развеять все ее сомнения.

– О, Дрейк! – икнула Сьюзен. – Если кто и сможет ей понравиться, точно не ты. Думаю, ты не сумеешь пробить каменную стену.

– Намекаешь на то, что мое обаяние не подействует на камень? – весело спросил он.

Она, просяив, улыбнулась ему.

– Возможно, ты прав. Пойдем, я представлю тебя. И если тетя не согласится сегодня

вечером, мы сбежим завтра.

«Ну, уж это вряд ли произойдет», – подумал Стюарт, старательно изображая улыбку. Он не может позволить себе жениться на ней без приданого, и, что хорошего, если они оба окажутся в бедности?

Поколебавшись, Сьюзен слегка подалась вперед и вытянула губы. Стюарт едва не отскочил, но тут же пришел в себя настолько, чтобы легонько поцеловать ее в лоб. Она разочарованно надулась.

– Никаких поцелуев, пока не станешь моей женой, – прошептал Дрейк. – Все иное просто неприлично.

Лицо Сьюзен мгновенно просветлело. Стюарт ощутил нечто вроде угрызения совести. Его смущало, что она так быстро влюбилась в него и при этом не скрывала своих чувств. Это лишний раз напоминало ему о том, насколько она молода и невинна.

А пока Стюарт не связал себя никакими обязательствами, не делал предложения и был волен спокойно уйти, не объясняясь в любви. Он все еще свободен.

Но Стюарт мысленно встряхнулся. Нужен год-другой, чтобы Оуквуд-парк начал приносить прибыль, и Стюарт не желал отказываться от него, не использовав все возможности до единой. Это скромное поместье он обнаружил прошлой весной. Дом с дырявой крышей и полуразрушенным восточным крылом был почти развалиной, но все же обладал некоторым очарованием, и Стюарт представлял, как перестроит его в уютный особняк, что, конечно, потребует значительных вложений. Но больше всего его интересовала земля: невысокие холмы, густой лес и самая плодородная почва, какую он когда-либо видел. Поместье небольшое, но при разумном управлении может приносить немалый доход. Стюарт взял у друга деньги в займы и четыре дня спустя купил поместье, после чего извернулся и заложил его, чтобы отдать долг другу, а потом занял еще, желая благоустроить поместье. Больше года он вкладывал каждый полученный пенни в Оуквуд-парк и все сильнее привязывался к поместью. Стюарт устал существовать по указке отца. Имея собственное поместье, он будет уважаемым джентльменом. К несчастью, ему нужны деньги, чтобы платить по закладной, пока фермы не начнут приносить прибыль, а отец перекрыл единственный источник дохода. Если он не женится на Сьюзен, найдет другую наследницу, и ничего не изменится, не считая того, что он потратит больше времени, ухаживая за ней. Так что он не мог отступить.

Стюарт полез в карман. Если он отдаст ей кольцо, помолвка все равно что состоится.

– Не могу выносить, когда ты грустишь. Возможно... – Он разжал ладонь, чтобы показать кольцо. – Возможно, это заставит тебя улыбнуться. Завтра оно будет твоим. Я совершенно уверен в своей способности убеждать.

Голубые глаза Сьюзен широко распахнулись. Она почти беззвучно охнула:

– О, Дрейк! В самом деле?

Стюарт кивнул. Она благоговейно взяла кольцо и, сложив руки чашечкой, стала его рассматривать.

– Оно прекрасно.

Глаза Сьюзен снова наполнились слезами.

– А теперь возвращайся в бальный зал, дорогая, иначе тебя хватятся, – произнес Стюарт, прикоснувшись пальцем к ее губам.

Девушка улыбнулась и прижала кольцо к груди.

– Уверена, что тетя согласится. А если нет, мы сразу же убежим. Я сделаю все, чтобы быть с тобой.

– Так и будет, – кивнул Стюарт. – Но до завтрашнего утра это должно быть нашей тайной. Твоей тете это может не понравиться, а мы должны делать все, чтобы получить ее

благословение.

Сьюзен кивнула, и ему показалось, что она готова броситься в его объятия, тем не менее она повернулась и выскользнула за дверь. Стюарт улыбался, пока она не ушла, но едва дверь закрылась, упал в ближайшее кресло.

Вся эта история отчего-то заставляла его чувствовать себя жалким. Вот он, взрослый человек, сильный телом и духом, вынужден обхаживать неопытную юную девицу.

Стюарт твердил себе, что, если бы он уже унаследовал титул, молодые леди стояли бы в очереди, ожидая его ухаживаний, и общество аплодировало бы той, которая его поймает. Так что в его действиях нет ничего необычного.

Но Стюарт понимал, что для него разница есть. Одно дело просто жениться по расчету, и совсем другое – жениться, потому что иначе его ждет разорение. Он терпеть не мог, когда его загоняли в угол.

Но жребий был брошен. Он фактически сделал предложение и отдал Сьюзен кольцо матери, единственное, что не продал, даже когда ему приходилось совсем туго или требовалось вложить деньги в Оуквуд-парк. Хотя сейчас ему казалось, что он продал нечто гораздо более дорогое, чем кольцо.

Стюарт потянулся к графину, стоявшему на столе. Нужно выпить, прежде чем пытаться очаровать старую, ворчливую тетюшку Шарлотту. Возможно, не помешает и вторая порция бренди.

– Она ушла? Боже, этому ребенку место на сцене!

При звуках грудного голоса, в котором звучали веселые нотки, Стюарт едва не поперхнулся. Повернувшись, он стал всматриваться в полумрак:

– Подслушиваете, миледи?

– Я не хотела, – тихо рассмеялась незнакомка, выходя на свет. – Всего лишь искала укромный уголок, где можно было бы остаться наедине со своими мыслями. В библиотеке, как правило, тихо, не так ли?

Теперь Стюарт хорошо ее видел, и его интерес к этой женщине вспыхнул мгновенно.

Темные волосы в свете свечей отливали красным деревом. В локонах сверкали бриллианты. Кожа была такой же золотистой, как платье, отчего его ткань казалась прозрачной. Собственно говоря, она и была почти прозрачной, как стало видно теперь, когда женщина встала перед лампой. На ее плечи была накинута длинная узкая шаль, притягивающая внимание к соблазнительно полной груди, по сравнению с которой талия казалась особенно тонкой, а бедра – воистину роскошными. Она небрежно прислонилась к столу, положила руки на бедра и подняла голову. Стюарт осознал, что, не раздумывая, при ее приближении вскочил.

Ее лицо озарила улыбка, но и без улыбки оно было прекрасно. Хотя лукавый вид придавал ей непередаваемое очарование.

– По-моему, мы незнакомы, – заметил Стюарт, посчитав, что взрослые дамы нравятся ему куда больше юных девиц.

Очередная таинственная улыбка.

– Нет, не встречались, мистер Дрейк.

Он рассматривал ее немного дольше, чем позволяли приличия.

– Польщен тем, что вы знаете, кто я. – Стюарт поставил бокал на стол. – Как бы мне хотелось ответить вам тем же!

– О, думаю, рано или поздно мы бы встретились. Общество в Кенте в это время года не слишком велико.

В ее голосе явно звучал призыв. Стюарт с трудом верил своим ушам.

– Это совсем неплохо. Я часто желал бы ограничить свое общество всего одной особой.

Незнакомка выгнула бровь и соблазнительно запрокинула голову:

– Неужели! Какое неприличие!

Его кровь кипела от возбуждения, и потому он придвинулся чуть ближе. Она не отступила.

– А вы любите все неприличное?

Она ответила грудным смехом:

– Да, в моей жизни бывали свои приключения. Но что подумает ваша нареченная?

Окончательно сбитый с толку, Стюарт сначала никак не мог понять, о ком идет речь, но потом вспомнил Сьюзен Траттер:

– Она не моя нареченная.

– Но вы собираетесь на ней жениться?

Таинственная незнакомка намотала на палец одиноко лежащий на плече локон.

– Это уж мое личное дело, не так ли?

Стюарт прислонился к столу рядом с ней. Он не желал обсуждать с кем-либо свои свадебные планы. Поза незнакомки подчеркивала очертания ее груди, и Стюарт невольно восхитился обольстительными формами.

Загадочная женщина с кокетливой улыбкой наклонила голову.

– Просто интересно. Она, похоже, считает вас своим женихом. Я восхищена вашей стойкостью. Так решительно отказаться сбежать с ней!

Стюарт улыбнулся. Не все ли равно, о чем они говорят? Он не привык так открыто флиртовать с незнакомыми женщинами. Но если она готова, почему нет? Если его обольстит таинственная красотка, по крайней мере, хоть настроение немного поднимется.

Его провинциальная ссылка неожиданно показалась не столь уж унылой. Даже очаровать старую Мадам Дракониху будет не так противно, если иметь на стороне эту прелестницу. Интересно, она вдова или замужняя женщина? И почему, черт побери, они не виделись раньше?

– Как ваше имя?

Ее улыбка погасла:

– Это имеет значение?

Стюарт посмотрел ей в глаза:

– Мне хотелось бы его знать.

– По-моему, иногда вещи вроде имен или положения совершенно не важны, не находите? Разве не важнее всего те желания, которые мы таим в сердцах? – прошептала незнакомка, пристально глядя на него.

Несколько секунд они стояли совершенно неподвижно. Стюарт не мог припомнить, когда так остро ощущал присутствие женщины. Когда еще в нем горело такое жаркое желание к той, которую увидел всего десять минут назад? Он хотел ее так страстно, как никогда раньше не хотел ни одну женщину, и, если только он не ошибается, она тоже его хотела.

– Вы правы, – прошептал Стюарт, придвигаясь ближе. – Иногда это совершенно не имеет значения.

За мгновение перед тем как их губы встретились, она отвернулась и, ведя пальцами по полированной поверхности стола, стала отступать.

– Интересно, что вы видите в девушке? Она кажется... чересчур невинной?

Шаль словно случайно соскользнула с ее плеча, и замороженный Стюарт шагнул следом за незнакомкой в более темную часть библиотеки.

– Никогда не понимала, что мужчины видят в детях. Я нахожу их такими отвратительными!

Стюарт остановил ее, поймав конец шали, при этом его пальцы коснулись ее плеча. Незнакомка пахла чем-то чужеземным и экзотическим, не обычной розовой водой, которой буквально пропитываются английские девушки. Ему хотелось узнать, каковы на вкус ее губы, и

внезапно он обезумел от желания это выяснить.

– Вы не ребенок.

– Совершенно верно, – рассмеялась она и попыталась уйти не оборачиваясь. Но Стюарт так и не выпустил ее шаль, и ткань с шорохом сползла по ее плечу.

– Какое прелестное платье, – заметил он.

Незнакомка сделала еще шаг, и шаль натянулась на ее теле, обрисовав соблазнительные изгибы. Стюарт отпустил шаль, и та упала на пол. Женщина оглянулась, глаза ее сверкнули.

– Спасибо. Вам не понравилась моя шаль. Я возьму ее.

– Разумеется, – пробормотал он и коснувшись пальцем ее затылка, провел по спине. Палец наткнулся на пуговицы, которые Стюарт уже подумывал расстегнуть. – Не выношу ее вида, – заверил он.

Легкая дрожь сотрясла плечи незнакомки, и по венам Стюарта разлилось раскаленное желание. Он скользнул ладонями по ее рукам, притягивая женщину к себе.

Но она молниеносно, одним движением освободилась от его рук и отступила, пройдя три коротких шага до дивана.

– Разве ваша невеста не ждет вас? – шутливо осведомилась незнакомка.

Стюарт, ничуть не расстроенный скоростью, с которой она его обольщала, пожал плечами.

– Мы не помолвлены официально.

Она наблюдала за ним, при этом на ее губах играла странная полуулыбка.

– Вы разобьете ее сердце.

Стюарт остановился и глубоко вздохнул:

– Не намеренно.

– Вот как...

Она кивнула, грациозно опустилась на диван, откинулась на спинку и, закинув руку за голову, принялась играть со своими волосами.

– Но вы не любите ее. В ее объятия вас толкает одно лишь желание, не так ли?

О, его обуревало желание к совершенно другой женщине! Скручивало узлом желудок, вопило в голове, требуя завладеть ею.

– Вовсе нет.

Она изящно скрестила ноги, на мгновение обнажив стройную лодыжку.

Тонкий шелк подчеркивал очертания ее ног, приковавших внимание Стюарта. Неужели эта женщина вообще не носит белья?

Стюарт уселся на диван рядом с ней:

– Чего вы хотели, когда заговорили со мной несколько минут назад?

– Познакомиться, – кокетливо улыбнулась она.

Стюарт положил руку на спинку дивана, и когда ее лицо оказалось в дюйме от его лица, прошептал:

– В таком случае давайте узнаем друг друга поближе.

– О, я уже узнала про вас достаточно, – проворковала она.

Стюарт попытался завладеть ее губами, но вместо этого она успела подставить щеку.

– Вы уже показали себя тем, кем я вас считала.

Он рассмеялся и стал покусывать мочку ее уха:

– А ведь вечер только начинается.

Он убрал непокорный локон, упавший ей на плечо, обвел пальцем вырез платья. Но она остановила его руку.

– Стюарт, как, по-вашему, правда ли все то, что вы слышали про меня?

Он помедлил. Ее грудь быстро вздымалась под его рукой, но шутливых ноток в ее голосе

больше не было.

– Не знаю, кто вы, – уже холоднее произнес он. – Что вы обо мне слышали?

– Вы не знаете моего имени и все же, полагаю, готовы овладеть мной, и сделали бы это, если бы я не остановила вас. Я права?

Он не ответил. Она шевельнулась и стала тереться бедром о его восставшую плоть.

– Ваше молчание красноречивее слов.

– Кто вы? – требовательно спросил он, ложась на нее. Ее глаза раскрылись чуть шире, но взгляд тут же стал жестким и непроницаемым. Она словно застыла. И хотя ощущение ее тела только обострило овладевшее им желание, Стюарт проигнорировал эмоции и поддался запоздало нахлынувшим подозрениям. Кто эта женщина и почему она здесь, в библиотеке, почему так старается соблазнить его?

– Что вы обо мне знаете?

– Как же, Стюарт, – тихо ответила она, – я слышала о вас не меньше, чем вы – обо мне. Хотите переспать со мной? И может, потом вам придет в голову узнать мое имя? Или вернетесь на бал искать другую женщину, которую захотите обольстить?

– Если кто-то здесь и обольститель, то уж явно не я, – пробурчал он. – Что за игру вы ведете?

– Я говорила. – Она снова улыбнулась, хитро и торжествующе. – Мне было любопытно взглянуть на вас. Я пришла в библиотеку подумать, прежде чем встретиться с вами. Потому что, знаете ли, нам суждено было судьбой встретиться в этот вечер. Сьюзен сказала вам это сама.

Стюарт молча смотрел на нее.

– Я Шарлотта Гриффолينو, – прошептала женщина. – Злобная старая ведьма с каменным сердцем. А также ненавистная опекунша Сьюзен Траттер.

Он выпустил ее руки:

– Этого быть не может! Ее тетка старуха.

Шарлотта пожала плечами:

– В глазах Сьюзен я старуха. Потому что этой весной отпраздновала свое тридцатилетие.

Стюарт молчал. Она всего на два года моложе его! В груди бушевала ужасающая ярость. Сьюзен обманывала его насчет тетки, мол, та – жуткая старая ведьма. Ничего не скажешь, очень похоже! А тетка обманывала его, скрывая, кто она на самом деле. И теперь он потерял все шансы получить Сьюзен Траттер и ее состояние.

Стюарт порывисто вскочил:

– Вы, должно быть, очень довольны собой!

– По какой же причине мне быть довольной? Узнать наверняка, чтобы не осталось и тени сомнения, что моя племянница стала добычей авантюриста? Что этот авантюрист, едва не погубивший еще двух наследниц в Лондоне, чуть было не сломал жизнь дочери моего брата, забота о которой поручена мне?

– Вы обманули меня! – Стюарт показал на нее пальцем.

Шарлотта вскинула бровь:

– Мистер Дрейк, я ничем вас не поощряла.

Стюарта трясло от гнева. Она делала все, чтобы соблазнить его, поощрить, точно зная, кто перед ней, она бесстыдно кокетничала, намеренно выставляя себя напоказ!

– Вы знали, кто я.

– И сказала вам это с самого начала, не так ли? – рассмеялась Шарлотта.

Дрейк ловко поймал ее руку. Очень хотелось наказать ее, по крайней мере, хорошенько встряхнуть... и одновременно овладеть ею, сделать своей.

Однако он всего лишь рывком притянул ее к себе.

Шарлотта бесстрашно, с презрением смотрела ему в глаза:

– Опуститесь до того, чтобы взять женщину силой?

Стюарт мгновенно выпустил ее:

– Я никогда не брал женщин силой. Вы сами напросились.

Она издевательски усмехнулась:

– Разве? Точно так же, как мисс Элиза Пенниурт напросилась, чтобы вы отвезли ее из Лондона в Дувр? Точно так же, как мисс Анна Хейл напросилась, чтобы вы заигрывали с ней в саду ее бабушки?

Стюарт выругался:

– Вы ничего не знаете о том, что произошло с этими двумя юными леди! Я никогда никого не губил!

– Ну конечно, нет! Истории их позора достигли нашей кентской глуши абсолютно случайно!

Стюарт кипел от гнева. Злые языки болтали об этих двух случаях, которые, к сожалению, произошли с интервалом всего в несколько дней, и обвиняли его в куда более страшных грехах, чем те, которые он совершил. Сплетни, в свою очередь, взбесили отца и привели к изгнанию Стюарта. Но в устах этой особы все звучало так, словно он намеренно, лишь ради забавы развратил невинных девиц.

– Мне больше нечего вам сказать. – Стюарт шагнул к двери.

– Очень рада это слышать, – ответила Шарлотта. – Прошу вас продемонстрировать хотя бы тень порядочности и уехать, не поговорив со Сьюзен.

Стюарт замер, забыв повернуть дверную ручку. Ему следует сделать это: повернуть ручку, уйти, не сказав никому не слова, особенно Сьюзен. Но уходить, не оставив за собой последнего слова, – это было не в его правилах. К тому же сейчас, когда он вне себя от злости, он ничего не добьется, дразня эту женщину, и все же...

– Сьюзен молила меня бежать с ней.

Сзади послышался шелест шелка. Шарлотта, конечно, пожала плечами.

– Но вы не согласитесь!

Черт, он ненавидел этот слегка снисходительный тон, как у отца, как и у нее, особенно у нее, особенно сейчас.

Все еще не выпуская дверную ручку, Стюарт медленно повернулся. В полумраке Шарлотта выглядела теплой и золотистой, чуть-чуть взъерошенной, словно только что вышедшей из объятий любовника.

Неудовлетворенная похоть смешалась с гневом – весьма опасная комбинация.

– Вы очень уверены в себе. – Шарлотта чуть подняла голову, внимательно его изучая: – Да. Вернее, очень уверена в мужчинах, вам подобных.

– Вот как?

Больше всего на свете Стюарт ненавидел, когда его не принимали всерьез, считали ничтожеством и относили к категории, обозначенной ею как «мужчины, вам подобные».

– Почему же? – спросил он.

Шарлотта презрительно усмехнулась. Уголки ее полных губ опустились.

– Потому что вы не питаете ни малейшего интереса к Сьюзен, хотя сделали все, чтобы она считала, будто любит вас. Все дело в ее деньгах, и если вы убежите с ней, вы не получите ни единого шиллинга, в этом я вас уверяю.

– Назло мне лишите племянницу комфорта и роскоши, к которым она привыкла? Какая нежная любовь, тетя Шарлотта!

Но в ответ на его сарказм она только пожала плечами:

– А как, по-вашему, я должна поступить? Смягчиться и позволить вам делать все, что

пожелаете? Считаете меня совсем глупой? Если так, то сильно ошибаетесь. Не советую заблуждаться, сэр! Мое сердце холодно, как мрамор. В тот день, когда вы женитесь на Сьюзен, я вложу каждый принадлежащий ей фунт в предприятия, которые дадут прибыль только через много лет и которые находятся в местах, которые вы никогда не обнаружите, даже если остаток жизни проведете в поисках.

– Наследство принадлежит ей, – напомнил Стюарт.

Шарлотта подняла с пола шаль, накинула на плечо и обмотала второй конец вокруг локтя.

– Наследство оставлено ее отцом под мое попечение. Джордж искренне согласился бы с моим решением. Он терпеть не мог охотников за приданым и считал их самыми низкими созданиями. Они без зазрения совести крадут мечты и надежды молодых девушек, разбивают их сердца, после чего оставляют за собой погубленные репутации. Жизни девушек ничего для этих людей не значат. Когда все заканчивается, им достаются состояние, которого они не заработали, и жена, которую они терпеть не могут.

Стюарт сжал кулаки:

– Вы слишком опрометчиво судите обо мне. Неужели вашей племяннице не позволено иметь право голоса, даже когда речь идет о ее сердечных делах?

– Если ее сердце выбрало вас, оно совершило непоправимую ошибку, и когда-нибудь Сьюзен поблагодарит меня за вмешательство.

Шарлотта подняла со стола веер, развернула, обмахнулась и тут же с щелчком закрыла.

– Кажется, вы собирались уходить.

Стюарт шумно выдохнул. Она права: ему пора убраться отсюда. Он и приехал сюда лишь затем, чтобы встретиться с теткой Сьюзен и улестить ее, но теперь это невозможно. Его охватила горечь от сознания того, как близок он был к цели. Стюарт проклял себя за то, что позволил этой женщине затмить его рассудок. Если у него и были сомнения насчет женитьбы на Сьюзен, теперь ему стало понятно: она была самой славной, самой подходящей партией из всех, кого он имел в виду.

– Мне пора, – сказал Стюарт наконец. – Но не воображайте, будто наши пути не пересекутся снова.

Занятая шалью, Шарлотта едва на него взглянула:

– Мне абсолютно все равно, пересекутся они или нет, мистер Дрейк.

– Зато мне не все равно. Совсем, – пробормотал он.

Шарлотта проигнорировала завуалированную угрозу. Дверь за ним закрылась.

Шарлотта расправила шаль.

– По-моему, ты сыграла с ним недостойную шутку, – донесся голос из темноты.

Шарлотта пожала плечами:

– Не более чем он заслужил. Порядочный человек не поспешил бы прийти к тем заключениям, к которым пришел он.

– Дорогая, только человек с ледяной кровью в жилах не пришел бы к подобным заключениям.

Шарлотта продолжала возиться с шалью, игнорируя сухой тон Лючии. В конце концов, это ее племянница, а не Лючия балансирует на грани гибели, и, следовательно, не Лючии критиковать действия Шарлотты.

– Тем не менее это только подтвердило мои подозрения относительно него. Ему совершенно безразличны Сьюзен и ее чувства, раз он сразу пытается овладеть другой женщиной, как только девочка отвернулась.

Тонкая струйка дыма просочилась сквозь щель в шторах, закрывавших двери террасы.

– Вряд ли это была хорошая идея. Такой человек, как он, не простит, что его одурачили.

– А я думаю, что курить – это не слишком хорошая идея, – процедила Шарлотта. – Вредно для голоса. Пойду посмотрю, как там Сьюзен. Ты со мной?

– Нет, не стоит.

Лючия снова выдула колечко дыма. Шарлотта протестующе замахала руками и пошла к двери.

– Стюарт Дрейк вовсе не таков, каким ты его считаешь, – заявила Лючия, когда Шарлотта взялась за дверную ручку. – Надеюсь, ты понимаешь, что недооценивать его опасно.

Шарлотта помедлила. Стюарт Дрейк был куда более неотразим, чем она ожидала. В нем чувствовались неистощимая энергия и беспечность, которые делали его очаровательную улыбку и манеры еще более подкупающими. Что же кроется под маской джентльмена? А ведь это только маска, Шарлотта в этом уверена. Она знала слишком много дьяволов в ангельском обличье, а нимб Стюарта Дрейка так и сиял фальшивым блеском. Но когда он лег на нее, пробудив одновременно возбуждение и тревогу... Некоторые женщины и некоторые девушки могли бы найти это привлекательным. Но Шарлотта знала, что это означает.

– Нет, Стюарт Дрейк совершенно такой же, как все мужчины, – сказала она и очень тихо, почти про себя добавила: – К счастью.

Пройдя по коридору, Шарлотта Гриффолينو очутилась в большой гостиной, где собрались гости, и любезно улыбнулась хозяйке – леди Килдер. В ответ та просияла. Шарлотта знала, в каком восторге хозяйка оттого, что дама с такой скандальной репутацией, как она, и ее богатая племянница сегодня соизволили посетить ее. Такие гости привлекут завидных женихов, а леди Килдер отдаст левую руку за то, чтобы три ее незамужние дочери составили хорошие партии.

Шарлотта остановилась на пороге, откровенно выискивая глазами Сьюзен и украдкой – мистера Дрейка. Первым она увидела Дрейка, что было странно, потому что его почти закрывал другой джентльмен. Стюарт выглядел моложе, чем ей сначала показалось, но, несомненно, он был очень красив: высокий, с темными волосами и глазами и атлетической фигурой, от созерцания которой у нее и сейчас по спине пробежала дрожь.

«Но ведь этот мужчина готов был взять тебя на диване в библиотеке», – напомнила она себе.

В этот момент Дрейк отвлекся от разговора, глянул поверх плеча собеседника и встретился с ней взглядом.

Шарлотта не пошевелилась. Она стояла не улыбаясь, не фыркая, не вскидывая голову. Ничем не продемонстрировала, что боится его. Его взгляд был мрачным, недовольным, но не вызывающим. Ни один из них не отвел глаза, пока воздух между ними не накалился.

– Тетя Шарлотта?

Рядом, теребя бахрому ее шали, стояла Сьюзен.

– Да, дорогая? – улыбнулась она племяннице. – Наслаждаешься балом? Я выходила, чтобы подышать свежим воздухом.

– Да, я заметила, что тебя нигде не было.

Сьюзен выглядела несколько виноватой, как и следовало, поскольку за это время она успела удрать на свидание с негодяем.

– Лючия уехала?

– Нет, – рассмеялась Шарлотта. – Пытается своими сигаретами убить все растения в саду леди Килдер!

Сьюзен наморщила нос.

– У них такой мерзкий запах! – объявила она. Но тут же хихикнула и испуганно смолкла, оглядываясь по сторонам. – Прости, это было грубо с моей стороны.

– Правда часто бывает грубой. – Шарлотта взяла Сьюзен под руку. – Может, выпьем

шампанского?

– Правда? Мне тоже можно? – обрадовалась девушка. – Папа никогда не разрешал мне пить шампанское, разве что в особых случаях.

Шарлотта решила, что сегодня как раз такой случай.

– Давай побалуем себя, согласна?

Сьюзен энергично закивала, и они направились к столу с напитками.

Шарлотта, как любящая тетушка, считала Сьюзен довольно хорошенькой. Прямые волосы цвета спелой пшеницы, ясные голубые глаза. Но все же Шарлотта старалась быть объективной и сознавала, что Сьюзен никогда не будет считаться красавицей, по крайней мере, в глазах окружающих. Тем не менее она была полна решимости сделать все, чтобы племянница вышла замуж за человека, которому небезразличны как ее счастье, так и свое собственное.

Только когда они пили шампанское, наблюдая, как готовят середину зала к танцам, Сьюзен затронула тему, которая, как знала Шарлотта, была у нее на уме весь вечер. Она не только слышала обрывки беседы в библиотеке, но и помнила смущение Сьюзен, когда та упоминала о блистательном джентльмене, с которым познакомилась. А упоминала она о нем за последние несколько дней неоднократно. Разве Шарлотта не будет счастлива за подопечную, когда та выйдет замуж? Сьюзен во многом была для нее незнакомкой, но ее мысли относительно Дрейка было так легко прочитать!

– Тетя Шарлотта, ты всегда твердила, что я могу говорить с тобой обо всем, – начала Сьюзен голосом немного выше обычного. – Я... я кое-что хотела тебе сказать.

– Конечно, дорогая, в чем дело?

Краем глаза Шарлотта увидела приближающегося Дрейка. О боже, он не захотел тихо скрыться!

Сьюзен, не отрывая взгляда от возлюбленного, глотнула шампанского.

– Я больше не ребенок, – выпалила племянница. – Мне почти восемнадцать, и я достаточно взрослая, чтобы знать чего хочу. Я встретила человека, за которого намерена выйти замуж.

– Вот как?

Сьюзен очень удивилась спокойствию опекуниши.

– Пожалуйста, не стой у меня на пути. Я люблю его и хочу выйти замуж. Папа желал, чтобы я была счастлива, а мистер Дрейк сделает меня счастливой.

– Сьюзен, не думаю, что здесь время и место для подобных разговоров, – мягко заметила Шарлотта.

Почему этот злосчастный не может просто удалиться? Сьюзен обиделась бы, но, по крайней мере, удалось бы избежать публичной сцены. Скандал в бальном зале леди Килдер только унижит девушку и разобьет ее сердце.

– Пожалуйста, познакомься с ним, тетя Шарлотта! – умоляла Сьюзен, глядя на нее широко раскрытыми глазами и сжимая руки: – Прошу, выслушай его предложение!

Шарлотта смотрела на нее с безмятежным выражением лица, хотя сердце ее упало.

– Если хочешь, дорогая.

Дрейк Стюарт мгновенно появился перед ней, такой же высокий, такой же элегантный. И такой же порочный, как раньше. Немного расстроенная осознанием того, что он еще выше и мрачнее, чем казался в библиотеке, Шарлотта подняла глаза.

– Тетя, позволь представить тебе мистера Стюарта Дрейка, – объявила Сьюзен. – Мистер Дрейк, моя тетя, графиня де Гриффолينو.

– Добрый вечер.

Шарлотта наклонила голову. Дрейк поклонился.

– Дрейк, я сказала тете, как сильно нас влечет друг к другу, – бормотала начинающая

нервничать Сьюзен. – И что мы хотим пожениться.

Стюарт улыбнулся ей так тепло, что Шарлотта почти поверила в искренность его улыбки.

– О, Сьюзен, вы украли мою лучшую реплику!

Сьюзен хихикнула. Рядом с ним она выглядела очень молодой и беззащитной. Решимость Шарлотты окрепла: этот негодяй женится на невинной Сьюзен только через ее труп. Шарлотта изобразила холодную, отчужденную улыбку, которую любой итальянец посчитал бы отказом. У нее чесались руки содрать с него шкуру, и черт с ним, со скандалом!

– Возможно, вы окажете мне честь, приняв приглашение на танец? – спросил мистер Дрейк, протягивая руку. – Требуется время, чтобы доказать вам, что я достоин руки вашей племянницы.

Шарлотта глянула сначала на его руку, потом ему в лицо. Очаровательная улыбка по-прежнему играла на его губах, но взгляд был серьезным. Ей не слишком хотелось вновь оказаться в его объятиях.

Сьюзен с нетерпением ждала, молитвенно сложив руки.

– Возможно, вы предпочтете нанести визит? – произнесла Шарлотта. – Завтра мы будем дома.

Сьюзен затаила дыхание и с беспокойством уставилась на мистера Дрейка, но тот не отрывал взгляда от Шарлотты.

– Нет, я предпочел бы танец. По правде сказать, я не могу ждать до завтра. Хотелось бы получить ответ как можно скорее.

– Пожалуйста, тетя Шарлотта!

Из-за надежды в голосе племянницы Шарлотта возненавидела его еще сильнее.

«Ты уже получил ответ», – молча ответила она Дрейку.

Но сейчас, сдавшись, отдала бокал Сьюзен.

– Если хотите. Сьюзен, ты подождешь меня?

– О, да!

Девушка одарила их сияющей улыбкой. Шарлотта приняла его руку, и ее пальцы мгновенно оказались словно в тисках. Он повел ее в центр зала, где пары как раз готовились к следующему танцу.

– Вы зря тратите время.

Шарлотта поплотнее закуталась в шаль, ожидая, когда начнется танец.

Дрейк ничего не ответил, только притянул ее к себе. В свои объятия. Шарлотта едва не охнула вслух:

– Что?..

– Следующий танец – вальс, – пояснил он, не отпуская ее.

Шарлотта заметила, что окружающие изумленно их разглядывают. Музыканты еще не заиграли, а вальс в провинции танцевали редко. Очень редко.

– Вовсе нет. Это Кент, а не Лондон.

Его рука железным обручем обвила ее талию. Шарлотта постаралась незаметно освободиться, но ничего не получилось. Все по-прежнему смотрели на них, и хотя ей было очень неловко, но она не желала устроить сцену, начав сопротивляться ему посреди бального зала. Поэтому она украдкой ущипнула его за палец.

Улыбка Дрейка показалась ей поистине хищной, он просто стискивал ее руку, пока она не сдалась.

– Леди Килдер только сейчас узнала о том, что лондонские дамы обязательно приказывают играть на балу хотя бы один вальс. Думаю, наша хозяйка хоть и живет в глуши, но не пожелает показаться провинциалкой.

– Способность убедить леди Килдер в необходимости ввести вальс в здешнюю моду не улучшит моего мнения о вас.

Музыканты действительно заиграли вальс. В последний раз Шарлотта танцевала его почти год назад, но вскоре поняла, что вряд ли это имеет значение. Дрейк был искусным партнером, он повел ее в танце со сдержанной властью, которая вовсе ей не понравилась. Даже если признать тот факт, что они двигались почти как единое целое, она терпеть не могла, когда ей не давали проявить самостоятельность и просто вели по залу.

– Не стоит обращаться со мной как с куклой, – процедила Шарлотта. – Я знаю все па.

Стюарт вскинул бровь:

– Прошу прощения? Может, вам хочется повести меня?

– Мистер Дрейк, – холодно проговорила она, – я вообще не хочу танцевать. И уже ответила на ваше предложение. Завлекать Сьюзен подобным образом подло. И ей будет очень больно, когда вы уедете.

– Вы так уверены, что я собираюсь поджечь хвост и бежать от первого же мрачного взгляда, который вы на меня бросили?

Шарлотта была так удивлена, что коротко рассмеялась.

– Мрачный взгляд? Господи! Мне казалось, что, кроме взглядов, было много чего еще! Так вы все-таки влюблены в Сьюзен?

– Нет. Я никогда в этом не признавался, даже ей.

Он по-прежнему улыбался. Негодяй!

– Не все способны по доброй воле производить неприятное впечатление о себе.

– Я ничего подобного не делал. У вас слишком прихотливое воображение.

Что-то изменилось в его лице, почти незаметно, оно стало другим, и Шарлотта неожиданно почувствовала, что окончательно теряет контроль над ситуацией. Стюарт по-прежнему крепко сжимал ее руку, обнимал за талию и двигался вместе с ней настолько легко, что Шарлотта была уверена: они продолжали бы вальсировать, даже если бы она вообще прекратила хоть как-то участвовать в танце.

– Я предположил то, что предположил бы всякий нормальный мужчина. И вы, конечно, это понимаете. Или вы никогда раньше не соблазняли мужчину?

– Я не соблазняла вас, – прошипела Шарлотта, пытаясь вырвать руку, но Стюарт отказывался отпустить ее, и этот будоражащий свет в его глазах разгорался все ярче.

– Значит, вам нужно учиться не дразнить мужчин. Иначе им могут прийти в голову совсем неверные мысли.

– Ну да, конечно! – Она сделала гримасу. – Так и знала, что у вас не хватит ума понять то, что любой разумный человек увидит сразу же. Позвольте сказать прямо: вы никогда, ни при каких обстоятельствах не женитесь на Сьюзен. Я считаю охотников за состоянием самыми низкими людьми. И я не передумаю.

– Каждая женщина может передумать, даже, осмелюсь сказать, усохшая старая ведьма.

Шарлотта дернулась. Но он сжал ее еще крепче.

– Если вы так думаете, значит, ничего не понимаете в женщинах.

Стюарт тихо рассмеялся:

– Я многое знаю о женщинах.

– Все мужчины так считают. Дураки, все до единого!

– Потому что глупеют из-за женщин? Да. Думаю, большинство людей с этим согласятся. Я сам разыгрывал дурака не с одной женщиной. Просто ничего не могу с собой поделать, слишком люблю женщин.

– Особенно с деньгами.

Ответом была еще одна коварная улыбка. Стюарт Дрейк дьявольски красив, а улыбка красит его еще больше.

– Конечно. Очень часто это самое большое их преимущество.

Шарлотта снисходительно улыбнулась:

– Естественно. Когда это все, что вы ищете в женщине, разумеется, состояние важнее всего.

– Да. Но подумайте, сколько всего могут искупить деньги: дурной нрав, вспыльчивость, морщинистое лицо.

Его рука переместилась вниз, словно ощупывая ее, оценивающий взгляд скользнул по ее груди. Шарлотта оцепенела.

– Немедленно отпустите меня, – произнесла она сквозь зубы.

– Вы, – невозмутимо произнес Стюарт, – лицемерка. Из кожи вон лезете, чтобы показать, как я низко пал, и все же каменеете, как оскорбленная девственница, когда кто-то другой затевает ту же игру! И все же девственницей вас никак не назовешь, верно?

Шарлотта потрясенно ахнула. Он опустил голову, чтобы произнести остальное ей на ухо:

– Не воображайте, что я считаю это состязание законченным. Все еще только начинается.

Не задумываясь о том, какое впечатление произведет ее поступок на собравшихся, Шарлотта вонзила каблук в мысок его туфли и немедленно отскочила, когда Стюарт выдал проклятие. Музыканты все еще играли, и хотя рядом были другие пары, большинство гостей жадно наблюдали за происходившим. На виду у восьмидесяти членов высшего общества Кента Шарлотта повернулась и ушла от взбешенного Стюарта Дрейка.

Шарлотта и Сьюзен почти сразу же покинули бал. Шокированная девушка потеряла дар речи. Остальные гости злорадно шептались, обсуждая пикантную сцену, произошедшую у них на глазах. В конце концов, это Кент, и здесь почти нет поводов для сплетен.

Подмечая каждый горящий желанием взгляд, брошенный с толку Сьюзен на Стюарта Дрейка, не собиравшаяся терять времени Шарлотта тут же увела племянницу из бального зала. Гости, забыв обо всем, провожали их глазами.

Леди Килдер выскочила вслед за ними, якобы попрощаться, на деле же любопытная особа попыталась вытянуть из них правду о случившемся. Но Шарлотта быстро отделалась от хозяйки дома, пообещав нанести ей визит завтра. Возможно, к тому времени она сумеет придумать историю, которая предотвратит скандал. К счастью, экипаж подали быстро, и они даже успели приехать домой, прежде чем начался спор.

Едва они вошли в дом, разразилась семейная ссора.

– Как ты могла сделать это со мной? С ним? – вопила Сьюзен. – Ты унизила нас обоих!

– Сьюзен, дорогая, – пыталась успокоить ее Шарлотта. – Дрейк – не респектабельный джентльмен. Ты поймешь это, когда станешь старше.

– О-о-о-о-о! – рыдала Сьюзен, размахивая руками. Ее распухшее от слез лицо покрывали красные пятна. Шарлотта едва не заткнула уши от пронзительного визга племянницы:

– Когда я стану старше? Неужели сейчас я слишком наивна? Должно быть, так, если я не понимала, насколько груба ты можешь быть с любимым, кто тебе не понравится! А от меня ты требуешь, чтобы я выполняла каждое дурацкое правило, даже если это касается цвета моего платья и количества танцев с одним и тем же джентльменом!

– Он оскорбил меня, – ответила Шарлотта, не повысив голоса. – И был крайне невежлив.

– Такого не может быть! – Сьюзен проглотила всхлип и прижала руку к животу. – Он очарователен и учтив со всеми, не только со мной, и ты, должно быть, чем-то вывела его из себя, вот он и нагрубил, если вообще грубил!

– Считаешь, что я лгу? – вознегодовала Шарлотта. – Он повеса. Распутник. И недостаточно порядочен для тебя.

– Еще как порядочен! – заныла Сьюзен с самым жалким видом. – Я люблю его!

– Сьюзен, я хочу только...

– Знаю я, чего ты хочешь! Хочешь разрушить мое счастье, чтобы я была такой же несчастной, как ты.

Несмотря на то что Сьюзен была в истерике, но слова племянницы все равно ее больно ранили. Шарлотта вскинула подбородок и проглотила уничтожающий ответ.

– Не получится! Я не буду такой же одинокой и злобной, как ты! Выйду замуж за того, кто знает, как быть счастливым, веселиться и наслаждаться жизнью!

– А я хочу сделать все, чтобы ты была счастлива. Стюарт Дрейк охотник за приданым! Какая, по-твоему, у тебя будет жизнь, когда он растратит твое наследство и вы оба останетесь нищими?

– Ты просто завидуешь! – завопила Сьюзен, в глазах которой стояли слезы. – Он красив и обаятелен, и ты завидуешь мне, потому что на тебя он не обращает внимания! Так обижена, что он захотел жениться на мне, а не на тебе? Почему ты воображаешь самое худшее о каждом мужчине, который не строит тебе глазки?

– Но, Сьюзен... – начала Шарлотта.

– Мне все равно, все равно! Я не брошу его только потому, что он тебе не нравится! Я

люблю его, и если ты не дашь согласия, мы дождемся момента, когда оно больше не понадобится.

«После дождичка в четверг», – подумала Шарлотта.

– Если он согласится ждать три года, чтобы жениться на тебе, и его преданность не поколеблется, я откажусь от всех претензий к нему. Но он не станет ждать, – резко бросила она, когда на лице Сьюзен появилось одновременно радостное и недоверчивое выражение. – Вне всякого сомнения, уедет еще до конца недели, поскольку понял, что в ближайшее время не женится на наследнице.

– Ему не нужны мои деньги! – возмутилась Сьюзен. – Если ты вышла замуж ради денег, еще не значит, что всякий должен последовать твоему примеру!

Шарлотта остро ощутила удар, но попыталась это скрыть. Сьюзен не отвечает за то, что говорит в минуты гнева.

– По-моему, тебе нужно идти в постель, а утром поговорим.

Лицо Сьюзен некрасиво сморщилось. Шарлотта, все еще пытаясь не вспылить, сложила руки на животе:

– Прости, если сделала тебе больно, но будет лучше, если ты узнаешь о нем правду.

Племянница закрыла лицо ладонями. Плечи ее вздрагивали. Испытывая жалость к ней, Шарлотта сжала ее плечо:

– Не плачь. Все будет хорошо, – мягко проговорила она, но Сьюзен стряхнула ее руку.

– Для тебя, возможно, все будет и хорошо, – всхлипнула она. – Твоя жизнь уже кончена, поэтому ты решила погубить мою!

– Довольно! – не выдержала Шарлотта.

– Ненавижу тебя! – рыдала Сьюзен. – И больше в жизни с тобой не заговорю!

Не дожидаясь ответа, она повернулась и выбежала из комнаты. Шарлотта проводила ее полным досады и тревоги взглядом. Что случилось с девочкой? Она игнорирует все доказательства, которые видны невооруженным глазом. Стюарт Дрейк – охотник за приданым и сам, можно сказать, это признал. И все же Сьюзен цепляется за глупую уверенность в том, что он сделает ее счастливой. Ах, Сьюзен...

Шарлотта опустила в кресло. Гнев куда-то испарился. Как спасти девочку до того, как негодяй разобьет ей сердце?

Она могла рассказать Сьюзен о произошедшем в библиотеке. О том, как Дрейк едва не соблазнил ее тетку. Но он наверняка сумеет извратить историю так, что Сьюзен поверит, будто Шарлотта виновата сама. Очевидно, он сумел влюбить в себя девочку, и Шарлотта чувствовала, что наилучшим выходом будет вообще ничего о нем не говорить. Может, Сьюзен встретит более подходящего джентльмена?

Шарлотта по-прежнему опасалась ехать в Лондон, но они могут отправиться в Бат или в Брайтон...

Нет. Ничего не выйдет. Одному богу известно, насколько Дрейк полон решимости гоняться за Сьюзен и ее наследством, а племянница сорвет всю злость на Шарлотте: это она увезла ее от мужчины, которого девочка любит. Шарлотта сделает все, чтобы защитить племянницу, но будет невыносимо, если Сьюзен станет вечно ее ненавидеть.

Входная дверь открылась, потом закрылась, и в комнате появилась Лючия, благоухавшая розами и турецким табаком.

– Какая ночь! – весело воскликнула она, садясь в огромное кресло и сбрасывая туфельки. – Боже, эти балы так скучны! Но здешние жители весьма обаятельны.

Шарлотта нехотя улыбнулась. Когда-то Лючия была одной из самых ярких звезд миланской оперы. В те времена она обладала чистым, хрустальным сопрано. Но теперь она больше не могла

петь в манере, прославившей ее во всей Европе. Война с Наполеоном закончилась, и в Англии в моду вошло все европейское. Даже угасающие оперные звезды, которые потеряли половину своего диапазона.

– Но ты! Ты, дорогая, устроила такую сцену! – Лючия выудила из сумочки короткую сигарету. – В жизни не видела, чтобы англичане были так взволнованы, как сегодня!

Шарлотта поднялась и стала бродить по комнате.

– Сьюзен сказала, что больше никогда со мной не заговорит. – Каждый ее шаг сопровождался шелестом шелкового платья.

– Подумаешь! – отмахнулась Лючия, зажигая сигарету от ближайшей свечи и глубоко затягиваясь. – Пусть дуется. Женщине нужно уметь дуться. Сейчас это ей не поможет, но позже, когда появится мужчина... – Лючия кивнула и взмахнула сигаретой: – Итак, что он сказал?

Шарлотта нахмурилась и подала подруге пепельницу.

– Если будешь так курить, твой голос не восстановится.

Лючия выдула тонкую струйку дыма:

– Я потеряла не голос, а вдохновение. Когда найду его, голос вернется.

Шарлотта ничего не ответила. Лючия всегда делала все, что пожелает, особенно когда была в настроении. Вряд ли Шарлотта имеет право надоедать ей, напоминая о ее голосе или развенчивая смешную уверенность в том, что он вернется после пребывания в постели с подходящим мужчиной.

– Он даже не отрицал, что ему нужны деньги Сьюзен. Заявил, что большое состояние часто бывает главным преимуществом женщины.

– Как и все мужчины, – кивнула Лючия. – Вряд ли его можно винить в том, что он сказал правду. Что еще?

Шарлотта остановилась у окна и задернула шторы.

– Я сказала, что никогда не соглашусь на этот брак, а он ответил крайне оскорбительной репликой насчет моей состоятельности как опекуна Сьюзен.

– Неужели?! – еще больше заинтересовалась Лючия. – Что именно он сказал?

– Назвал меня лицемеркой и добавил, что я не девственница.

– Но ведь это правда, не так ли?

Шарлотта злобно воззрилась на подругу. Та пожала плечами:

– Да и какому мужчине нужны девственницы?

– Любому англичанину, – фыркнула Шарлотта. – По крайней мере, если у них есть деньги. – Немного подумав, она вздохнула: – Вероятно, я и есть лицемерка. Потому что вышла замуж за Пьетро отчасти из-за его денег. Но я училась на своих ошибках и сейчас пытаюсь остеречь от них Сьюзен.

– Ты вышла за Пьетро, потому что нуждалась в защите. И из-за его денег тоже. Но подумай, почему он женился на тебе. Давай не станем делать вид, что он – мужчина, созданный для женщины, годившейся ему во внучки. Пьетро хотел появляться в обществе под руку с красивой женщиной и добился этого. Что даст Сьюзен этот Стюарт Дрейк, кроме своего красивого лица?

– Его дедушка – виконт, – пробормотала Шарлотта, невидящим взглядом глядя в окно. После того как Лючия все разложила по полочкам, Стюарт стал ей казаться вовсе не плохой партией: красивый наследник древнего титула – выгодный жених для девушки, отец которой был просто джентльменом. Вот только детали выявляли уродливую истину.

– Пойми, она станет виконтессой не сразу, а он получит богатство сейчас. По каким еще причинам люди женятся? – Лючия глубоко затянулась и энергично добавила: – Какая жалость, что англичане считают необходимым прежде жениться, а потом уже наслаждаться друг другом. Куда лучше не впутывать в это брак. Зачем связывать себя с одним мужчиной, когда их в этом

мире так много?

– Я, разумеется, не скажу Сьюзен о твоём мнении, – сухо ответила Шарлотта. – Сейчас она видит только одного мужчину.

Лючия рассмеялась, и впервые за весь вечер её голос зазвенел, как когда-то. Шарлотта вздохнула. Какая жалость, что она когда-то познакомила Лючию с турецким принцем, который, в свою очередь, познакомил её со своими крошечными, вызывавшими быстрое привыкание сигаретами! Следствием этого голос Лючии стал грубым.

– Что же, – Лючия многозначительно посмотрела на подругу, – по крайней мере, на него приятно смотреть.

Но Шарлотта отказывалась это обсуждать. Что бы там ни воображала Лючия, а Стюарт Дрейк опасен. Сьюзен же – наивная, совершенно невинная девочка, абсолютно не знающая мужчин. Не то, что светская, умудренная жизнью женщина.

– Если их разлучить, её увлечение не продлится и недели.

– А разве любовный роман вообще способен продлиться больше недели? – Лючия села и, просясь, добавила: – Если не хочешь соблазнить его, возможно, я возьмусь за дело. Как, по-твоему, это поможет? Я предлагаю это только ради Сьюзен.

– Нет!

Шарлотта не хотела думать о жарких губах Дрейка на шее подруги. О длинных пальцах, ласкающих её тело.

Она неловко заерзала при мысли о том, что он едва не овладел ею, причем сразу после того, как заверил Сьюзен в своём желании жениться на ней. Стюарт Дрейк не заслужил, чтобы его обольщали. Он заслужил расстрел на месте.

– Нет, Лючия, не думаю, что это поможет. Кроме того, он слишком стар для тебя.

– Вот как? Сколько же ему...

– Он старше меня, – резко ответила Шарлотта. Она была совершенно уверена, что это правда, особенно если судить по выражению его лица, когда она сказала, что Сьюзен считает, будто тридцатилетние уже стоят одной ногой в могиле.

Лючия несколько разочарованно вздохнула, а Шарлотта снова принялась бродить по комнате, пытаясь решить, что делать. Вопреки словам Сьюзен Шарлотта хорошо помнила, что это такое – быть влюбленной семнадцатилетней девочкой. Но она знала о мире и мужчинах куда больше племянницы и не могла позволить Сьюзен отдать своё сердце меркантильному подлецу. Ей слишком хорошо известно, какая боль и разочарование ждут племянницу. К тому же её жизнь будет погублена.

Но Шарлотта также понимала, что Сьюзен не потерпит никакого вмешательства, особенно со стороны тетки. Мистер Дрейк должен убраться, и предпочтительно по своей воле. Разве что только некая внешняя сила вмешается и даст ему знать, что он больше нежеланный гость в Танбридж-Уэллсе. Наверняка в городе найдутся люди, которые поймут причины, по которым Шарлотта желает от него избавиться. Те, кто предпримет действия, которые она не посмеет предпринять сама. Ради Сьюзен.

Тут Шарлотта перестала бродить по комнате и облегченно вздохнула.

– Неважно, Лючия. У меня есть прекрасный план, как разделаться с очаровательным мистером Дрейком.

Утро Стюарта выдалось почти таким же отвратительным, как и предыдущий вечер. Прежде всего пора было платить за квартиру, а хозяин оказался угнетающе аккуратным во всем, что касалось денег. Сегодня он потребовал их еще до завтрака. Оскорблено вздохнув, Стюарт отсчитал нужную сумму, стараясь не думать о том, как быстро истощаются его запасы. Он

ожидал, что обзаведется богатой женой – этого было бы достаточно, чтобы получить кредит у крайне осторожных торговцев из Танбридж-Уэллса. Если пойдут слухи, что он стал еще беднее, чем вчера, они могут начать требовать плату авансом.

Во-вторых, пришло еще одно письмо от матери. Хотя Стюарт горячо ее любил, но все же боялся ее писем. Она никогда не упрекала его ни словом, что только усугубляло угрызения совести из-за того, что сын стал для нее таким разочарованием. Стюарт давно понял, что угодить отцу невозможно, и больше не пытался, но это ранило мать. Стюарту было безразлично, какого мнения о нем отец, но он жалел, что огорчил мать.

Он быстро прочитал письмо, дал себе несколько минут на раскаяние, поскольку уехал из Лондона как раз на те два месяца в году, которые она проводила в столице, и тут же забыл о письме и о сожалениях.

В-третьих, он осознал, что увлечение Шарлоттой Гриффолينو не прошло после того, как она публично унизила его во время вальса.

Остаток вечера он провел, думая о ней, в основном о том, что хотел бы вколотить хорошие манеры в ее идеально округлую попу.

Стюарт старался не размышлять о других ее идеально округлых частях тела, правда, это не слишком удавалось. Но в тот момент, когда он увидел ее на утренней прогулке, битва была окончательно проиграна.

Он натянул поводья, наблюдая, как Шарлотта выходит из открытого экипажа и поднимается по ступенькам дома Килдеров. Хотя она двигалась с той же чувственной грацией, которая поразила его вчера вечером, сегодня она была одета скорее как чопорная гувернантка, чем как сирена – в платье серого цвета с высоким воротником, длинными узкими рукавами и простой юбкой. Мало того, она определенно надела нижнюю юбку. Скромный светло-голубой капор обрамлял ее лицо, придавая ему почти ангельский вид. Стюарт даже ожидал увидеть в ее руках молитвенник. Сегодня в ней трудно было узнать женщину, которая прошлым вечером флиртовала с ним.

Стюарт нахмурился. Было в этом что-то странное. Он готов был поставить последний взятый взаймы фартинг на то, что это не ее привычный стиль.

Он видел, как ее впустили в дом, и еще больше уверился, что Шарлотта задумала недоброе. Он не мог сказать, почему так считал, но внезапно захотел узнать, какую интригу она плетет. Ему следовало избегать этой женщины, как чумы, и все же отчего-то он не мог.

Прежде чем успел передумать, Стюарт тряхнул поводьями и коснулся боков лошади каблуками. Привязав лошадь к раскидистому дереву в парке, как раз напротив дома Килдеров, он лихо заломил шляпу и направился к экипажу Шарлотты.

Дремавший на сиденье кучер встряхнулся, услышав вопрос Стюарта:

– Это экипаж леди Гриффолينو?

– Да, – кивнул кучер без малейшего любопытства.

– Я как раз собирался повидать указанную леди. Какая жалость, что ее нет дома и она не сможет меня принять! – Стюарт изобразил досаду. – Она собирается нанести несколько визитов?

– Не знаю, мистер.

Стюарт был уверен, что кучера наняли на один сезон. Он и сам не раз нанимал временных слуг и научился видеть таких издалека.

Искушение было слишком велико, и он поддался на уговоры дьявола, стоящего за его левым плечом.

– Только один, – признался наконец кучер, с привычной ловкостью поймав брошенную Стюартом монету. – Велела мне подождать здесь.

Стюарт оглядел улицу, которая, по мере того как приближался час светских визитов, становилась все оживленнее.

– Лошадям не стоит стоять на солнце, как ты думаешь?

– Да, но у меня приказ.

Стюарт бросил ему другую монету. Кучер молниеносно сунул ее в карман и выпрямился:

– Конечно, нельзя, чтобы они стояли на солнце слишком долго. К тому же они мешают движению и все такое.

– Согласен, – кивнул Стюарт. – Неплохо бы объехать вокруг парка.

– Доброго вам дня, мистер. – Прежде чем взмахнуть поводьями, кучер коснулся полей шляпы.

Стюарт с легкой улыбкой проводил взглядом удалявшийся экипаж. Будем надеяться, что выражение ее лица будет стоить двух шиллингов, поскольку он не мог позволить себе бросить на ветер такую сумму.

Стюарт Дрейк занял позицию рядом с крыльцом и стал ждать.

– Леди Килдер! – робко улыбнулась Шарлотта, когда ее провели в гостиную. – Я боялась, что после вчерашнего вечера вы меня не примете.

– Вовсе нет, вовсе нет, – заверила леди Килдер, спеша к ней и жадным взглядом окидывая обеспокоенное лицо гостьи. – Садитесь и выпейте со мной чаю.

Она подвела Шарлотту к дивану, сама села напротив и разлила чай. Шарлотта, часто моргая, взяла чашку.

– Вы слишком добры. Я должна извиниться за мое поведение вчера вечером. Я вовсе не хотела устроить сцену...

Шарлотта осеклась и прижала к губам платочек, изображая смущение. Глубоко вздохнула и снова обратилась к хозяйке, опасно балансировавшей на краю сиденья. Ее любопытство было почти осязательным.

– Моя дорогая графиня! – воскликнула леди Килдер, потянувшись к ее руке. – Что же вас так расстроило? Уверяю, эта вчерашняя сцена такой пустяк! Не стоит внимания!

Наглая ложь, но Шарлотта просто кивнула и пожала руку леди Килдер.

– Вы слишком добры. Думаю, вчерашний инцидент вызвал кое-какие замечания. Мистер Дрейк... о, знаю, его принимали как самого уважаемого джентльмена! Естественно, никто не знал, что на самом деле это вовсе не так! Но, леди Килдер, если бы вы только знали, что я о нем слышала! А потом узнала, что моя дорогая Сьюзен поддалась его чарам и ей грозит опасность быть скомпрометированной... я не выдержала и потеряла голову. Прошу, пожалуйста, простите меня! – Она обратила умоляющий взгляд на расстроенную Луизу Килдер.

– О чем вы, графиня! – Леди Килдер откашлялась. – Что вы хотите этим сказать? Что мистер Дрейк...

Шарлотта закрыла глаза и прерывисто вздохнула, словно недоговоренное слово больно ее ранило. Леди Килдер послушно замолчала. Прежде чем с грустным видом кивнуть, Шарлотта выждала секунду.

– Да, я была в Лондоне последние две недели. Улаживала свои дела. Нечасто бывала в обществе, поскольку мне многое предстояло сделать в связи с оставленным мне покойным мужем наследством. Но даже в своем весьма ограниченном кругу я слышала о мистере Дрейке.

Шарлотта снова помедлила. Леди Килдер сочувственно прищелкнула языком и снова предложила ей выпить чаю. Шарлотта поднесла к губам чашку, оставив хозяйку ждать продолжения. Пока все шло прекрасно.

– И то, что я услышала, было сущим кошмаром. У него репутация самого отъявленного

повесы и распутника. Вечно в долгах, печально известен своими проигрышами за карточным столом, общается с самыми скандальными особами. И хуже всего... господи, я с трудом заставляю себя говорить...

Шарлотта снова покачала головой, кусая губы, словно хотела сдержать слезы.

Леди Килдер даже подскочила:

– Но его семья! Такие связи, всеобщее уважение!

– Его семья, – перебила Шарлотта, – отреклась от него! Отец выгнал его из Лондона и отказался высылать содержание! В Лондоне только об этом и говорили! Он нищий, совершенно нищий, пока не получит наследство после отца! А до этого могут пройти годы – ведь и отец, и дед абсолютно здоровы!

– Нет! – выдохнула леди Килдер, широко распахнув глаза. – Но мы все считали его таким... таким...

– Завидным женихом? – Шарлотта кивнула. – Он хочет, чтобы все так думали. Потому что намерен подцепить богатую невесту. Но причина, по которой отец его выгнал, должна служить устрашением для любой приличной девушки.

– В самом деле?

Шарлотта снова подняла чашку.

– Да. И когда я думаю о том, как близка к несчастью оказалась моя племянница, потому что меня здесь не было и некому было ее защитить, дать добрый совет, мне становится не по себе.

– Естественно. – Леди Килдер деликатно откашлялась. – Но что именно...

Шарлотта поколебалась. Открыла рот, чтобы ответить, но тут же сжала губы и отвела взгляд. Но едва леди Килдер набрала в грудь воздуха, чтобы снова заговорить, Шарлотта подалась вперед и понизила голос до едва слышного шепота:

– Есть две молодые леди – богатые наследницы, пострадавшие от знаков внимания мистера Дрейка. Репутация одной была погублена, когда их застали в саду ее бабушки, где он снимал с девушки чулки! Семья немедленно увезла опороченную девушку в деревню. Вторая молодая леди согласилась проехаться с ним в коляске. Бедняжка не знала о его истинном характере. Я виню родителей – они должны следить за детьми!

Когда мистер Дрейк и девушка не возвратились в назначенное время, ее брат поехал за ними. Они уже были на дороге, ведущей в Дувр, и только богу известно, куда он собирался ее увезти. Скандал был ужасный. К счастью, жених девушки не отрекся от невесты и их немедленно обвенчали. Мистер Дрейк вышел сухим из воды, и все бы обошлось, но его отцу все стало известно, и он отослал сына.

Губы леди Килдер сложились в идеальное «о», но бедняжка не издала ни звука. Шарлотта печально покачала головой:

– Я понятия не имела, что это тот самый джентльмен, о котором Сьюзен упоминала в своих письмах. Конечно, она видела только внешний лоск и совсем не понимала его истинной натуры.

– Вы действительно считаете, что он... то есть он так бесчестен?

Шарлотта с трудом сглотнула и потянулась к платочку.

– Леди Килдер, думаю, он бы опозорил ее так, что репутация девушки погибла бы навсегда! И это было бы... – Она задохнулась и прижала платочек к груди. – И во всем была бы виновата я! Только по счастливой случайности мне удалось вовремя узнать правду. О, даже думать об этом страшно!

К концу своей речи Шарлотта тихо всхлипывала в платочек. Конечно, все это был спектакль, но она отчетливо сознавала, как близка была Сьюзен к истинному несчастью. Она слышала, как племянница предлагала негодяю с ней бежать. Останься Шарлотта в Лондоне еще на день-другой, кто знает, что случилось бы с Сьюзен?

Леди Килдер какое-то время ошеломленно молчала, но, придя в себя, подбежала к Шарлотте:

– Ну что вы, дорогая! Вы же ничего не могли знать. По вашим же словам, вы только недавно вернулись в Англию и, ничего не ведая, приехали сюда. Что и говорить, если даже мы здесь понятия ни о чем не имели!

Она вдруг осеклась, когда до нее дошел истинный смысл собственных слов. Шарлотта продолжала всхлипывать, позволяя хозяйке все хорошенько обдумать. Пока что все шло так хорошо, как только можно было надеяться. Леди Килдер следовала именно по тому пути, по которому незаметно вела ее Шарлотта.

– Да, все мы были одурачены, – сказала леди Килдер минутой позже, в ее голосе появились пронзительные визгливые интонации. – Он казался таким обаятельным и искренним! Его принимали лучшие семьи в Танбридж-Уэллсе, особенно те, в которых есть незамужние дочери! Моя дорогая мадам Гриффолينو, мы в большом долгу перед вами за то, что вы его разоблачили!

– Да. – Шарлотта вытерла глаза и выпрямилась. – Мне это как-то не пришло в голову... но теперь, когда я не позволила Сьюзен встречаться с ним, кто знает, на кого он обратит внимание? Должно быть, он отчаянно нуждается в деньгах и поспешит обольстить следующую жертву!

Раздвувшаяся от возмущения Луиза Килдер поднялась.

– Не беспокойтесь, дорогая графиня, мы всех известим о его гнусных делишках! Бьюсь об заклад, Стюарт Дрейк больше не найдет дружеского приема в этом городе.

– Но он скажет, что я черню его имя, потому что отказала ему в руке Сьюзен. И моя бедная племянница так расстроена из-за всего случившегося! – запротестовала Шарлотта. – Я бы предпочла не иметь с этим человеком ничего общего.

Какое же облегчение ее охватило, когда хозяйка злорадно улыбнулась!

– Ну, разумеется, я понимаю. И была бы только счастлива передать другим ваш рассказ.

«Вне всякого сомнения, – подумала Шарлотта, – неисправимая ты сплетница!»

Будь это возможно, правая рука леди Килдер сплетничала бы о левой. И слава богу!

Шарлотта встала и позволила леди Килдер снова сжать ее руки:

– Не знаю, как вас благодарить! Я так рада снять с души бремя, рассказав обо всем участливому другу, и вы окажете услугу всем женщинам в этом городе, если предупредите их о намерениях мистера Дрейка!

– Ну что вы!

Провожая Шарлотту до двери. Леди Килдер погладила ее руку:

– Все это благодаря вам.

– Вы чересчур добры, – улыбнулась Шарлотта в ответ.

Леди Килдер пожала ей пальцы. Шарлотта истолковала этот жест, как проявление благодарности за то, что даме предстоит довести до общего сведения самый восхитительный скандал сезона.

Шарлотта ушла, предварительно еще раз пространно поблагодарив леди Килдер. Теперь она была совершенно уверена в том, что злые языки еще до конца недели заклеят Стюарта Дрейка званиями лжеца, повесы, развратника, а может, и кого похуже. А Шарлотта будет виновна только в том, что разыграла небольшой спектакль, повторив услышанные сплетни. Но она слышала о Дрейке именно то, что пересказала. Пусть он не винит в происходящем никого, кроме себя. И нужно сказать, поведение его было гнусным, даже если хотя бы половина сплетен правдива. Если Дрейка перестанут принимать в этом городе, ему ничего не останется, кроме как уехать. И тогда Сьюзен поймет, что он лгал, уверяя ее в своих чувствах.

Бедняжка Сьюзен! Жаль, что не в силах Шарлотты предотвратить неизбежную сердечную боль девочки.

Шарлотта решила, что повезет Сьюзен по магазинам и даже позволит ей самой выбрать цвета платьев. Несколько новых нарядов не облегчат боль, но, по крайней мере, помогут отвлечься и, возможно, наладить их отношения. Они начнут заново, решила Шарлотта. И на этот раз она постоянно будет рядом со Сьюзен и постарается расправляться с любыми ее нежеланными привязанностями в самом зародыше, прежде чем они успеют перерасти во что-то большее.

Погрузившись в раздумья о планах завоевать доверие и дружбу Сьюзен, Шарлотта заметила, что перед домом Килдеров нет ее экипажа, только когда оказалась на тротуаре. И тут же остановилась, сведя брови и оглядывая улицу.

– Что-то потеряли?

Услышав за спиной низкий мужской голос, она вздрогнула от неожиданности. Растерянно повернулась и увидела Стюарта Дрейка, стоявшего всего в шаге от нее, так близко, что ей пришлось запрокинуть голову, чтобы взглянуть ему в лицо.

И что это было за лицо! Вчера вечером, когда она сосредоточилась на том, чтобы разрушить все его замыслы относительно Сьюзен, она, конечно, успела заметить, что он красив, но не поняла, насколько! Высокие скулы, большие глаза, и хотя нос немного длинноват, чувственные губы с лихвой возмещают этот недостаток. Он был безупречно одет, и одежда идеально сидела на нем. Ни единой складочки, ни единой морщинки! И никаких следов распутной жизни, которые, по мнению Шарлотты, всегда заметны на лицах повес вроде него. Либо у него лучший портной в Англии, либо он действительно так тренирован и мускулист, как ощущалось, когда он вчера лежал на ней.

При этом воспоминании Шарлотта вспыхнула и повернулась к нему спиной, снова выискивая свой экипаж. Она приказала кучеру ожидать здесь, а он куда-то уехал.

– Добрый день, сэр, – холодно обронила Шарлотта, не оглядываясь.

– Спасибо, – весело ответил Стюарт. – Я был почти уверен, что вы выцарапаете мне глаза. – Он шагнул вперед и встал рядом с ней.

Шарлотта бросила на него злобный взгляд.

– Только почти? Как ужасно, что я не оправдала ваших ожиданий!

– Не могу же я сказать, что ожидал, что вы снова броситесь мне на шею, не так ли?

Шарлотта в бешенстве скрипнула зубами:

– Я не делала ничего подобного.

Стюарт небрежно отмахнулся:

– Неважно. Я пришел протянуть оливковую ветвь. Уладить все недоразумения. Перекинуть мостик через пропасть. Прошлым вечером мы плохо начали, вернее, начали хорошо, но потом наши отношения резко ухудшились. Прошу прощения за все нанесенные вам оскорбления, не хотел вас обидеть.

– Между нами нет никаких отношений, сэр, – фыркнула Шарлотта. – Нет и не будет. Я прекрасно знаю, что это означает, и никакие извинения тут не помогут.

Он еще и улыбается, негодяй!

– А я уже решил, что вы передумаете! Обольстительная сирена по ночам, добродетельная святоша, готовая простить мужчине все его прегрешения, днем.

– Мистер Дрейк, у вас, наверное, много дел.

Он сделал вид, будто оглядывает улицу. Шарлотту едва не трясло от гнева на сбежавшего кучера, благодаря которому она вынуждена выслушивать все это! Она бы ушла, но не хотела, чтобы он провожал ее всю дорогу до дома.

– И оставить попавшую в беду даму? Никогда!

– Вы и есть причина моих бед, – подчеркнула Шарлотта.

Стюарт рассмеялся. Он был восхищен ее профилем. Вблизи оказалось, что ее платье и в самом деле такое строгое, как ему показалось с другой стороны улицы, но почему-то он нашел его очаровательным. Ее унылый наряд не мог скрыть округлостей груди и изгиба бедер. Он представил, как снимает с нее платье, дюйм за дюймом... но вспомнил о том, как она его провела. И неважно, что у нее тело богини, она создает ему слишком много проблем.

– Я хотел бы положить конец вражде, – продолжил Стюарт. – И очень расстроен, что вы не согласились на мое предложение руки и сердца, сделанное вашей племяннице...

– Уверена, что так и есть, – отрезала Шарлотта.

– И вы, вне всякого сомнения, действовали импульсивно, когда мы танцевали...

– Вам придется долго ждать, если надеетесь услышать извинения.

– Так что предлагаю ничью. Мы квиты, – продолжил Стюарт, игнорируя ее слова. – Танбридж-Уэллс слишком маленькое место, чтобы развязывать войну и...

– Согласна.

Шарлотта повернулась к нему и улыбнулась, не разжимая губ. И все же улыбка была настолько кокетливой, что у него перехватило дыхание от желания, смешанного с подозрением.

– Слишком маленькое. Я счастлива, что вы согласились со мной, и надеюсь, что вы выйдете на охоту в каком-нибудь другом городе.

– Простите?

Стюарт чересчур отвлекся на эту улыбку и ярко блестящие глаза. Даже затянутая в платье с высоким воротом, как жена священника, она была обворожительна.

– Но ведь именно этим вы и занимаетесь? Охотитесь на состояние?

Рядом наконец, гремя колесами, остановился ее экипаж.

– Правда, сомневаюсь, что отныне вы найдете достаточно доверчивую добычу, – добавила Шарлотта.

Стюарт, прищурившись, уставился на нее.

Когда кучер спрыгнул на землю, чтобы помочь ей сесть, ее улыбка стала откровенно злорадной.

– Прощайте, мистер Дрейк.

Стюарт ничего не ответил. Он стоял на обочине, глядя вслед экипажу, а в душе росло предчувствие грядущих неприятностей. Что она натворила, навестив в таком благопристойном виде леди Килдер? И почему он отныне должен охотиться в других местах? Он не собирается покидать Кент. Танбридж-Уэллс, кроме всего прочего, – довольно модный курорт. Несколько состоятельных семей проводят здесь сезон. Сьюзен Траттер никак не может считаться единственной наследницей в городе. Он с его именем и ожиданиями по-прежнему остается завидной партией.

Но не в том случае, если кому-то удалось погубить его репутацию.

Его опасения быстро подтвердились. К концу дня ему отказали от дома не менее пяти самых надменных городских матрон. Наутро его открыто проигнорировали в парке, а молодые леди, которые прежде едва не бросались к его ногам, теперь прятались за спины матерей и с ужасом взирали на злодея. Стюарт не нуждался в подтверждении, данном участливой вдовой, с которой он раньше флиртовал, чтобы понять, что произошло и что превратило его в парию и изгоя.

Стюарт вполне мог перенести отказ, данный опекуной Сьюзен Траттер, мало того, испытывал некое облегчение и искренне хотел помириться с Шарлоттой Гриффолينو. Он также мог понять, почему она его невзлюбила и почему выставила дураком. Он сам виноват, что попался на ее удочку. Но Стюарт также не сомневался, что это Шарлотта стоит за остракизмом здешнего общества по отношению к нему. А этого он простить был не в силах. Его финансовое

положение, и без того отвратительное, становилось отчаянным. И никакой надежды получить деньги в ближайшее время! Она сделала все это назло ему, и Стюарт намеревался отплатить ей по заслугам, хотя пока не знал как именно. В конце концов, в любви и на войне все средства хороши.

Шарлотта с племянницей жили в скромном доме, на тихой боковой улочке фешенебельной части города. Стюарту виделось весьма странным, что женщина, управляющая гигантским состоянием Траттеров, сняла столь непритязательное жилище. Почему-то казалось, что дама со столь экзотической внешностью в этом английском доме не к месту. Все же, учитывая цель его прихода, Стюарту следовало быть благодарным, что перед ним не укрепленная крепость.

Со своего наблюдательного пункта в ближайших кустах Стюарт наблюдал, как удаляется его Немезида. На ней было платье цвета сапфира. Сьюзен, шагавшая рядом, тоже была в голубом, но оттенком бледнее. Она шла опустив голову. Наблюдая, как девушка садится в экипаж, Стюарт мысленно извинился перед ней, поскольку был уверен, что ее вины тут нет. Если бы кольцо не принадлежало его матери, Стюарт махнул бы на него рукой, но, как ни грустно, он отдал Сьюзен именно материнское кольцо. Мать желала, чтобы оно перешло к его жене, и Стюарт, к собственному удивлению, понял, что хочет того же. И поскольку он уже точно не женится на Сьюзен Траттер, то хотел вернуть кольцо.

Он сознавал, что это не совсем приличный поступок. Он сам отдал Сьюзен кольцо, и крайне грубо требовать его обратно. Для того чтобы не бередить ее рану и заглушить голос собственной совести, Стюарт наскреб немного денег и купил вместо кольца небольшой сувенир и послал записку с просьбой разрешить заехать к Шарлотте. Если мадам Гриффолино поведет себя разумно, Стюарт просто все объяснит и будет надеяться на лучшее. Но его учтивое послание было возвращено нераспечатанным, а когда он позвонил, открывший дверь лакей объявил, что хозяйка не принимает и впредь ее для него не будет дома.

Потерпев неудачу, кипящий от возмущения Стюарт решил просто выкрасть кольцо.

Когда экипаж с тремя дамами на борту: Сьюзен, ее теткой и жившей с ними итальянской певицей – отъехал, Стюарт в последний раз подкрепился глотком виски из фляги, раздвинул ветки и прокрался за угол, откуда можно было проскользнуть в сад за домом.

Оказавшись в саду, он подошел к ряду темных окон. Поскольку леди уехали на весь вечер, слуги наверняка уйдут либо на чердак, в помещения для слуг, либо на кухню, и оба этажа опустеют.

Стюарт нашел незапертое окно и перелез через подоконник. Опустился на четвереньки и прислушался. Удостоверившись, что все спокойно, он осторожно поднялся на ноги и огляделся, позволяя глазам привыкнуть к темноте.

Комната оказалась библиотекой, но, видно, ее нечасто посещали. Здесь все говорило о небрежении и было покрыто пылью. Стюарт пробормотал проклятие, сообразив, что его следы наверняка отпечатаются на полу. Оставив окно открытым, он на цыпочках пошел по ковру, но тут же ударился о большую коробку.

– Черт, – тихо выругался Стюарт, схватившись за колено. Какого дьявола эта коробка стоит посреди комнаты? Он принялся осторожно ощупывать окружающие предметы и обнаружил, что в комнате полно коробок и сундуков. Десятки. И все стоят у него на дороге.

Стюарт вытянул руки и тут же споткнулся обо что-то низкое и круглое. Очевидно, свернутый ковер, о который он ушиб и без того больное колено. Пробираясь вперед, он врезался головой в окованный металлом сундук и выругался уже громко, когда что-то тяжелое и странно мохнатое соскользнуло с сундука и упало ему на голову.

– Проклятие! – воскликнул охваченный паникой Стюарт. Неужели его заметили? Схватили?

Он беспорядочно замахал руками, и покрывало сползло. Стюарт встал, его сердце бешено колотилось, а волосы встали дыбом. Неужели дом полон капканов, расставленных на

несчастливых грабителей?

Ушло несколько секунд на то, чтобы убедить себя, что причин для тревоги нет. Он уже хотел вылезти в окно, поскольку, кажется, пробыл в доме целый час и пока не нашел выхода из комнаты. Стоит ли этого кольцо?

Стюарт подумал о том, сколько раз он огорчал мать, и прокрался к окну. Стараясь дышать ровно, он немного приподнял штору, чтобы впустить в комнату лунный свет. Похоже, на него свалилась тигровая шкура.

Стюарт смотрел на нее с любопытством и отвращением. Что за женщина станет держать в доме подобную вещь?

Он покачал головой. Сейчас не время размышлять о характере Шарлотты. Он здесь затем, чтобы вернуть свою собственность и как можно скорее убраться отсюда.

Стюарт опустил штору и уже более уверенно прошел через комнату и выскользнул в коридор. У двери горела только одна лампа. Как он и ожидал, здесь никого не было. Скрестив пальцы на удачу, он прокрался наверх. Хорошо бы побыстрее найти комнату Сьюзен.

На верхней площадке Стюарт остановился и прислушался. Горничные, возможно, все еще убирают в комнатах хозяек. Но все было тихо, и он стал открывать двери. И как раз потянулся к третьей ручке, когда услышал голоса и смех. На лестнице были какие-то женщины. Стюарт мгновенно очутился в комнате и, затаив дыхание и напрягая слух, прижался к стене у самой двери. Женщины остановились прямо у комнаты, где он прятался. Сердце Стюарта билось так громко, что его стук практически заглушал голоса говорящих. Одна дама рассказывала другой о своем поклоннике, портновском подмастерье.

– Ах, он так хорошо одевается! – признавалась она.

– О-о-о, да он, кажется, вполне подходящий жених, – отвечала другая.

Женщины продолжали болтать. Голоса постепенно отдалялись, хотя не смолкли окончательно. Но, похоже, в эту комнату они не войдут.

Стюарт уперся лбом в прохладную стену и выдохнул. Он застрял здесь, хотя его не поймали, и это явно не та комната, которая ему нужна. Мало того, присмотревшись, Стюарт точно понял, чья эта комната. Он слишком хорошо помнил теплый, экзотический запах, хаос ярких цветов и дорогих тканей. Это может быть только спальня Шарлотты Гриффолино. Он не сразу осознал всю опасность своего положения.

Огонь в камине уже затухал, но давал достаточно света, чтобы видеть обстановку. Сама комната была обычной, но даже в полумраке личные вещи Шарлотты буквально испускали сияние. Голубое с зеленым постельное белье, письменный стол в углу, шезлонг у камина. На шезлонге и кровати валялась одежда, и Стюарт испытывал странное удовольствие от сознания того, что Шарлотта немного неряшлива.

Он помедлил, прислушиваясь, но в коридоре по-прежнему раздавались голоса. Кажется, он надолго застрял в этой спальне. Ничего, в таком случае следует устроиться поудобнее.

Он смерил взглядом груды одежды на шезлонге, и что-то привлекло его внимание. Ну-ка, ну-ка...

Стюарт осторожно вытянул из кучи тонкую батистовую сорочку. Он уж точно не возражал бы против того, чтобы увидеть ее в этом. «Или в этом», – подумал Стюарт, заметив голубой, шелковый, не застроченный по бокам пеньюар.

Совершенно заинтригованный мужчина присмотрелся к шелковым чулкам, кружевным халатам и, о боже, – красному атласному корсету. Все вещи выглядели так, словно она примерила их и отбросила. Вероятнее всего, это означало, что горничная скоро явится сюда, чтобы все развесить. Стюарт быстро выглянул в окно, проверить, можно ли отсюда выпрыгнуть, но расстояние до крыльца было слишком велико.

Не особо, однако, разочарованный, он стал неспешно осматривать комнату. Здесь не было ни одного стула. Сидеть можно было только на постели. Поэтому Стюарт уселся, утонув в роскошной пуховой перине. Здесь запах Шарлотты ощущался сильнее всего, он поднимался от белья и наполнял воздух. Мужчина откинулся на перину и глубоко вдохнул, наслаждаясь легким вкусом... вернее, ароматом мести.

Конечно, невозможно было сидеть на ее кровати, ощущать запах ее духов и не думать о том, каково это – лежать с ней в постели.

Стюарт нахмурился, когда его мужское естество мгновенно отреагировало на грешные мысли. Он уже получил свой урок, и больше его не отвлекут телесные порывы.

Он снова прислушался. Горничные по-прежнему болтали в коридоре. Какого черта они там делают?

Его обуревало нетерпение. Какой бы дьявольский восторг ни охватил его при виде белья Шарлотты Гриффолино, ему хотелось выполнить свою миссию и исчезнуть. Чем дольше он пробудет в этом доме, тем больше у него шансов быть пойманным.

Стюарт побарабанил пальцами по бедру и снова оглядел комнату. Его внимание привлекла маленькая шкатулка на прикроватном столике. От нечего делать он поднял крышку. В глаза ударило сияние драгоценностей. Господи!

Стюарт поднял шкатулку и, потрясенный увиденным, стал в ней рыться. В доме открыто лежит целое состояние в драгоценных камнях!

Звук закрывшейся где-то рядом двери вывел его из задумчивости. От неожиданности он даже подскочил.

Несколько украшений из шкатулки высыпалось ему на колени и соскользнуло в плюшевые складки покрывала. Стюарт быстро собрал их, сунул обратно в шкатулку и поставил ее на стол, прежде чем метнуться через всю комнату к двери. Голоса стихли, теперь до него доносилось едва слышное мурлыканье – кто-то напевал себе под нос. В коридоре звучали шаги: взад-вперед, взад-вперед. Стюарт напрягся, в любую минуту ожидая разоблачения, но звук шагов постепенно затих. Он беззвучно повернул ручку, слегка приоткрыл дверь и прокрался в коридор. Здесь царил тишина. Ни души. Стюарт с тоской оглядел двери комнат, где не успел побывать, но решил, что риск слишком велик. Лучше признать поражение и придумать более безопасный план. Очевидно, вор из него никудышный.

Стюарт осторожно и быстро спустился по ступеням и вошел в библиотеку, окно которой оставил открытым. Только закрыв за собой дверь, он понял, что ошибся. Это была не библиотека, хотя здесь тоже стояли ящики и сундуки, нагроможденные в некоторых местах до потолка. Интересно, она складывает вещи, планируя уехать, или хочет остаться, но слишком ленива, чтобы все распаковать? И если последнее предположение верно, почему она не арендовала дом побольше?

Стюарт с любопытством приоткрыл крышку ближайшего ящика. Он был набит соломой. В соломе лежала... ваза. Большая ваза.

Он уже закрывал крышку, когда рядом раздался едва слышный звук. Стюарт замер и, приготовившись бежать или драться, если возникнет необходимость, обошел ящик и прислушался. Шорох, скрип, потом тишина и тихий шепот. Кажется, что-то тащат?

Стюарт бесшумно шагнул вперед. Неизвестные не принесли с собой лампы.

Он сжал сломанную доску от какого-то ящика, поднял ее на всякий случай над головой и стал красться дальше.

Темная фигура нагнулась над ящиком. Теперь Стюарт разглядел крошечную лампу, почти целиком закрытую колпаком. Слабый свет едва освещал открытый ящик, превращая неизвестного в расплывчатую тень.

Стюарт поколебался. Еще один грабитель? А этот за чем пришел? И что ему самому теперь делать?

До него дошла абсурдность ситуации. Он вломился в дом с единственной целью – кое-что украсть, и вид другого вора мгновенно заставил его превратиться в английского джентльмена. Какое лицемерие!

Стюарт покачал головой, не одобряя такого сумасшествия. Подобное поведение почти фатально для него.

Человек, скорчившийся над ящиком, внезапно повернулся и взмахнул рукой. Стюарт инстинктивно отбил удар дощечкой и отскочил в сторону. Следующий удар незнакомца пришелся ему в живот. Воздух со свистом вышел из легких Стюарта. Оба врезались в очередную грудку ящиков.

Парень был невысоким, но сильным и жилистым. У него также оказался нож, который Стюарт с трудом отвел от собственного горла. Кряхтя и рыча, они катались по полу. Никому не удавалось взять верх. Но тут послышался топот бегущих ног. Противник Стюарта на миг застыл, после чего подскочил и удрал со скоростью испуганного оленя, наступив прямо на живот Стюарта, чем опять лишил его возможности дышать. Грабитель исчез, а его вот-вот обнаружат в этом хаосе! Сообразив, что ему нечем объяснить его пребывание здесь, Стюарт похромал к окну, которое увидел за ящиками, и потянул за ручку.

Ручка не двигалась.

Дверь открылась. В комнату ворвался свет свечи. Стюарт продолжал дергать за ручку окна, рассматривая встревоженное лицо дворецкого. Он решительно отказывался быть пойманным в ту минуту, когда пытается вырваться из дома. Дворецкий переступил порог и поднял свечу повыше.

– Кто здесь? – окликнул он дрожащим голосом.

Последний рывок, и створка окна с душераздирающим скрипом взлетела вверх. Стюарт головой вперед нырнул в кусты жимолости. Оборвав с ног плети, он помчался по темному саду, подальше от криков и воплей, раздававшихся в доме, и не остановился, пока не пробежал несколько улиц.

Пыхтя и потея, сотрясаясь всем телом от запоздалой паники, Стюарт прислонился к стене, чтобы немного отдышаться. Боже, он едва не попался! Такая удача может выпасть только на его долю – вломиться в единственный дом в Кенте, где уже орудует вор!

Стюарт провел ладонью по лицу и понял, что пальцы липкие не только от пота. И выругался, увидев длинный порез на ладони. Тот парень все-таки успел задеть его ножом! Он сунул руку в карман за платком и ощутил незнакомый предмет. Чувствуя, как растет дурное предчувствие, он осторожно вытянул – Господи Иисусе! – изумрудное кольцо. Должно быть, оно скользнуло в карман, когда он уронил драгоценности из шкатулки.

Стюарт запихнул его обратно в карман и принялся бинтовать кровоточащую руку, ежась, словно под злобными взорами тысячи глаз. Просто прелестно! Теперь он еще и похититель драгоценностей! Как, черт возьми, вернуть кольцо, не выдав себя? Сам он теперь точно в этот дом больше не пойдет!

Он сжал раненую руку и отправился домой, проклиная тот день, когда встретил Шарлотту Гриффолينو.

– Но что-то пропало? – спросила Шарлотта в пятый раз, стоя посреди разгромленного музыкального салона. Дворецкий Данстен мало что соображал, только заламывал руки и просил прощения. Шарлотта, со вздохом прерывая очередное извинение, повторила:

– Не волнуйтесь, Данстен. Я и не ожидала, что вы сумеете его задержать. Просто хочу знать,

что он украл.

Дворецкий растерянно огляделся:

– Понятия не имею, миледи.

Два лакея вернулись, закончив обыскивать дом:

– Никого, мэм. Мы проверили все комнаты, все шкафы и чуланы, каждый укромный уголок.

– Спасибо.

Шарлотта отпустила всех и велела Данстену выпить бокал портвейна, а сама отправилась в прихожую, где стояли перепуганные Сьюзен с Лючией и горничные.

– Мы в безопасности. Тот, кто сюда вломился, успел сбежать.

– О, тетя Шарлотта! – всхлипнула Сьюзен, подбегая к ней и обнимая за плечи. – Мне в голову бы такое не пришло! Подумать только, в Кенте! Что, если бы мы были дома!

– Нас не было, и это самое главное.

Шарлотта многозначительно глянула на Люцию поверх головы племянницы. Та курила уже вторую сигарету. У Шарлотты не хватило духа напомнить ей о том, что она обещала не курить в присутствии Сьюзен, поскольку было видно, что Люция нервничает – она сильно затягивалась, как делала всегда, когда была расстроена.

– Ложись спать, дорогая. Я обо всем позабочусь.

– Но что, если он вернется? – заныла Сьюзен. – Нам не скрыться от него даже в собственных постелях!

Шарлотта вздохнула. При виде красных от слез, испуганных глаз племянницы ее сердце сжималось.

– Не волнуйся, – мягко произнесла она. – Если даже Данстен смог его вспугнуть, Том и Генри наверняка вгонят его в ужас. Они сегодня будут спать в прихожей. Мы в полной безопасности.

– Хорошо.

Глаза Сьюзен снова наполнились слезами.

Шарлотта обняла ее, бормоча что-то ободряющее, а затем проводила племянницу в ее спальню, где они обе все обыскали и проверили, закрыто ли окно. Шарлотта послала горничную за чашкой теплого молока и уложила Сьюзен в постель, укрыв одеялом, как ребенка. Все их ссоры были забыты, и девушка даже улыбнулась, когда тетя пожелала ей доброй ночи.

Шарлотта вернулась вниз, в музыкальный салон. Ее сопровождала Люция, которая, казалось, успокоилась после курения. Слуги были слишком напуганы, чтобы все здесь прибрать, и Шарлотта позволила им сделать это утром. Она сама хотела все проверить, надеясь, что вор оставил какую-то улику.

Не впервые кто-то вламывался в дом. Сначала Шарлотта посчитала, что всему виной обыкновенная беспечность слуг. Но теперь стало понятно, что за всем стояла не просто небрежность. Несколько ящиков были перевернуты, два открыты, и в них явно рылись, а в мусоре был найден крошечный огрызок свечи в оловянном подсвечнике. Кто-то снова побывал в ее доме, очевидно, искали что-то определенное, но не нашли. А значит, вор обязательно вернется.

– Он утрачивает всякую осторожность, – заметила Люция, нарушив молчание. – Не знаешь, что он ищет?

– Понятия не имею, – вздохнула Шарлотта. – Эти ящики привезли только на прошлой неделе. Иногда мне становится интересно, знает ли он сам, что ищет.

Люция подтолкнула ногой выкатившуюся из ящика вазу. Та перекатилась, обнаружив зигзагообразную трещину.

– Возможно, это к лучшему. Он потеряет терпение и сделает ошибку.

– Возможно, ему надоест красться по дому и он просто ворвется во время обеда, возьмет нас в заложники и продержит, пока не найдет то, что ему нужно.

Шарлотта подняла вазу и помедлила, хмуро глядя на темные пятна на ковре.

– Как, по-твоему, похоже на кровь?

Лючия, зашуршав шелком, нагнулась пониже:

– Ты не думаешь, что он поранился и именно поэтому устроил такой беспорядок?

Шарлотта тоже пригляделась. Вполне возможно. От боли и досады грабитель, должно быть, сильно разозлился и стал колотить фарфор. Но это едва не привело к его поимке. Будь дворецкий проворнее и моложе, она бы прямо сейчас могла увидеть вора.

Грабитель вламывался в дом несколько раз, всегда очень тихо и оставлял крайне мало следов своего присутствия. Он мог бы обокрасть ее подчистую, но почему-то не делал этого. Вскрытые ящики несколько недель стояли нетронутыми, как и остальные. И грабитель мог взять из них все, что угодно. Никто ничего бы не заметил. Почему он подвергал себя опасности быть обнаруженным сейчас?

Шарлотта обошла разбитые ящики, пытаясь бесстрастно рассмотреть место преступления. Сразу можно сказать, какие ящики грабитель открыл. Все прибыли недавно, и никто их с тех пор не трогал. Два ящика были вскрыты и тщательно закрыты. Один был открыт, но закрыт небрежно, а другой так и остался без крышки. Почему грабитель впал в буйство в разгар поисков?

Шарлотта в отчаянии покачала головой.

– Возможно, он посчитал, что искомое найдется в последних нескольких ящиках. Больше посылок я не ожидаю, слава богу. У меня просто не будет для них места.

– Почему бы в таком случае их не распаковать?

Лючия достала из открытого ящика маленькую статую.

– Этот дом такой унылый!

– Если я все распакую, дом будет похож на музей.

«И здесь все будет напоминать Италию», – добавила про себя Шарлотта.

А она старается оставить позади все воспоминания об Италии. По правде говоря, ей вообще не нужен ни один предмет из лежащих в этих ящиках. Она просто не придумала, что с ними делать. И вообще не ожидала, что Пьетро оставит их ей. Но в его завещании было указано, что она должна сохранить все, в память о его любви к ней. После такого она не смогла сказать «нет», когда поверенный предложил отправить вещи в Англию, на ее адрес. Не будь с ней Лючии, которой все объяснить было затруднительно, Шарлотта лично столкнула бы каждый ящик за борт в океан во время путешествия. Пусть воры берут что хотят! Но вместо этого они вломились сюда и устроили разгром!

– Что же, поскольку делать все равно нечего, я иду спать, – объявила она со вздохом. – Увидимся утром.

– Не представляю, как ты сможешь уснуть.

Лючия содрогнулась, но поспешила за ней. Оказавшись наверху, Шарлотта зашла посмотреть, как Сьюзен. Та крепко спала, свернувшись клубочком, совсем как в детстве. На сердце у Шарлотты было тяжело. Она так старалась стать хорошим опекуном девочки, но меньше чем через месяц допустила, чтобы племянница влюбилась в авантюриста, а теперь грабители терроризируют их в собственном доме!

Впервые она почти решила ехать в Лондон. Ради Сьюзен. До сих пор Шарлотта откладывала поездку, твердя себе, что они подождут, пока Сьюзен не станет достаточно взрослой, чтобы выезжать. Но, возможно, Шарлотта ошибалась.

Она осторожно поправила одеяло на спящей девушке и ушла к себе.

Огонь в камине погас, потому что горничные были слишком напуганы, чтобы заходить в комнаты. Покачав головой, Шарлотта разворошила кочергой угли и сумела найти тот, что еще не догорел. Зажгла свечу, поставила ее на туалетный столик и стала снимать драгоценности. Но тут ее взгляд упал на кровать, и она замерла.

Кто-то побывал в ее постели! Простыни в беспорядке, а на покрывале виднеется вмятина! Горничная никогда бы не оставила постель в таком виде!

По спине Шарлотты поползли мурашки, дыхание стало прерывистым и громким. Она так живо представила незнакомца в своей спальне!

Дрожа, она подобралась к кровати и, готовая закричать, дернула за угол покрывало. Оно упало на ковер.

Шарлотта рывком подняла подушки. Ничего. Она тряхнула простыни и провела руками под периной. Ничего.

Колени Шарлотты подогнулись, и она рухнула на грудь белья. Облегчение и страх сплелись воедино. Пока что она не видела наверху никаких следов грабителя, и столь наглое вторжение в ее убежище стало неожиданностью.

Шарлотта поняла, как была не права, не обращая внимания на постоянные взломы дома. Поскольку никто не был ранен и очень часто появление грабителей оставалось почти незамеченным, она привыкла рассматривать происходящее как досадное недоразумение. Не более того.

Шарлотта встала и принялась обыскивать комнату в поисках чего-либо необычайного. Под конец она уверилась в том, что вор перебирал ее одежду, хотя, похоже, ничего не пропало. Горничная не успела убрать выстиранные платья и починенное белье, до того как поднялась суматоха, и все интимные предметы туалета оказались поверх всей груды. Шарлотта решила выбросить все и купить новое. Она не сможет носить белье после того, как его касался грабитель.

Единственное, что исчезло, – это изумрудное кольцо из шкатулки с драгоценностями, и это дало ей надежду. Возможно, это просто мелкий воришка, набравшийся храбрости впервые подняться наверх. Шарлотта надеялась, что так и есть, потому что не могла вынести мысли о том, что посторонний человек шарил по ее дому сколько хотел. Пусть он даже украдет все драгоценности – всегда можно купить новые. И если это удовлетворит его жажду наживы, может, он перестанет сюда пробираться.

Шарлотта аккуратно застелила постель, энергично встряхивая каждый предмет, словно желая избавиться от прикосновения чужой руки. Она долго не могла уснуть, а когда уснула, видела во сне, как мстит человеку, так нагло нарушившему ее уединение.

Шарлотта решила ничего не рассказывать Сьюзен. Когда наутро племянница спустилась к завтраку, полная решимости вести себя так, будто ничего не случилось, Шарлотта, тепло ей улыбнулась. Она сама разделается с вором.

– Доброе утро, Сьюзен.

– Доброе утро, тетя Шарлотта, – нерешительно улыбнулась Сьюзен.

Это дружелюбное приветствие было первым за много дней, отчего Шарлотта пришла в восторг. Когда она получила известие о смерти Джорджа вместе с новостью о том, что он назначил ее опекуном своего единственного ребенка, в Шарлотте загорелась тайная надежда на то, что Сьюзен сможет стать ей хорошим другом, одновременно кем-то вроде сестры, которую всегда хотела иметь, и дочери, которой никогда не имела. Сьюзен была совсем ребенком, когда Шарлотта покинула Англию, но все это время она с любовью вспоминала племянницу.

– Мы поедем сегодня за покупками? Мне кое-что понадобится.

Утром Шарлотта приказала горничной избавиться от белья. У нее осталось только то, в чем

она была вчера.

– Я подумываю купить желтый муслин, который тебе понравился, – добавила Шарлотта, надеясь, что это поможет сохранить расположение племянницы. – Может, нам стоит еще раз на него взглянуть?

Сьюзен удивленно вскинула брови:

– Правда? Ты... ты сказала, что это слишком смелый цвет для девушки моего возраста.

– Я передумала. Поедем?

Сьюзен обрадованно кивнула. На душе у Шарлотты сразу стало легче, и она принялась за завтрак. Возможно, она была чересчур строга с племянницей. Желтое платье, на ее вкус, было несколько провинциальным, но Сьюзен достаточно взрослая, чтобы самой выбирать себе одежду. Платье, и, конечно, новые туфли к нему, и шляпку с перчатками...

– Прошу прощения, мадам, – пробормотал вошедший в комнату дворецкий. – Том нашел это в саду.

Дворецкий протянул ей серебряную флягу. Шарлотта взяла ее и онемела от изумления. Фляга была дорогой, из полированного серебра. Такая вполне могла принадлежать джентльмену.

– Где, Данстен?

Дворецкий тихо откашлялся.

– В зарослях жимолости, миледи. Под окном музыкального салона.

Шарлотта еще раз осмотрела флягу. Это не ее вещь, так что, возможно, она принадлежит вору. Так вор – джентльмен?

Послышался громкий скрип металла по фарфору. Кто-то охнул. Шарлотта подняла глаза и увидела, как побледнела Сьюзен. Племянница смотрела на флягу широко раскрытыми глазами.

– Это... это там прятался вор? – спросила Сьюзен едва слышно.

Шарлотта положила флягу на колени.

– Не волнуйся, дорогая. Он больше не сможет вломиться сюда.

Шарлотта кивнула дворецкому, и тот с поклоном удалился.

– О, нет! – Племянница облизала губы: – Можно мне посмотреть? Пожалуйста.

Сьюзен выглядела очень расстроенной. Шарлотта неохотно протянула ей флягу. Девушка почти вырвала ее из руки тетки, перевернула и снова сдавленно охнула. Но тут же обернула флягу салфеткой и вскочила:

– Прости. Мне нужно уйти.

Сьюзен попятилась к двери, но Шарлотта нахмурилась и покачала головой:

– Мне нужна эта фляга, Сьюзен. Я немедленно отошлю ее судьбе. Он захочет увидеть ее и выяснить, кому она принадлежит.

– О, нет! – Сьюзен лихорадочно замотала головой, прижимая к груди завернутую в салфетку находку.

– Уверена, что фляга не имеет никакого отношения к грабителю. Этого быть не может!

– Сьюзен, – медленно выговорила Шарлотта, протягивая руку. – Дай мне флягу.

Девушка снова попятилась:

– Нет... нет... думаю, это моя. Папа как-то подарил мне такую, это, должно быть, она.

– Тогда позволь мне взглянуть на нее.

Шарлотта поднялась из-за стола и вытянула флягу из окаменевших пальцев Сьюзен. На вид обычная вещица.

Шарлотта недоуменно переворачивала ее. Почему Сьюзен старается спрятать от нее флягу?

И тут она замерла. Сбоку, рядом с рычащим драконом была выгравирована затейливая буква «Д». Чудовище почти стерлось, но языки огня, вырывавшиеся из его пасти, сразу давали понять, кто изображен на фляге.

Шарлотта подняла глаза на Сьюзен:

– Чья это фляга?

Племянница быстро заморгала:

– Я уже сказала. Мне ее подарил папа.

– Хозяин этой фляги случайно не мистер Дрейк?

Шарлотта с трудом сдерживалась. Сьюзен испуганно вскрикнула и покачала головой.

– В таком случае, чья она? Твоему отцу она не принадлежала.

Сьюзен открыла рот, но тут же с испуганным видом закрыла. Шарлотте уже было все равно.

Если этот негодяй, этот так называемый джентльмен вломился в ее дом и перебирал личные вещи, Шарлотта сделает все, чтобы увидеть его голову на пике. Как он посмел трогать ее нижнее белье!

– Он бы не вломился в ваш дом, тетя Шарлотта, – умоляюще прохныкала Сьюзен. – Мистер Дрейк – джентльмен!

– После того как ты легла спать, я обнаружила, что кое-что из моих украшений пропало.

Мистеру Дрейку отчаянно не хватает денег.

– Он бы не сделал этого, – заплакала племянница.

– Вполне мог, если отказался от планов жениться на тебе и заполучить твое состояние.

Сьюзен прерывисто вздохнула, и Шарлотта сразу пожалела, что была так откровенна.

Прежде чем она успела смягчить свои слова и попытаться достучаться до девушки снова, Сьюзен распахнула дверь и убежала.

Сгорая от гнева, Шарлотта снова осмотрела флягу. Сьюзен не могла поверить, что ее драгоценный мистер Дрейк – обыкновенный вор, но, конечно, в глубине души каждый охотник за приданым – кто-то вроде вора. Негодяй даже не пожелал понять намек и с позором убраться из города. Он унизился до мелкого воровства. Или взял кольцо из мести?

Шарлотта разжала пальцы и выронила флягу на стол. Ей следует взять улику, пойти к властям и потребовать его ареста. И немедленно отправиться к нему и сказать все, что она думает о его путешествиях по ее дому! Нужно пригласить его на место преступления и встретить с пистолетом в руке. И ни в коем случае нельзя вламываться в его квартиру, уничтожать его вещи и пытаться вернуть свое кольцо.

Но именно так она и поступила.

Шарлотта была потрясена, поняв, как легко проникнуть в его квартиру. Стоило быстро взобраться по высокой яблоне, а оттуда на подоконник открытого окна – и она уже в комнате! Для матерого взломщика он крайне беспечно относится к безопасности собственного дома.

Шарлотта улыбнулась, отряхивая брюки от пыли.

Оказалось, она попала в скромно обставленную гостиную. Похоже, мебель выбирала хозяйка квартиры. Шарлотта ехидно ухмыльнулась, представив высокого мускулистого Стюарта Дрейка, отдыхающего в обитом цветастым мебельным ситцем кресле, в окружении множества подушечек. Должно быть, он действительно в отчаянном положении, если снял столь вычурно разукрашенную комнату.

Шарлотта тут же напонила себе, что его положение настолько отчаянное, что он вломился в ее квартиру, и тут же принялась за работу. Она намеревалась найти украшение, оставить ехидную записку и, если позволит время, разгромить комнату, как он разгромил ее музыкальный салон. Шарлотта надеялась, что успеет разрезать на лоскуты весь его гардероб.

В разгар поисков она услышала скрежет ключа в замочной скважине. Кровь застыла в жилах. Молясь, чтобы это оказался слуга, пришедший застелить кровать, она притаилась в темном углу. И затаила дыхание, когда в комнату вошел мужчина и, наклонив голову, принялся стягивать перчатки.

Шарлотта закрыла глаза. Ничего не скажешь, везение! Сам Стюарт Дрейк!

Он закрыл за собой дверь. Послышался шорох: это он снял пальто. Потом тихое проклятие. Повозившись с огнивом, он зажег свечу и встал перед ней, загораясь светом. Помедлив, пошел и закрыл окно, которое Шарлотта оставила открытым. Немного постоял, о чем-то размышляя, слегка пожал плечами и направился к камину.

На какой-то момент Шарлотта полностью растерялась. Как ей теперь сбежать незаметно? Она никак не сумеет открыть окно и спуститься на землю по дереву, не подняв шума. Она сможет выскользнуть из двери, если только он выйдет в другую комнату. Кажется, он проведет вечер дома. И почему бы ему не отправиться играть, пьянствовать и забавляться с потаскушками, как подобает всякому нормальному повесе?

Он поворошил угли, добавил дров, с усталым вздохом сел на край кресла почти напротив нее и потер затылок. Несколько минут, сгорбившись, смотрел на огонь. Шарлотта ощутила странное сочувствие к этому воплощению отчаяния. Хотя она знала, что он отпетый негодяй, все же выглядел он измученным заботами и тревогами, находящимся на грани человеком. И он был чертовски красив при свете камина!

Она закрыла глаза, чтобы удержать в узде свои мысли.

«Красив и что с того? – сказала она себе. – Подумай о всех ужасных вещах, которые он сотворил!»!

Но вместо этого она вспоминала прикосновения его рук, скользивших по ее плечам, тихий и чувственный голос, тяжесть тела, вдавившего ее в подушки дивана...

Ее размышления прервал громкой треск. Глаза Шарлотты мгновенно открылись. Дрейк снова стоял у огня, подталкивая полено глубже в пасть камина. Пламя начинало разгораться, и в комнате становилось все светлее. К тому же он зажег лампу, и тьма почти полностью рассеялась. Шарлотта пряталась в оставшемся клочке тени. Если он повернется, то сразу увидит ее.

Но вместо этого Стюарт вышел в другую комнату и унес с собой лампу. Шарлотта обмякла от облегчения и едва не сползла по стене на пол. Немного придя в себя, она осторожно прокралась к двери, но только потянулась к ручке, как комната снова осветилась. Шарлотта

машинально вскинула голову.

– Какого...

Прежде чем в панике броситься к двери, она успела заметить выражение полного изумления на его лице. Шарлотта схватилась за ручку и даже смогла на несколько дюймов приоткрыть дверь, прежде чем та захлопнулась.

– Какого дьявола вы тут делаете? – прорычал Дрейк, всматриваясь в нее. – И кто вы?

Страх на мгновение стиснул ее сердце. Стюарт вовсе не выглядел трусливым фатом, да и голос был решительным. Но она, конечно, ошибается!

Пытаясь выиграть время, Шарлотта заставила себя стоять неподвижно, с опущенной головой. Он схватил ее за воротник и руку и потащил к камину.

– Следил за мной до самого дома? – пробормотал он. – Надеюсь, сегодня ты более разговорчив?

Стюарт толкнул ее в кресло и сорвал шляпу.

Прежде чем оттолкнуть его и ринуться к двери, Шарлотта услышала, как он ахнул. К сожалению, он почти мгновенно оправился от изумления и, поймав ее почти у самой двери, повалил на ковер, где всякое сопротивление оказалось бесполезным.

– Ну и ну...

Он присел на корточки и стал ее разглядывать. Шарлотта злобно уставилась на него.

– Какое неожиданное удовольствие!

Она безуспешно пыталась его сбросить, но Стюарт уселся на нее и сжал запястья железной хваткой.

– Отпустите меня!

– Ну уж нет! – воскликнул он. – По крайней мере, прямо сейчас не отпущу. Чему обязан вас лицезреть? Я бы впустил вас, постучи вы в дверь, и совершенно ни к чему было прокрадываться в мою квартиру.

– Я не желаю находиться в вашей квартире! – прошипела Шарлотта. – Вы знаете, почему я здесь! Немедленно отдайте мое кольцо! Я знаю, это вы его украли.

Это стерло улыбку с его лица:

– Что заставило вас предположить нечто подобное?

Шарлотта довольно усмехнулась, радуясь, что задела его.

– Вы не такой искусный вор, каким считаете себя.

Стюарт, кажется, задумался, что это означает. Во всяком случае, взгляд его прищуренных глаз был расчетливым.

– Отпустите меня, верните мое кольцо, и, возможно, только возможно, я не выдам вас властям.

Стюарт снова улыбнулся, на этот раз мрачно, коварно... и чувственно.

– О, неужели? А я думал, вы пришли извиниться за то, что были такой гнусной сплетницей.

Шарлотту захлестнуло бешенство. Извиваясь и рыча, она сопротивлялась его хватке. Его улыбке. Шарлотта лягалась, билась, изворачивалась, осыпала его мерзкими ругательствами на всех языках, которые знала, но кончилось все тем, что через несколько минут она оказалась распростертой на спине, с руками, заведенными за голову, задыхающейся под немалым весом ненавистного, омерзительного, возбужденного мужчины.

Осознание всего этого и заставило ее прекратить борьбу. Шарлотта чувствовала твердую плоть, прижатую к ее не защищенному корсетом, нижними юбками и платьем животу. Их разделяли только тонкие подштанники и штаны, и Шарлотта была в ужасе от того, что при этой мысли внизу ее живота разросся тугой комком жара. Она застыла, тяжело дыша.

Стюарт слишком хорошо понимал, что это далеко не капитуляция. Боже, эта женщина –

настоящая дикая кошка. Она царапалась и плевалась, так что пришлось придавить ее к полу своим телом. А теперь он наслаждался, ощущая ее тепло. И это почти стоило того, что она у него отняла. Почти, но не совсем.

– Я оказался в затруднительном положении, – заявил он.

Шарлотта прищурилась, но не ответила.

– Мне следовало бы позвать власти и позволить им увести вас за взлом моего дома. Знаете ли вы, что это противозаконно и очень опасно?

– Кому знать, как не вам! Вы и сами это проделали!

– Однако, – продолжил Стюарт, – я действительно пока что не хочу вас отпускать. Во всяком случае, пока не отплачу за то, что вы со мной сделали.

– Немедленно слезайте с меня или я перережу вам глотку, – тихо пригрозила Шарлотта. Ее глаза сверкали яростью, но она не шевелилась.

«Жаль», – подумал Стюарт. Ему очень нравилось, когда она извивалась.

– Отпустите меня сию же минуту, и я не напущу власти на вас за взлом моего дома.

– Но вы сейчас не в том положении, чтобы отдавать приказы, не так ли? – с сочувственной интонацией заметил Стюарт. – Сейчас я сверху, и можно сказать, это мне нравится.

Он шевельнул бедрами, отчасти, чтобы доказать свою правоту, отчасти, чтобы удовлетворить потребности тела. В ответ, прежде чем она прокляла его снова, еще красноречивее прежнего, с ее губ сорвался едва слышный неразборчивый звук.

– Да-а-а-а, – протянул Стюарт, когда она замолчала. – Но это не отвечает на вопрос, что мне с вами делать.

Стюарт перехватил ее запястья одной рукой. Шарлотта снова начала вырываться и продолжала делать это до тех пор, пока не стало ясно, что он может удерживать ее одной рукой так же хорошо, как и обеими. Другой рукой он осторожно откинул с ее лица растрепанные темные волосы и тихо рассмеялся, когда она отвела глаза. Его пальцы задержались на ее щеке, провели по шее. У нее была невозможно мягкая кожа, и Стюарт наклонился ближе, чтобы вдохнуть ее запах, который сегодня был слабее, чем обычно.

– Я знаю, что хотел бы сделать с вами, – прошептал Стюарт ей на ухо.

Она ничего не ответила, но дыхание ее участилось. Стюарт пошевелился, разделив коленом ее бедра. Ноги Шарлотты немедленно сжались, но было уже слишком поздно. Он поудобнее устроился на ней. Его бедра по-прежнему были между ее ног.

– Мне нравятся ваши брюки. Очень, – улыбнулся Стюарт, сжимая ее бедро.

Она дернулась.

– Я ошибалась насчет вас, – прошипела Шарлотта, все еще не глядя на него. – Считала вас чем-то вроде обычной шлюхи, торгующей своей внешностью и манерами, чтобы выманить у женщин деньги. Не думала, что вы еще и насилуете их.

– Обычная шлюха? – нахмурился Стюарт. – Сомневаюсь. Сознаюсь, что полагался на внешность и обаяние. Но что из этого? Женщины делают то же самое, когда ищут мужа. И мои намерения всегда ясны, касается ли это женитьбы или... других вещей.

Стюарт помедлил, лениво водя пальцами по ее боку.

Шарлотта сильно прикусила губу, чтобы не выдать реакцию на его прикосновения. Потому что не хотела отвечать на них. Не хотела отвечать ему. И главное, не хотела, чтобы Стюарт знал, как страстно откликается ее тело, вопреки воле хозяйки.

– Все же, – продолжал Стюарт все тем же задумчивым тоном, – я понимаю, что в такой момент можно ошибиться, оценивая мои намерения. Думаю, мне стоит все прояснить.

Он прижался бедром к развилке ее бедер и коварно ухмыльнулся, когда Шарлотта уставилась на него. В ее глазах читалась паника.

– Но принудить женщину силой? Никогда! Особенно вас. Вам, думаю, придется очень долго и учтиво меня просить.

– Мне больно! – взорвалась Шарлотта. Как она ненавидела этого человека, лежавшего между ее ног, использующего свое тело, чтобы пробудить в ней желание!

Шарлотта не знала, что делать, напрячься или расслабиться, и вместо этого попыталась его пнуть. Но Стюарт поймал ее колено и тянул наверх до тех пор, пока ее нога не обвила его талию.

– Нет! – запротестовала Шарлотта, хотя ей совсем не было больно. Мало того, ей казалось, что все правильно и так и должно быть.

Его хватка ослабла. Рука скользнула вниз по внутренней стороне ее бедра.

– Вряд ли я причиняю вам боль сильнее, чем причиняете мне вы, – прошептал Стюарт, обдавая горячим дыханием ее щеку. – И вряд ли вы были бы здесь, если бы действительно меня боялись.

– Я не боюсь вас, – парировала Шарлотта. – Презираю вас и таких мужчин, как вы! Все вы не что иное, как шайка трусливых мошенников, обманывающих невинных, наивных девушек! Выманивающих у них деньги.

Стюарт поднял голову и, сжав губы, пристально посмотрел на нее.

– Вы совершенно не умеете вести переговоры, – бросил Дрейк и, встав на колени так быстро, что у нее не было времени, чтобы хотя бы начать сопротивляться, поднял ее с пола.

Шарлотта снова стала вырываться и успела сильно пнуть его в колено и одновременно ткнуть локтем в живот, но Стюарт просто стал выворачивать ей руку за спину, пока она, охнув, не приподнялась на носочки.

– Не очень учтиво с вашей стороны, – пропыхтел он, тяжело дыша. – Идемте со мной, кошечка.

Шарлотта, чуть не плача, подчинилась и позволила ему утащить ее в соседнюю комнату. Оказалось, там у него спальня. Стюарт толкнул ее на широкую кровать и, развязав галстук, сжал ее запястья, стянул и снова поднял ее руки над головой, после чего стал привязывать концы галстука к изголовью.

Шарлотту вновь охватила паника, к горлу подступила тошнотворная волна. Теперь, привязанная к кровати, она была абсолютно беспомощна и чувствовала себя по-настоящему униженной.

Она отчаянно дергала за путы, стараясь освободиться, но ничего не выходило.

Мрачно усмехаясь, Стюарт стянул узел и злое прищурился. Шарлотта насторожилась, сердце ее бешено колотилось. Она с почти животным страхом наблюдала, как он встает с постели.

Стюарт отошел и, подойдя к окну, стал развязывать шнуры, придерживавшие бархатные шторы. Одна с шорохом развернулась, и в комнате стало темнее.

– Вам не о чем беспокоиться, – заверил Стюарт, подходя к другому окну. – Я ничего вам не сделаю. Больше того, даже не прикоснусь. Да, – сказал он еще решительнее, подтягивая шторы, – после всего, что вы натворили, я хотел бы услышать ваши мольбы.

– Отпустите меня, – повторила Шарлотта. Сейчас комната была погружена во тьму, и она понятия не имела, где находится Дрейк и что делает.

Но вдруг его рука сомкнулась на ее щиколотке, и Шарлотта едва не закричала от неожиданности.

– Нет, – весело бросил он. – Пока еще нет.

Он потянул ее за ногу, и Шарлотта проглотила свой протест, позволив ему связать ей щиколотки. Несомненно, в ход пошли шнуры от штор. Полнейшая темнота – его помощник в нечестных делишках.

Связанная по рукам и ногам, как рождественская гусыня, не в силах ничего увидеть или предсказать его действия, Шарлотта была целиком и полностью в его руках.

– Я обещал, что не коснусь вас, – раздался его голос совсем рядом с ее ухом.

Она дернулась и повернулась в ту сторону, одновременно отодвигаясь.

– А то, что вы меня связали, – не считается?

Прекрасно. По крайней мере, в ее голосе вновь слышится презрение!

– Больше не прикаснусь. А теперь давайте поговорим.

– Я не заплачу вам ни фунта, – вырвалось у нее, прежде чем она успела сообразить, насколько это неосмотрительно. Но ведь ему нужны только деньги, а она ни за что не даст ему даже шиллинга.

Дрейк тихо рассмеялся, и прозвучало это еще более угрожающе.

– Я не желаю беседовать о деньгах.

Шарлотта надолго задумалась:

– Я не могу взять обратно свои слова о вас. Леди Килдер никогда не откажется от пикантной сплетни. Но если вы уедете, я не последую за вами и не стану чернить ваше имя.

– А раньше намеревались это сделать? – Снова тихий смех. – Как вы мстительны! Теперь я вдвойне рад тому, что застал вас у себя.

Расстроенная Шарлотта схватилась за единственную мысль, которая пришла ей в голову:

– Если вздумаете овладеть мной, горько пожалеете об этом.

– Овладеть... Есть кое-что, о чем я желал потолковать. Собственно говоря, я мог бы многое сказать об этом. Не хотите знать все, что я хотел бы с вами сделать?

Шарлотта сумела только отвернуться, чтобы больше его не видеть. К сожалению, она не могла заткнуть уши.

– Это вы во всем виноваты! – продолжил Стюарт тем же неумолимым, мягким, как бархат, голосом. – Вы действительно произвели на меня впечатление в библиотеке. Вы спросили, взял бы я вас, если бы вы меня не остановили, и думаю, что ответил бы «да». Бог видит, я хочу этого и сейчас, даже после того, как вы разрушили все мои планы и посмели ворваться в мой дом.

– Не нужно было пытаться использовать Сьюзен!

– Весьма резкое суждение. Я встретил ее при самых пристойных обстоятельствах и вел себя как джентльмен. Но конечно, вам это безразлично. Тот факт, что у нее есть деньги, а у меня нет, стал причиной вашей ярости. Разве это не лицемерие – желать, чтобы ваша племянница вышла за мужчину с деньгами, когда вы сами из кожи вон лезли, чтобы помешать мне сделать то же самое?

– Мне безразлично, выйдет Сьюзен за богача или за бедняка, – отрезала Шарлотта. – Я хочу, чтобы она стала женой человека, который любит ее, а не только ее наследство.

Шарлотта почти слышала, как он улыбается.

– Ах, да. Любовь. Я уже признал, что не люблю ее. Но собирался стать порядочным мужем. Сьюзен сделала бы меня богатым, а я был бы благодарен ей за это.

– Благодарность не основа для хорошего брака.

– А мне эта основа кажется более честной, чем многие другие, – спокойно ответил Стюарт. – Хорошее воспитание, семейные связи, земли и титулы... Благодарность, по крайней мере, дает мужу причину доставлять жене радости и после дня свадьбы. Какие бы недостатки вы мне ни приписывали, в их число не входит забывчивость или неблагодарность. Когда кто-то делает что-то ради меня или мне, я никогда этого не забываю.

Шарлотта расслышала в его голосе замаскированную угрозу и ощутила новый приступ страха. То безрассудство, которое она разглядела в нем раньше, проявилось вновь. Шарлотта сразу поняла, что Стюарт говорил правду. Он никогда не забывал платить долги как за

оскорбления, так и за одолжения.

– Но теперь довольно об этом, – объявил он. – Давайте обсудим наши дела, леди Гриффолино. Я обязан вам за ваш небольшой спектакль той ночью. Должен сказать, вы прекрасно сыграли роль. Никто, кроме вас, не пытался соблазнить меня перед танцами.

– Почему вы вломились в мой дом? – спросила Шарлотта, желая отвлечь его от грешных мыслей. Оставалось надеяться, что он не попытается сделать с ней то же самое. Она была совершенно уверена в своей способности противостоять ему, когда могла управлять собственным телом. Но теперь, когда она лежала на спине, связанная, ее уверенность в себе заметно поубавилась.

Шарлотта прекрасно сознавала собственную женскую власть над большинством мужчин и имела преимущество в войне со Стюартом, поскольку точно знала, что он ее хочет. Но он отнял эту власть, лишив ее свободы и возможности делать кокетливые жесты, бросать кокетливые взгляды, очаровывать полуулыбками, которые она умела использовать против мужчин.

Он укоризненно прищелкнул языком:

– Нет-нет, вы задали достаточно вопросов. Больше, синьора, вы меня не одурачите.

Послышался слабый звук, и в темноте загорелся огонек свечи. Шарлотта моргнула, радуясь свету. Дрейк сел на стул, предварительно подтащив его к кровати. В этой комнате, как она заметила, тоже была самая простая, почти спартанская обстановка. Только кровать можно было назвать роскошной.

Под ее взглядом Стюарт расстегнул верх рубашки и ослабил воротничок. Пиджак он уже снял и теперь сидел в одной белой рубашке и брюках. Он поймал ее взгляд, и его губы искривила еще одна неотразимая, дьявольская улыбка.

– Боги, никогда не видел, чтобы женщина выглядела такой фурией, как вы. Можно подумать, я действительно собирался силой овладеть вами.

– Это, – злоеще провозгласила Шарлотта, – похищение. В довершение ко взлому, грабежу и хитрой интриге с целью заполучить мою племянницу. Если немедленно не освободите меня, я поклянусь судье, что вы издевались надо мной самым жестоким и гнусным образом.

– Да? И каким же образом вы оказались в моей комнате? У меня есть двое абсолютно уважаемых знакомых, которые поклянутся, что провожали меня домой из кабака в половине одиннадцатого. Буду просто счастлив позвать кого-то из них, чтобы он засвидетельствовал, что вы уже были здесь, когда я пришел, и что у меня не оставалось времени, чтобы добраться до вашего дома, похитить вас и привезти сюда. Так что либо вы пришли сюда добровольно, либо явились с незаконными намерениями. Представляю, как то или другое отразится на вашей репутации!

Шарлотта снова принялась осыпать его ругательствами и дергать за стягивавший ее запястья галстук, пока не заболели руки. Стюарт с легкой улыбкой наблюдал за ней.

– Буду представлять эту картину каждый раз, когда придется надевать этот галстук, – заявил он, когда она, уставшая, запыхавшаяся и взбешенная, немного утомилась.

Стараясь сдержать гнев, Шарлотта подняла глаза к потолку. Она поняла, что Дрейк наслаждается каждым ее взрывом. Он в восторге от того, что сумел вывести ее из себя. Ей хотелось помешать ему радоваться, но как это сделать? Если она будет его игнорировать, кто знает, на что он способен, чтобы ее спровоцировать? И не в ее натуре лежать тихо и спокойно.

– Да, правильно, – кивнул Стюарт, подавшись вперед, чтобы лучше ее видеть.

Темные глаза Шарлотты сверкнули.

– Воспоминание о вас в моей постели навечно будет связано с этим галстуком.

Она ничего не ответила, но он почувствовал неистовство ее эмоций. Эта женщина красива, когда она спокойна и сохраняет самообладание. Но когда она сердится... о господи, что это за

зрелище! Щеки покраснелись, не стесненные корсетом груди подрагивают от каждого негодующего вздоха, глаза мечут молнии.

Его взгляд скользил по ее телу, вытянувшемуся на его кровати. Она была тоньше, чем он думал, хотя изгибы были приятно округлыми. Поскольку ее руки были подняты над головой, пиджак сбился на плечах и под подбородком. Стюарт протянул руку и стал расстегивать пуговицы.

– Уберите руки, – прошипела Шарлотта, пытаясь увернуться. Но Стюарт нахмурился и сосредоточился на пуговицах. Наконец последняя выскочила из петли. Под пиджаком была только тонкая полотняная рубашка. Он развел полы пиджака.

– Я сказал, что не коснусь вас.

Он поднес свечу ближе.

– Пристальный осмотр еще никогда никому не вредил.

Она стала извиваться, но добилась только того, что пиджак распахнулся еще шире. Стюарт улыбнулся.

– Но если бы я коснулся вас... о, что бы я тогда сделал? Вы знаете, я хочу вас. Не желаете также узнать, как бы это было? Что бы я сделал, чтобы ублажить вас? А я хочу ублажить вас. Я не ложусь в постель с женщинами только ради собственного удовлетворения.

В ее взоре блеснула злоба. Он оперся локтями о матрац.

– А вы крепкий орешек, верно? Думаю, вы отвергли бы любые наслаждения только назло мне.

– Представить не могу, что способна найти какое бы то ни было наслаждение в ваших объятиях.

Шарлотта ненавидела его самоуверенную улыбку почти так же сильно, как собственное сознание того, что она лжет. Пьетро сказал ей, что не может поверить, что Шарлотта англичанка, поскольку ее страсти горят жарче и они более откровенны, чем у любой англичанки, которую он встречал до нее. Сам он считал свои слова комплиментом и хотел этим сказать, что она больше похожа на итальянку. Шарлотта же истолковала его заявление как подтверждение прощальных слов отца. «Странная женщина», – назвал он ее. Женщина, не имеющая терпения. Несдержанная ни в словах, ни в поступках.

И отец был прав.

Ее чувство к Стюарту Дрейку было в этот момент столь горячим, что она не могла отделаться от неприятной мысли: если он сможет уловить это чувство и использовать в своих целях, она окажется в большой беде.

– Не желаю ничего слушать, – объявила она. – Вы негодяй. Жалкий повеса, который...

– Тише.

Стюарт коснулся пальцем ее губ, достаточно решительно, чтобы заставить ее замолчать.

– Если не успокоитесь, я не ограничусь одними взглядами, – добавил он с многозначительной усмешкой. – И следующие ваши слова истолкую как согласие.

Шарлотта крепко сжала губы и отвела глаза.

– Я знаю, что не нравлюсь вам, – тихо продолжил Стюарт. – Но и мне ваше поведение не слишком приятно. Такая безжалостная, такая неумолимая! Правда, в постели эти качества могут оказаться многообещающими. Такой огонь, такой пыл! Не какая-то жеманная мисс, а тигрица! И я не возражаю, если котенок покажет коготки!

Стюарт отнял палец от ее губ и провел по подбородку. По горлу. У самого воротника рубашки палец замер, хотя Шарлотта могла бы поклясться, что все еще ощущает его тепло.

– У вас прелестная шея.

Его голос сменился тихим рычанием:

– Такая нежная и гладкая. Никогда не подумаешь, что под этой кожей скрывается стальной стержень. Изгиб в том месте, где шея переходит в плечо...

Шарлотта невольно вздрогнула, когда легкое шевеление воздуха коснулось ее плеча.

– ...так и просит мужских губ. Этот изгиб плеча – настоящее пиршество для них.

Его палец легонько потянул за ворот ее пиджака, и Шарлотта приоткрыла пересохшие губы, чтобы запротестовать, но Стюарт отнял руку.

Когда палец оказался на ключице, чуть пониже шеи, она съежилась.

– Вы касаетесь меня, – процедила она сквозь зубы.

Его палец стал медленно растирать ее кожу и немного погода поднялся вверх.

– Да-да, так и было. Моя ошибка.

Стюарт нагнулся над ней. Его лицо оставалось в темноте. Шарлотта лишь уловила блеск его глаз.

– Ваш пульс так быстро бьется, – тихо заметил он. – Вот здесь.

Его палец снова опустился, почти касаясь ложбинки между ключицами.

– Ваше сердце колотится сильнее при мысли о том, что произошло бы, если бы я поцеловал вас в этом месте?

Стюарт наклонился ниже, и Шарлотта вновь ощутила его жаркое дыхание. Натянув путы, она попыталась вырваться, чтобы скрыть невольную реакцию тела.

– Прекратите, – охнула Шарлотта. – Пожалуйста!

– У вас такая тонкая талия, – продолжил Стюарт неумолимо. – Я сумею почти охватить ее ладонями. И хотел бы поднимать вас снова и снова так, чтобы вы могли меня объезжать, – прошептал он. – Вам нравится быть сверху, Шарлотта? Нравится, когда любовник распростерт под вами, весь в вашей власти? Стараетесь, чтобы он лежал неподвижно, пока вы получаете удовольствие, или сами не двигаетесь, пока он ублажает вас?

Когда его руки скользнули вниз, натягивая ее рубашку на груди, Шарлотта издала неразборчивый звук.

– Я вижу, как вы поднимаетесь надо мной, вбираете меня в свои глубины. Интересно, вы будете двигаться медленно или быстро? Я, разумеется, не могу лечь, потому что должен видеть ваши соски, – пробормотал Стюарт, растирая ее груди тканью рубашки. Шарлотта отказалась от нижнего белья, и под рубашкой не было ничего, что могло бы помешать раздражающему трению.

Она закрыла глаза и постаралась глубоко дышать, чтобы успокоиться.

– Откройте глаза, – велел Стюарт. – Взгляните, как идеально вы помещаетесь в мои ладони.

Она покачала головой и зажмурилась.

– Именно так, – мягко произнес он, и Шарлотта ощутила легчайшее прикосновение к груди, затем он ее сжал.

Шарлотта съежилась, а его смех, скорее, был похож на стон.

– А когда вы оседлаете меня, я хочу их сосать. Сначала нежно...

Его большой палец обвел затвердевший сосок. Шарлотта прикусила язык, чтобы не выгнуться.

– Потом сильнее. Чем быстрее вы будете объезжать меня, тем яростнее я буду сосать.

Шарлотта молилась, чтобы его поразил гром. Чтобы гром поразил ее. Молилась, чтобы Господь лишил ее слуха, сознания. Хотя бы просто заснуть... все, что угодно, лишь бы спастись от душевного хаоса, в который ее поверг Стюарт. Он самый низкий негодяй... и все же разум предает ее, сплетая его слова в яркие образы, заставляющие ее тело таять от желания.

Шарлотта видела, как перекидывает через него ногу, видела его идеальное тело. Чувствовала, как он вонзается в нее. Глубоко. Ощущала жаркое, влажное прикосновение языка к коже.

– Необходимо показать вам, кто здесь хозяин, – продолжил Стюарт еще тише. – После того как вы будете сверху, настанет моя очередь. Хочу прижать вас к стене, где вам не за что будет держаться, кроме меня. Ваши руки обовьют мою шею, а ноги – талию.

Ощущения, которые он будил в ней, были непередаваемы.

Он легонько провел пальцами по ее колену, и у Шарлотты перехватило дыхание. Он снова дотрагивался до нее, но слова протеста застряли в горле. Она не могла вынести прикосновений Стюарта, но без них, кажется, она вообще взорвется.

– А я буду держать вас здесь...

Его ладонь скользнула по ее бедру.

– И здесь.

Другая рука погладила ногу.

– Вы будете в моей власти. Хочу, чтобы вы ласкали себя в том месте, где я войду в вас. Хочу ощущать ваши пальцы, держащие меня, пока я буду проникать в вас как можно глубже.

Шарлотта ахнула, невольно представив все, о чем он говорил, и почувствовала, как становится мокрой при одной этой мысли.

– Я хочу, чтобы вы подарили себе наслаждение, когда будете прижаты спиной к стене, когда ваши щиколотки будут скрещены на моей талии, а сам я буду входить в вас. И когда вы кончите, хочу слышать ваши крики.

Его пальцы лежали на внутренней стороне ее бедра, и Шарлотта подняла бедра в бесстыдном приглашении. Ее ненависть к нему смешивалась с неестественной, откровенно чувственной реакцией, которую она скрывала от него с самого начала. Ее тело молило о разрядке, освобождении от нестерпимого напряжения.

Стюарт словно прочитал ее мысли, потому что осторожно провел по складке между ее ног, чем почти довел до безумия.

Когда его пальцы скользнули глубже, между нежными складками, Стюарт громко втянул в себя воздух. Она принадлежала ему, она была готова отдаться, хотя в его нынешнем состоянии он излился бы моментально. Но Стюарт не хотел ее всего на несколько секунд. Он хотел проделать с ней все то, что так живо описал, растянуть каждый миг на часы. Сознание того, что она желала его, кружило голову. Искры, пролетающие между ними каждый раз, когда они встречались, были верным признаком – по крайней мере для него, – что они неизбежно окажутся в постели.

И вот она здесь, в его кровати, возбужденная фантазиями, которые воспламеняли его.

Но она связана. И не хотела, чтобы ее возбуждали. Не хотела желать его. Он намеревался всего лишь преподать ей урок. Не насиловать. При всех своих недостатках Стюарт считал себя джентльменом, имевшим моральные принципы и понятия о чести. Он в жизни не пользовался беспомощным положением женщины, чтобы затащить ее в постель, и намеревался сдержать данное ей слово. Он подождет, пока она сама придет к нему. Может, приползет на коленях, но отдастся по собственной воле.

Шарлотта шевельнулась, снова надавив на его руку. Стюарт сжался, предвидя нелегкий выбор. Соблазнить женщину, которая наверняка возненавидит его утром, или упустить единственный шанс взять ее, разгоряченную и не сопротивляющуюся.

Он медленно отнял руку. Она застонала и стала извиваться. Так соблазнительно, что у него пересохло во рту. Ее глаза были по-прежнему закрыты, темные локоны рассыпались по подушке. Стюарт снова поколебался.

Наверное, просить любого мужчину уйти в такой момент – значит требовать слишком многого. Он был уверен, что всего один поцелуй станет мостом между возбуждением и желанием.

Он приказал себе развязать ее. Дать ей понять, что она может уйти, если хочет. Если после этого она задержится хотя бы на пять минут, его кодекс чести вполне позволит ему ее обольстить.

Потянувшись к галстуку, стягивавшему ее запястья, Стюарт припал к ее губам.

Громкий стук раздался как раз в тот момент, когда он взялся за галстук. Стюарт помедлил. Шарлотта дышала часто и неглубоко. Очарованная его речами, она так и не открыла глаза. Стюарт решил проигнорировать стук.

– Дрейк, черт тебя побери, открой дверь!

Пьяный голос, невнятно выговаривавший слова, заставил его передумать. Когда глаза Шарлотты открылись, Стюарт вздохнул. Моргнув, она мгновенно пришла в себя. И набрала в грудь воздуха, чтобы закричать.

– Не стоит, – предупредил он. – Это мои друзья, и я их приму. Молчите, иначе все в городе узнают, что вы были здесь сегодня.

В ее глазах промелькнула тень прежней неприязни, но он уже выходил из комнаты. Дрейк плотно прикрыл за собой дверь и впустил Джеймисона и Уитли.

Шатаясь и едва не падая друг на друга, они проковыляли в гостиную.

– Послушай, Дрейк, ты уже спал?

– Я очень устал, Уит. – Он протянул руку и помог встать мертвецки пьяному Ангусу Уитли.

– Что привело вас сюда?

– Привез экипаж, – пробормотал Уитли с дурацкой улыбкой.

– Вы проигрались.

Джеймисон зевнул:

– Все женщины хотели знать, куда ты исчез. Мы не дождались от них даже улыбки.

– Значит, здорово проигрались, – констатировал Стюарт, украдкой глянув в сторону спальни. – Вряд ли он сможет начать с того места, где их прервали. Но ему не нравилось то, что его вынудили покинуть Шарлотту. Пока что она вела себя тихо, но чем больше времени на размышление у нее будет, тем вероятнее, что она закричит и позовет на помощь. Стюарт вовсе не желал объяснять друзьям, почему она привязана к кровати.

– Я на ногах не держусь. Отправляйтесь домой и выспитесь хорошенько.

– Дрейк, провинциальная жизнь просто убивает тебя! – объявил Уитли и, пошатываясь, потащился к каминной доске, где стал шарить в поисках ящичка с сигарами. – Давай поедем в Лондон. Завтра.

– Я не могу ехать в Лондон, – сухо ответил Стюарт.

– Вздор, – бросил Уитли, взмахнув рукой. – Тот неприятный случай уже давно забыт.

Он поднял ящичек с сигарами.

Стюарт провел ладонью по лицу. Уитли легко отмахивается от сплетен, как, впрочем, многие его друзья. Но Стюарт знал, что у остальных членов общества долгая память. Собственный отец приказал ему не возвращаться, пока Стюарт чего-то не добьется в жизни. Все, чего пока что добился в жизни Стюарт, – это того, что по недоразумению стал вором.

– Так это или нет, но я не хотел бы напоминать о себе...

Объяснение было прервано недоверчивым восклицанием Уитли:

– Дрейк, ты дьявол! Пустые карманы? Как же! Нет средств играть по крупной, с этой вот штукой?

Он поднял изумрудное ожерелье Шарлотты. Стюарт сжал губы, чтобы не выругаться. Он совершенно забыл, что бросил ожерелье на столик, когда пытался придумать, как его вернуть.

– В таком случае, Дрейк, я прошу вернуть мои двести фунтов, – протянул Джеймисон. – Для чьей шейки ты это купил?

– Знаешь, как это бывает, – уклончиво ответил Стюарт, пытаясь забрать перекочевавшее к

Уитли ожерелье. – Джентльмену не к лицу сплетничать.

– Сколько это стоит? – допытывался Уитли, кинув ожерелье обратно Джеймисону. Теперь, когда всплыла интересующая обоих тема, они мгновенно протрезвели и оживились.

Стюарт не хотел, чтобы кто-то видел у него ожерелье. И Уитли, и Джеймисон видели Шарлотту и могли узнать украшение.

Нахмурившись, он отнял шкатулку, в которой лежала драгоценность, у Уитли.

– Ладно, ладно, простое любопытство, – оправдывался Уитли. – Ты неделями сидишь без пенса в кармане, и тут внезапно раздобыл целую пригоршню драгоценностей. Наверняка это для наследницы. Подожди хотя бы до свадьбы.

– Ты прав, мне следовало бы подождать. Ожерелье, Джеймисон!

Стюарт протянул руку. Нужно было вернуть его Шарлотте, особенно теперь, когда доказано, что она вломилась в его дом. Непонятно, как Шарлотта узнала, что ожерелье у него, но теперь, когда Стюарт был вполне уверен, что она не донесет на него судье, он мог немедленно вернуть ей украшение.

Джеймисон, покачивая головой, разглядывал изумруды, переворачивая их так и этак. Поднес их ближе к огню, поцарапал несколько камней ногтем.

– Где ты купил это, Дрейк? В надежном месте?

– Не совсем, – выдавил Стюарт. – У друга.

Джеймисон продолжал рассматривать ожерелье:

– Надеюсь, ты купил его задешево. И знаешь, это подделка.

– Нет. Не знал, – удивленно уставился на него Стюарт.

Джеймисон несколько секунд смотрел ему в глаза, после чего пожал плечами и уронил ожерелье в протянутую руку Стюарта.

– Что же, я могу ошибиться. Иногда старые камни выглядят фальшивыми.

Стюарт осторожно закрыл шкатулку. В комнате было темно, и ювелирной лупы в доме не имелось, а кроме того, Джеймисон был пьян.

Но все же... Джеймисон разбирался в драгоценностях, тем более что покупал их без счета в подарок любовницам.

– Откуда ты знаешь?

– Камни поцарапаны. Даже хорошая подделка стареет со временем. Но у меня нет лупы, а освещение здесь плохое. Вполне возможно, это мое разыгравшееся воображение.

– Как все запутано, – вздохнул Стюарт.

– Давайте все выясним, хорошо? – вставил Уитли, пыхтя найденной сигарой. – В этом городишке должен быть приличный ювелир!

– Это дело Дрейка, – пожал плечами Джеймисон. – Его наследница разозлится, узнав, что это фальшивка.

– Конечно, он хочет знать! – объявил Уитли, едва Стюарт открыл рот, чтобы отказаться. – Да и как он может не хотеть?! Человека обманули!

Джеймисон глянул на него, но Стюарт поспешно закрыл рот. Если он выкажет безразличие, друзья обратят на это внимание скорее, чем если он впадет в ярость. Поэтому он сделал вид, будто его обуревают любопытство.

Знала ли Шарлотта, что изумруды – фальшивка? Если да, почему пришла за ожерельем? К чему такие хлопоты, если ожерелье ничего не стоит? А если она не знала...

Стюарт повернулся и вошел в спальню. Услышав его шаги, Шарлотта приподняла голову.

– Кто пришел? – прошептала она встревоженно.

– Мои друзья. Мы ненадолго выйдем.

Он поднял лежавший у кровати камзол.

Шарлотта зашипела от ярости:

– И вы намерены вот так оставить меня здесь?

Она снова принялась дергать за путы, но Стюарт поднял руку:

– Потерпите. Вы не можете уйти, пока они ждут в другой комнате. – Он натянул камзол и поправил манжеты. – Возможно, вам следует подождать моего возвращения.

– Нет!

Он поморщился от ее громкого шепота и с беспокойством глянул на дверь. Но услышал лишь тихий разговор Уитли и Джеймисона, поэтому потянулся к галстуку, связывавшему ее запястья.

– Не уходите сразу, – посоветовал Стюарт, развязывая узел. – И держитесь людных улиц. В такое время бродить одной по городу небезопасно.

– Просто развяжите меня, – прошипела Шарлотта, снова вырываясь. – Я знаю, как о себе позаботиться.

Стюарт помедлил, окинув ее насмешливым взглядом. В ответ она злобно уставилась на него.

– Может, поторопитесь? – выдавила Шарлотта.

Стюарт сделал гримасу. Он слишком крепко завязал узел, а она своим сопротивлением добилась того, что тот окончательно затянулся.

– Я пытаюсь. Не шевелитесь...

– Дрейк!

Стюарт одним прыжком оказался у порога, помешав Уитли войти.

– Не возвращайся в постель, – пошутил тот.

Стюарт расплылся в глуповатой улыбке:

– Я и не собирался, Уит.

Он бросил виноватый взгляд на Шарлотту и закрыл дверь, но успел услышать злобный шепот:

– Вы об этом пожалеете.

Ушло меньше часа на то, чтобы найти ювелира, которого пришлось поднять с постели. Тот немного поворчал, но хорошенько рассмотрел ожерелье и с грустью уведомил их, что камни действительно подделка, хорошая, правда, но ожерелье почти ничего не стоит.

Стюарт молча положил украшение в карман и отказался от предложения друзей подвезти его. При расставании Джеймисон испытующе взглянул на него, но ничего не сказал, и Стюарт пошел домой пешком.

Интересно, почему Шарлотта Гриффолينو носит фальшивые драгоценности? Вполне вероятно, причина в том, что она продала настоящие. Женщины часто так поступали, когда нуждались в средствах: заказывали копию, а потом продавали оригинал. Мужья и любовники зачастую ничего не подозревали, и это обеспечивало тайный доход женщинам, не имевшим своих средств. Но почему Шарлотта решилась на такой опасный поступок и вломилась в его комнаты в поисках почти ничего не стоящего украшения? Ее неприязнь к нему наверняка не столь велика, чтобы так рисковать лишь ради того, чтобы сделать ему назло.

Единственным объяснением может быть только следующее: Шарлотта не вынесет, если кто-то узнает, что она носит фальшивые драгоценности. Даже если этот кто-то – глупец, который по ошибке их украл. Но почему?

Стюарт мог бы понять, если бы она хотела вернуть подлинное ожерелье и наказать человека, который его похитил. Но почему ее может волновать его мнение об украшении? Впрочем, все вполне логично... если она не знала, что это подделка. Шарлотта казалась

женщиной светской; как она могла не отдать драгоценности на проверку, не застраховать? Неужели кто-то подарил ей подлинные камни, а потом подменил на фальшивые? Возможно, у нее вообще нет настоящих украшений и ее богатство всего лишь поддельные безделушки? Вот только ее белье... Пусть Стюарт не отличит настоящего бриллианта от страза, но он разобрался в женском белье, а ее белье было дорогим и красивым.

Стюарт окончательно запутался, не понимал, что к чему, и входя в комнату, все еще пытался решить загадку.

Шарлотта успела заснуть. Стюарт немного постоял над ней. Сейчас эта женщина выглядела более нежной и спокойной, совсем непохожей на жестокосердную гарпию. Даже во сне она цеплялась за галстук, и хотя он некрепко связал ее щиколотки и узлы легко могли распуститься, но все еще были завязаны. Она не слишком пыталась освободиться.

Стюарт осторожно развязал ей ноги, оттягивая момент, когда разбудит ее.

Конечно, не его дело, почему камни оказались фальшивкой, и его не должно интересовать, знала она об этом или нет. Всякий имеет право на секреты, даже женщина, которая сделала все, чтобы раскрыть его собственные.

Стюарт сел на кровать рядом со спящей женщиной и потянулся к галстуку. Шарлотта широко раскрыла глаза и охнула от неожиданности. Стюарт мрачно улыбнулся и начал развязывать узел.

– Не бойтесь, я отпускаю вас.

– Какой джентльменский поступок, – с горечью бросила Шарлотта. – Связать меня, а потом уйти и оставить на несколько часов! Буду крайне удивлена, если моя горничная не вызвала городских стражников!

– Если вы не сказали ей, что сегодня уйдете из дома в мужской одежде, чтобы проникнуть в мои комнаты, с чего вдруг она станет искать вас? Я отсутствовал меньше часа.

Галстук упал на подушку. Глаза Шарлотты сузились, как у кошки. Она поспешно свесила ноги с кровати и стала растирать запястья. Стюарт сунул руку в карман и вытащил ожерелье. Это было молчаливым признанием вины, у него не хватило духа извиниться вслух после того, как он видел выражение изумления на ее лице, когда шептал свои фантазии в ее ухо.

Шарлотта выхватила у него ожерелье. Он ожидал, что она разглядит подделку и обвинит его в том, что он подменил настоящие изумруды.

– Это все?

– Это все, – нахмурился Стюарт. – Больше я ничего не брал.

– В таком случае что вы делали в музыкальном салоне?

Ах, да, музыкальный салон.

– Искал выход, – пояснил Стюарт. – Но там кто-то был, и он едва не перерезал мне горло.

– Кто? Кто он? – мгновенно спросила Шарлотта.

– Откуда мне знать?

Стюарт откинул волосы со лба.

– Он открывал ящики. Я ничего ему не сделал, но он набросился на меня с ножом. И несомненно, теперь у меня на память останется прелестный шрам. – Стюарт показал ей перевязанную ладонь.

Шарлотта мельком взглянула на бинт:

– Как он выглядел?

Внезапно Стюарт почувствовал, что ужасно устал.

– Я так и не разглядел его лица. – Он пожал плечами. – Парень, маленького роста, но сильный.

– Он сказал что-то? Как он был одет?

– У меня не было времени побеседовать с ним. Был слишком занят, отводя нож от своего горла.

Стюарт поднялся на ноги и вынул из гардероба длинный плащ:

– Накиньте! Уже похолодало, а кроме того, нельзя, чтобы вас узнали.

– Я хочу знать, кто был в моем доме! – воскликнула Шарлотта.

– А я уже ответил, что не имею понятия.

Стюарт бросил ей плащ и, войдя в гостиную, нахлобучил на лоб шляпу.

– Идем. Достаточно с меня волнений на этот вечер.

– Никуда не пойду, пока вы не расскажете мне все!

Шарлотта пыталась не задохнуться от жгучей ярости. Почему она испытывает такое желание при звуках его голоса? Тот факт, что он может превратить женщину, взрослую опытную женщину в вожделеющую его самку всего лишь словами, только усиливало ее недоверие к нему. Этот человек уничтожил бы Сьюзен, и Шарлотта вовсе не жалела о том, что очернила его имя. Но хотела узнать, что ему известно о другом грабителе. По какой-то причине она верила, что Стюарт побывал у нее лишь однажды. Это объясняло также и все остальное: и то, почему впервые проникли в ее спальню, и погром в музыкальном салоне, и незаконченный обыск только что прибывших ящиков. Шарлотта едва не вздохнула от облегчения. Если Стюарт – тот, кто был в ее комнате, и он помешал другому грабителю выполнить свой обычный ритуал, она, по крайней мере, имеет дело с вором, который становится все более опасным. А если Стюарт рассмотрел противника, тогда она сумеет разгадать тайну.

Поэтому Шарлотта остановилась на пороге и стала ждать. Он тяжело вздохнул и подбоченился.

– Я рассказал вам все, что знаю. Парень был невысок.

Стюарт жестом показал, что грабитель едва доходил ему до плеча. Значит, он на дюйм выше Шарлотты, но для Стюарта все же чересчур мал.

– И худой или жилистый. Сильный и бесстрашный, как сам дьявол, потому что напал на меня. У него был нож. Возможно, сапожный, с лезвием дюймов в шесть. И воспользовался грабитель этим ножом без колебаний. У него было нечто вроде фонаря, излучавшего очень слабый свет, и он что-то искал в ящике. Я не видел, чтобы он что-то вынимал, как не видел и то, что было в ящике, который он открыл. Когда на шум прибежали слуги, грабитель пробежал по мне и исчез. Теперь вы довольны? – Стюарт широко раскинул руки.

– И он ничего не сказал? – допытывалась Шарлотта.

– Ни слова.

– Может, от него как-то странно пахло? Или одежда была необычной?

Стюарт покачал головой:

– Не могу сказать. Вероятно, потому что его нож был у моего горла, я и не смог как следует рассмотреть парня.

– Но вы должны были что-то заметить, – настаивала Шарлотта. – Вы единственный, кто его видел, и если вы не можете...

Стюарт резко вскинул голову, и она осеклась.

– Грабитель проникал в дом и раньше?

Шарлотта закуталась в плащ. Она сожалела, что расспрашивала его. Она должна была догадаться, что он был слишком занят, спасая себя, чтобы заметить что-то полезное.

– Несколько раз.

– Зачем? – Теперь уже Дрейк воззрился на нее.

Шарлотта сделала гримасу:

– Понятия не имею. Он что-то ищет, но, как я понимаю, ни разу ничего не взял.

– Что предпринял судья?

Шарлотта сжала губы.

– Ничего не было украдено. Иногда вообще не было доказательств того, что в дом проникал посторонний. Мои слуги не заботятся об осторожности и часто оставляют открытыми окна и двери. И что мне на это скажет судья?

– Почему же вы не наняли охранников для дома?

Шарлотта понимала, что будет совсем глупо сказать ему, что она не ощущала угрозы. Ведь он точно знал, что у грабителя был нож!

– Вряд ли это помогло бы.

– Но и не повредило бы. У него нож. Что, если в следующий раз на него наткнетесь вы или ваша племянница?

Шарлотта не желала слышать очередные обвинения в том, что она не годится в опекуны Сьюзен. Она сама прекрасно знала о своих недостатках.

– Учту. Позаботьтесь о том, чтобы в следующий раз охранники не поймали вас.

Стюарт коротко, язвительно рассмеялся.

– Не волнуйтесь, я не вернусь. Пойдем или вы останетесь на ночь?

Он повертел на пальце ее потрепанную шляпу. Шарлотта пересекла комнату,хватила у него шляпу и натянула на голову.

– Минуту, – вздохнул Стюарт, остановив ее, когда она хотела открыть дверь. Снял с нее шляпу и запустил руки в ее спутанные волосы. Быстро расчесал их пальцами, собрал на макушке и водрузил шляпу обратно. – Ну вот, – сказал Стюарт, открывая дверь и пропуская даму.

Он быстро, почти бегом, проводил Шарлотту домой. Та, семена рядом, почувствовала себя ужасно неловко. Она по-прежнему презирала его и повторяла это на каждом шагу, но сегодня вечером между ними образовалась некая странная связь.

Связь, рожденная вожделением, не слишком хорошая штука, напомнила она себе, пытаюсь не думать о том моменте, когда он без единого слова подал ей ожерелье, или о том, как он скрутил ее волосы, чтобы спрятать под шляпу.

Стюарт Дрейк был загадкой. С одной стороны, он – известный охотник за приданым и ухаживал за Сьюзен исключительно ради денег. Слухи о его поведении в Лондоне были поистине возмутительными, к тому же он вломился в ее дом и украл ожерелье. Одни эти факты должны были вызвать в ней отвращение к нему. Но с другой стороны, сегодня вечером он мог бы обращаться с ней куда хуже. Она оказалась полностью в его власти, и Стюарт мог добиться того, чтобы ее арестовали, или избить ее, а то и сделать что-то еще более ужасное. И хотя он привязал Шарлотту к кровати, он сдержал слово и не коснулся ее. Если не считать ссадин на запястьях и серьезно раненной гордости, она ничуть не пострадала.

«Вернее, почти», – мрачно нахмурившись, поправилась Шарлотта. Теперь она не знала, сможет ли посмотреть ему в лицо при свете дня. Она чувствовала себя почти так же неловко, как если бы легла с ним в постель. Шарлотта никогда не знала, что сказать любовникам утром, хотя их отношения в отличие от этих всегда были ясными и определенными.

«Впрочем, это даже не отношения, – подумала она с отвращением. Он всего лишь вынудил ее признать, что ее к нему влечет. Что могло бы стать основанием для романа. Когда-то в прошлом. Но не теперь. Отныне, когда у нее есть Сьюзен, она намерена стать уважаемой женщиной.

– Прикажите вашим людям проверять перед сном, заперты ли двери и окна, – неожиданно выпалил Стюарт, вторгаясь в ее мысли. – Пригрозите выгнать их без рекомендаций, если кто-то не выполнит свои обязанности. Скажите дворецкому, что он должен проверять весь дом по ночам, и убедитесь, что он это делает. Танбридж-Уэллс уже не такое модное место, как раньше.

А все, кто теряет место, вынуждены как можно скорее находить новое.

– Я уже говорила им это, – начала Шарлотта. Но он покачал головой, все еще глядя прямо перед собой.

– Они разгильдяи. Я влез в открытое окно. Возможно, один из слуг в сговоре с вором и дает ему возможность войти. Вы сказали, что очень часто не замечали никаких следов вторжения?

Шарлотта неловко кивнула. Ей и в голову не приходило, что кто-то из ее слуг может впускать грабителя в дом.

– Значит, сами проверяйте запоры каждую ночь, пока не удостоверитесь, что слуги следуют вашим приказаниям.

Напротив ее дома Стюарт остановился и повернулся к ней. Уличные фонари отбрасывали тусклый свет на половину ее лица, оставляя другую в тени.

– И обратитесь к судье, – серьезно добавил он. – Этот человек вооружен и не потрудился разобраться, против кого собрался это оружие применить. В следующий раз жертвой может оказаться один из ваших слуг или вы сами. Не будь я выше и сильнее, валялся бы сейчас с перерезанным горлом.

– Хорошо, – произнесла Шарлотта, укрощенная его доводами и настойчивостью.

– Прекрасно, – кивнул Стюарт. – Подождите здесь. Я проверю дом снаружи, посмотрю, все ли в порядке.

Прежде чем она успела что-то сказать, он стал переходить улицу. Его плащ развевался на ветру. Шарлотта держалась в тени. Неожиданно она обрадовалась тому, что он ее проводил. Что, если вор сейчас, в этот момент, находится в доме? Вдруг она сейчас войдет и спугнет его, а он вынет нож?

Шарлотта подняла воротник плаща, закрыв уши. И обнаружила, что испытывает странную благодарность за вмешательство в ее жизнь постороннего человека.

Казалось, прошло очень много времени, прежде чем высокая фигура Стюарта показалась в саду. Когда он направился к ней через дорогу, Шарлотта облегченно вздохнула. В его руках не было оружия.

– Кажется, все в порядке, – сообщил он. – Возможно, горничные слишком напуганы, чтобы забыть проверить окна и двери. У вас есть ключ?

– Я оставила его под воротным столбом. Но только на сегодня, – поспешила заверить Шарлотта, когда он нахмурился.

– Я бы не стал проделывать это регулярно, – заметил он. Кажется, он собирался добавить еще что-то, но промолчал.

Повисла пауза.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Шарлотта ступила на мостовую, остановилась и обернулась:

– Почему вы украли мое ожерелье?

– Я не хотел. Прошу прощения.

Ее рот приоткрылся от удивления:

– Не хотели? Случайно оказались в моей комнате, случайно заглянули в шкатулку с драгоценностями, случайно сунули ожерелье в карман? И думаете, я поверю в это?

Стюарт прикусил губу и отвел взгляд.

– Может, объясните, почему оказались в моем доме? – спросила Шарлотта, вновь возвращаясь к холодному, издевательскому тону.

Стюарт немного помолчал.

– Мне казалось, что у мисс Траттер осталось кое-что, принадлежащее мне, – выдавил он

наконец. – Но я ошибся. А как вы узнали, что ожерелье у меня?

Шарлотта пошарила в кармане и вынула флягу:

– Вы оставили это в моем саду, – пояснила она, бросив флягу к его ногам. Стюарт глянул на нее и устало вздохнул.

– Доброй ночи, мистер Дрейк, – сухо обронила Шарлотта.

– Прощайте, графиня, – ответил он, по-прежнему не поднимая головы.

Шарлотта развернулась и ушла. Нашла ключ в тайнике и, не оглядываясь, переступила порог. Только задвинув засов входной двери и начав подниматься по лестнице в свою спальню, она вдруг вспомнила, что так и не отдала ему плащ. Может, бросить его в окно, пока Дрейк не ушел?

Но она решила, что попросту отошлет плащ завтра. Встречаться с ним снова – значит накликать беду. Шарлотта предпочитала сохранять существующее положение вещей. Лучше продолжать питать к Дрейку неприязнь, чем решиться на что-то такое, что может изменить ее мнение о нем.

Оставшись один, Стюарт поднял флягу и с сожалением осмотрел. Повреждена. В точности, как его гордость. Вот вам и женщины. Поразила в самое сердце, а потом задрала нос, зная, что причиняет ему боль.

Сегодня вечером на несколько коротких мгновений Стюарт ощутил, что у него есть цель. И хотя Шарлотта, возможно, отмахнется от большинства его предложений, все же, когда она их выслушивала, она уважала его мнение. И хотя для таких мыслей не было веских причин, Стюарт почему-то думал, что ему будет не хватать этой женщины. Несмотря на все недостатки, она ему нравилась, и не только внешне.

Хотя он уж точно будет очень-очень долго жалеть о том, что могло бы случиться, не появившись Уитли и Джеймисон.

Впрочем, он это заслужил. Решение вломиться в ее дом было одним из самых ошибочных его решений. Его ударили ножом, едва не поймали и не арестовали, он по случайности унес с собой изумрудное ожерелье и даже не вернул материнское кольцо. Ни одно украшение не стоит подобного риска. Следовало забыть о кольце. С того момента, как он ее увидел, Шарлотта Гриффолино не доставила ему ничего, кроме неприятностей. Не хватало еще накликать новые беды, снова прокрадываясь в ее дом за кольцом.

Стюарт покачал головой и пошел домой по безлюдным улицам. Пора забыть о прошлом и вернуться к более насущным проблемам. Итак, что он намерен делать сейчас? Стопка приглашений, ждавшая его раньше на обеденном столе, когда он спускался к завтраку, сначала заметно уменьшилась, а через несколько дней, после визита Шарлотты к леди Килдер и вовсе перестала существовать. Из завидного жениха Стюарт превратился в отщепенца. Он уже успел принять приглашение на ужин у Мартинов следующим вечером – приглашение, которое более гордый человек теперь отверг бы, но Стюарт сегодня потратил буквально последний фартинг, и если он не пойдет на ужин, то останется голодным. Поскольку завтрашняя ночь в Кенте должна стать для него последней, он пойдет, а потом с достоинством покинет этот городишко.

А если Шарлотта решит остаться дома, ему еще может повезти.

– Ты раздобыла его?

Услышав взволнованный голос Люции, Шарлотта застонала и натянула одеяло на голову. Было слишком рано, и ей хотелось выспаться, а не вести подробный рассказ о вчерашних приключениях. Но подруга вырвала одеяло из ее руки. Шарлотта открыла глаза и увидела стоявшую над ней Люцию.

– Я все утро была как на булавках. Так ты его раздобыла?

– На иголках, – поправила Шарлотта.

Люция отмахнулась:

– Расскажи, или я выпью твой кофе.

Шарлотта немедленно села и потянулась к чашке. Как только они перебрались в Англию, Люция отправилась на кухню и научила кухарку варить настоящий итальянский кофе. «Даже если она больше никак не отработает свое содержание, – подумала Шарлотта, жадно делая первый глоток, – все-таки она может жить здесь. Только из-за одного умения готовить кофе».

Люция уселась на стул, который успела придвинуть к кровати, и подождала, пока Шарлотта отнимет чашку от губ.

– А теперь говори! Тебя ждал успех?

– Я вернула ожерелье, – кивнула Шарлотта. – Было так легко влезть в окно, что удивительно, как Дрейка не ограбили раньше.

– Да-да! – Глаза Люции лукаво блеснули. – И ты приложила ножницами к его брюкам?

Шарлотта сделала очередной подкрепляющий глоток. Она сказала Люции, что проделает несколько дыр на самых интересных местах брюк Дрейка, но теперь не могла думать о брюках без того, чтобы не представлять, как они его обтягивают.

– Нет.

– Какая жалость! – сделала гримасу Люция. – Я так ждала рассказ о раздевании!

– Люция!

– Знаешь, я все обдумала. Вряд ли он слишком стар. И ты далеко не стара. А он кажется мужчиной горячим и чувственным.

– Он охотник за приданым, – напонила Шарлотта. – Ищет невесту побогаче.

– Но я богата опытом.

– Подозреваю, он предпочитает фунты стерлингов.

– Кроме того, я вовсе не желаю выходить за него, – продолжила Люция. – Только повеселиться с ним. – Она восторженно рассмеялась над своей шуткой.

Шарлотта не встала с постели. Она глубоко дышала, чувствуя, как протестует тело. Борьба со Стюартом возымела свои последствия, и у нее ныло все, особенно руки и спина.

Она мимолетно подумала о ночах, когда выбиралась из окна отцовского дома и бежала по лугу, чтобы побыть с человеком, которого, как думала, любила. Тогда она оставалась с ним на всю ночь, прокрадывалась в дом как раз перед рассветом и все же проводила весь день на ногах, словно ночь мирно проспала в постели. Теперь же не могла встать, хотя, судя по времени, проспала несколько часов. Должно быть, она стареет. Либо это, либо любовные наваждения сильнее, чем неограниченное количество крепкого кофе.

– Если повезет, он скоро уедет, – заметила Шарлотта, надевая халат. Еще немного, и суставы затрепчат. Она решила, что ей необходима горячая ванна, и позвонила горничной.

Люция мечтательно вздохнула:

– Ну, хорошо. Тебя не было целую вечность. Я заснула в ожидании твоего возвращения.

– А Сьюзен?

– Нет, – покачала головой подруга. – Она ни разу не проснулась. И не разговаривала со мной. Я ничего ей не сделала, и все же она задирает нос при виде меня. Будь она моим ребенком, я задала бы ей порку за дерзость.

– Пожалуйста, только не говори о порках, – попросила Шарлотта, осторожно опускаясь на табурет перед туалетным столиком. Ее волосы были растрепаны и стояли дыбом, как у дикарки. Она подняла щетку и принялась за работу, морщась, когда поднимала руки над головой.

– Сьюзен все еще скорбит по отцу и привыкает к жизни со мной. Ей очень тяжело пришлось.

Лючия фыркнула, но оставила тему.

– Значит, ты получила ожерелье. Он уедет из города, так что с ним покончено, верно?

– Да.

Шарлотта опустила щетку. Пусть горничная займется ее волосами.

– Ты не рассказываешь подробности, – упрекнула Лючия. – Почему же дразнила меня историей о том, как он перебирал твоё белье? Где ты нашла ожерелье? Рылась в его подштанниках?

– Он вернулся домой рано, – пояснила Шарлотта, немного подумав. – И схватил меня. Мы поругались, но потом... – Внизу живота сгустился жаркий ком. – Мы поговорили.

О, как он говорил!

– И он отдал ожерелье.

– Неужели? Вы разговаривали? – Лючия с громким стуком поставила чашку. – Я почти забыла, какой англичанкой ты иногда бываешь. Но если ты способна вломиться в спальню красавца-мужчины и просто беседовать с ним, в том, что ты принадлежишь к этой нации, нет сомнений.

– Он не хотел быть арестованным за кражу ожерелья.

В дверь постучали. В комнату робко вошла горничная.

– Сделайте ванну, и погорячее, – велела Шарлотта.

– Он не рассердился, увидев тебя?

– Рассердился, и очень.

Шарлотта снова поднялась и, подойдя к кровати, села в ожидании ванны.

– Он ударил тебя? Дорогая, он такой большой и сильный! А его руки! Знаешь, его руки напоминают мне руки русского графа, которого я когда-то знала. Ах, он мог дать женщине такое наслаждение... пальцы длинные...

– Он видел другого грабителя, – перебила Шарлотта, не желая слышать о любовниках Люции и о том, как напоминает их Стюарт Дрейк. Хотя, если хорошенько подумать, у него действительно красивые руки... сильные, с длинными пальцами. Конечно, они могут быть такими же уверенными и требовательными, как и дразняще нежными.

– Другого? – спросила Лючия после паузы. – Я думала, что был всего один.

– Нет. Был и другой. Мистер Дрейк уверяет, что проник в дом всего однажды, и я не вижу причин сомневаться в его словах. Подозреваю, Дрейк хотел наказать меня за то, что лишила его возможности завладеть наследством Сьюзен, но не желает признаваться в этом. Он наткнулся на грабителя в музыкальном салоне, когда тот рылся в только что прибывших ящиках. Завязалась драка, но тут вошел Данстен и оба мужчины сбежали.

– Он разглядел незнакомца? Может его описать?

Шарлотта покачала головой:

– Говорит, что нет. Заметил только, что он мал ростом. Примерно с меня. Разве я такая маленькая?

Шарлотта растерянно посмотрела на Люцию. Та пожала плечами:

– Для мужчины? Да. Предпочитаю высоких мужчин. Нет ничего более восхитительного, чем тяжесть мужского тела на...

– Он больше ничего не заметил, кроме того, что у грабителя был нож.

Шарлотта не понимала, почему последнее время стала такой застенчивой. Она знала Люцию три года. Они много разговаривали о мужчинах и часто употребляли слова, которые заставили бы покраснеть кого угодно. Это было одним из качеств, которые так ценила в подруге Шарлотта: ее абсолютная откровенность и неспособность быть чем-либо шокированной. Будучи замужем за Пьетро, Шарлотта почти всегда пребывала в окружении мужчин, и Люция зачастую была единственной женщиной в ее компании.

Когда она решила вернуться в Англию и Люция попросила разрешения немного погостить у нее, Шарлотта сразу же ее пригласила.

Но возможно, теперь, когда она снова оказалась в Англии, та английская сторона ее характера, которая дремала много лет, пробуждается? Каждый раз, когда Люция заговаривала о Стюарте Дрейке и принималась перечислять его привлекательные черты, Шарлотта пыталась сменить тему. Ее и раньше влекло к неподходящим мужчинам, – казалось, у нее просто талант находить таких, – но он был первым, кого она отказывалась обсуждать с Люцией. И ничто на земле не могло заставить ее признаться подруге в том, что он сделал прошлой ночью. Оставалось надеяться, что леди Килдер выполнит свою миссию до конца, и Стюарт скоро исчезнет из города. Как только он уедет, Шарлотта сможет сосредоточиться на восстановлении отношений со Сьюзен и начнет новую жизнь в Англии.

– Нож?! – встревожено взвизгнула Люция, вскакивая со стула. – Здесь бродит безумец с ножом? Что нам делать?

– Постараться сделать так, чтобы он больше не смог проникнуть в дом, – ответила Шарлотта. – Похоже, вчерашней ночью слуги были ужасно перепуганы, потому что, когда я шла домой, С... – Она прикусила язык, чтобы не проговориться Люции о том, кто провожал ее домой. – Все двери и окна были заперты. И отныне будут заперты каждую ночь, или я уволю всех слуг и стану менять новых, пока не найду таких, которые будут помнить о безопасности дома.

– Он набросился с ножом на мистера Дрейка?

Шарлотта кивнула:

– Порезал ему руку. Не будь мистер Дрейк намного выше и сильнее, вор перерезал бы ему горло.

Последовало долгое молчание. Люция села. Сейчас она была непривычно мрачной.

– Вор хочет найти что-то важное.

– Но что именно, черт возьми?! – нетерпеливо воскликнула Шарлотта. – Было бы куда проще, оставь он записку с требованием выдать эту вещь.

Люция быстро заморгала.

– Ты знаешь, что в этих ящиках?

– Более-менее. Камердинер Пьетро упаковал все, что было. Большинство ящиков даже не открыты.

– Может, стоит все распаковать? – Люция говорила очень серьезно. – Вытащить все и посмотреть, есть ли в ящиках нечто необычное, что-то такое, за что можно убить.

– У нас три комнаты, полные ящиков, бочонков и сундуков, – напомнила Шарлотта. – Но если хочешь, начинай распаковывать. У меня нет на это сил!

– Почему ты так колеблешься? Наши жизни в опасности.

Шарлотта сознавала, что Люция права. Но не могла этого сделать.

– Не желаю снова видеть эти вещи, – уклончиво ответила она. – Подумываю их отдать.

– В музей?

– Нет, – произнесла Шарлотта после небольшой заминки.

– В таком случае кому? Это бесценные шедевры.

«Если бы ты только знала!» – подумала Шарлотта. К счастью, в этот момент слуги принесли ванну и стала наполнять ее горячей водой. Лючия, чтобы успокоиться, отправилась в сад покурить, а Шарлотта легла в обжигающую воду. Возможно, стоит нанять охранников; они наверняка сумеют поймать вора. Она была уверена, что в ящиках нет ничего такого уж ценного, но ее тревожил нож. Как только грабитель удостоверится, что в ящиках нет ничего стоящего, он может подняться вверх и сорвать злость на ней, Сьюзен или Лючии. Шарлотта думала, что Кент для трех одиноких женщин – абсолютно безопасное, скучное место, но, похоже, ошибалась.

Что же, она подумает об этом завтра. Если обнаружатся признаки нового вторжения грабителя, когда она будет знать, что все двери и окна заперты, значит, она наймет охрану. А пока что она пообещала повести Сьюзен по магазинам и сдержит слово.

Хотя вчера после завтрака ее племянница казалась угрюмой, поездка за желтым платьем ее развеселила, и за обедом она была почти дружелюбной. Сегодня Шарлотта решила поехать к обувщику за туфлями в тон платью. А если две женщины не смогут поладить, покупая туфли, когда еще выдастся другой случай?

Стюарт знал, что хозяйке неловко в его присутствии. При виде гостя глаза Корделии Мартин округлились от удивления, но она успела прийти в себя как раз вовремя, чтобы поприветствовать его. Корделия пригласила Дрейка, тот принял приглашение; не ее вина, что он пал так низко, но, по правде сказать, в этом нет и его вины.

Он быстро отыскал Джеймисона. Хотя Стюарт не желал, чтобы кто-то подумал, будто он уползает с поджатым хвостом, все же он не хотел, чтобы его выкинули на улицу. Пока он пересекал комнату, очень многие поворачивались к нему спиной. Но Джеймисон при виде друга широко улыбнулся:

– Дрейк, старина! Рад тебя видеть.

– Тише, – бросил Стюарт другу, беря бокал вина с подноса проходившего мимо лакея. – Это мое прощание с Кентом. Предпочитаю закончить свой визит иначе, нежели уткнувшись носом в брусчатку улицы.

– Только не говори, что покидаешь поле боя, – покачал головой Джеймисон. – Я считал, что у тебя больше мужества.

«Сейчас мне не хватает не мужества, а чего-то совсем другого».

– Я дам тебе займы сотню, – беспечно бросил Джеймисон. – Кент без тебя станет таким скучным, как проповедь Лентона.

Стюарт вымучил кислую улыбку:

– Огромное спасибо, но я стараюсь, чтобы мои долги не превышали тысячу.

– Вот как. – Джеймисон уставился в свой бокал. – Значит, назад в Лондон?

– К сожалению, – пробормотал Стюарт, осушив свой бокал и многозначительно показывая его лакею. Тот поспешил заменить пустой бокал полным.

Джеймисон откашлялся и осмотрел комнату. Он был готов глядеть куда угодно, лишь бы не на друга:

– Что ж, удачи!

Стюарт знал, что именно сочувствие заставляет Джеймисона так себя вести. Тот не мог поверить, что какие-то жалкие слухи полностью погубили репутацию друга, и советовал ему держаться твердо. Стюарт не был так в этом уверен: похоже, Шарлотта ничего не делала

наполовину, – но это уже не имело значения. Срок выплаты по закладной на Оуквуд-парк наступал через месяц. Слишком мало времени, чтобы найти другую невесту. Стюарту придется признать поражение, вернуться в Лондон и сделать все возможное, чтобы вновь заслужить благосклонность отца. Если начать сейчас, он еще сумеет сохранить свою собственность.

– А! – неожиданно воскликнул друг. – Твоя наследница прибыла! Дай ей еще один шанс, почему бы нет? Сегодня она выглядит очень хорошенькой.

Стюарт поколебался, но все же украдкой посмотрел в ту сторону. Шарлотта была здесь, неотразимая в зеленом платье с черными кружевами. Рядом шли мисс Траттер и высокая, пышная итальянка, которая жила в их доме.

– Думаю, я, как говорится, сжег с теткой все мосты, – пробормотал Стюарт, наблюдая, как женщины здороваются с супругами Мартин.

– Она не очень похожа на сморщенную ведьму, как тебе расписывали, верно? – заметил Джеймисон, заинтересованно наблюдая за Шарлоттой. Стюарт пытался одновременно не встретиться с ней глазами и не вспоминать о том, как она выглядела в его постели.

– Она далеко не сморщенная ведьма, – едва сумел выдавить Стюарт.

– Я бы сказал...

Голос Джеймисона отдалился, и Стюарт оторвал взгляд от Шарлотты. Но на нее пристально уставился Джеймисон, и Стюарт уже открыл рот, чтобы сухо спросить, что его так заинтересовало, когда понял, что привлекло внимание друга. Не Шарлотта, хотя она сияла в зеленом шелке, как райская птичка, а ожерелье с изумрудами и бриллиантами у нее на шее.

– ...что нет, – задумчиво договорил Джеймисон, бросив быстрый взгляд на Стюарта. Тот допивал вино, жалея, что уже не уехал в Лондон.

– Полагаю, в Кенте не так много подобных ожерелий, – произнес Джеймисон чуть погодя.

– Не так много, – угрюмо согласился Стюарт.

– Такая женщина рано или поздно обязательно покажет камни оценщику.

– Вне всякого сомнения.

Стюарт схватил очередной бокал вина, хотя в этот момент ему не помешал бы виски. Сейчас самое подходящее время выпить и ничего не помнить.

– Извини, – бросил Стюарт и отошел, прежде чем Джеймисон успел прямо спросить, сознательно ли он подарил женщине фальшивые драгоценности, и почему это оказалась Шарлотта Гриффолينو, а не Сьюзен Траттер. К счастью, миссис Мартин пригласила на ужин половину города, и Стюарт смог ускользнуть незамеченным. Конечно, эта половина города из кожи вон лезла, чтобы его не замечать, даже если кто-то сталкивался с ним лицом к лицу.

Стюарт отправился на выходивший в сад балкон и задернул за собой штору. Должно быть, он оскорбил какое-то божество, иначе почему препятствием на его пути становится каждая мелочь?

– Дрейк!

Прежде чем обернуться, Стюарт устало прикрыл глаза. На балконе появилась Сьюзен. Лицо ее сияло. Стюарту с трудом удалось не позволить ей броситься ему на шею. Он поймал ее руки и поднес к губам.

– О, вы ужасно выглядите! – воскликнула Сьюзен. – Значит, разлука была для вас столь же невыносимой? Я почти не спала, думая о том, как тетя Шарлотта вас унизила! С того момента она почти не оставляла меня одну, иначе я сразу же примчалась бы к вам! Никогда не прощу ее! Никогда!

На секунду Стюарту показалось, что Сьюзен имеет в виду то, что Шарлотта погубила его репутацию, но тут же вспомнил танец у Килдеров.

– Неделя была трудной, – уклончиво пояснил он.

Сьюзен кивнула, блестя глазами.

– Я столько раз твердила, что вы не подлец, каким она вас считает, но тетушка ничего не желает слышать. Мы так давно не виделись, и теперь люди говорят о вас такие ужасные вещи...

– Мисс Траттер, – попытался перебить Стюарт.

– Но я, разумеется, не верю ни единому слову, – тараторила она. – Я точно знаю, что вы не способны погубить молодую леди во время вечеринки в саду, устроенной ее бабушкой, не говоря уже о том, чтобы похитить какую-то девицу и увезти в Дувр! Уверена, что обе они были некрасивыми, веснушчатými особами, но, конечно, вы женились бы на одной из них, если бы каким-то образом повредили ее репутацию, ненамеренно, конечно, потому что я знаю: вы – человек благородный.

– Вечеринка в саду? Похищение? – повторил Стюарт, не веря своим ушам. Неужели Шарлотта рассказала именно эту историю? Анна Хейл была навязчивой кокеткой, которую никогда не удовлетворяло внимание единственного поклонника. Даже после того как Анна согласилась прогуляться со Стюартом в парке, она старалась привлечь взоры другого джентльмена. Когда Анна потеряла туфельку, Стюарт нашел ее и надел на ногу Анны. Верно, она подняла юбку выше, чем диктовали приличия, – у девушки совершенно не было ни такта, ни деликатности, – но он даже не коснулся ее чулка, хотя сплетники утверждали обратное. Мало того, ходили слухи, что он овладел ею едва ли не в присутствии престарелых дам.

А похищение Элизы Пенниурт! Он едва ее знал и никогда бы не встретил, не будь она влюблена в его старого школьного друга Эйдана Монтгомери. Ее родные не позволили им обвенчаться и выбрали ей в женихи богатого кузена. Отчаявшиеся любовники решили сбежать. Но Монтгомери пришлось бы для этого отказаться от карьеры в королевском флоте – стать моряком было мечтой Эйдана, и его как раз произвели в помощники командира корабля. Не желая, чтобы друг потерял все, Стюарт предложил привезти мисс Пенниурт в Дувр, где стоял на якоре корабль Монтгомери. Там парочка могла бы спокойно и без шума обвенчаться, Монтгомери сохранил бы должность, а над мисс Пенниурт больше не была бы властна ее семейка. Девушка с радостью согласилась, а Монтгомери благодарно тряс руку друга. Но все закончилось провалом, когда ее брат догнал их всего в десяти милях от Дувра и потащил девушку обратно в Лондон, где ее без дальнейших слов выдали замуж за кузена. Корабль Монтгомери отплыл через два дня, а Стюарт молча терпел сплетни, зная, что из всей троицы судьба была добрее всего к нему.

Сьюзен покачала головой и прижала палец к его губам, чтобы заставить замолчать:

– Вам ни к чему все это отрицать.

Стюарт осторожно отстранил ее руки:

– Мисс Траттер, думаю, пора...

– Сбежать вместе? – оживилась она. Ее лицо озарилось такой надеждой, что у него не хватало сил на нее смотреть.

– О, я могу уже через час сложить вещи! Это научит тетю Шарлотту не обращаться со мной как с ребенком! Куда мы поедем? В Шотландию? Или в Лондон? Я точно знаю, что буду обожать Лондон, когда мы там поселимся.

– Нам пора признать правду, – тихо поправил Стюарт. – Ваша тетя никогда не согласится на мое предложение.

– Пусть идет ко всем чертям! – объявила Сьюзен.

– Тем не менее боюсь... – Стюарт помолчал, тщательно обдумывая, что сказать: – Боюсь, мы обречены на разлуку самой судьбой...

Сьюзен поразмыслила над сказанным:

– Но если мы убежим...

Стюарт покачал головой:

– Бесплезно. Мы – как блуждающие звезды, которым суждено встретиться лишь однажды в жизни.

– О! – выдохнула Сьюзен, что-то осознав. – Как Ромео и Джульетта!

– Да, – согласился Стюарт, изобразив трагический вздох.

– Пирам и Фисба, – продолжила она. – Элоиза и Абеляр!

Стюарт откашлялся:

– Да, что-то в этом роде. Мое единственное утешение в том, что вы перенесете это легче, чем я.

– Вовсе нет, – всхлипнула Сьюзен. – Я умру от горя!

– Нет!

Стюарт коснулся ее руки легким поцелуем и отступил.

– От всего этого мне еще хуже. Скажите только, что будете счастливы. Я не вынесу мысли о том, что вы несчастны!

– Тогда я буду счастлива, – пообещала Сьюзен дрожащим голосом. – Но вы? Что будете делать вы?

Стюарт посмотрел в темный сад.

– Не знаю. Я не в силах думать о чем-то, кроме сегодняшнего вечера.

И это было правдой. Потому что выбор у него невелик, а перспективы не слишком приятны.

Сьюзен потянулась к нему, но тут же прижала руки к груди.

– Я буду скучать, – пролепетала она.

– И я, – грустно улыбнулся Стюарт. Это не было правдой, хотя он навсегда сохранит добрые воспоминания о Сьюзен. Она славная девушка. Но теперь Стюарт никак не мог представить ее своей женой. Даже за двадцать тысяч фунтов. Одной мысли о ее тете будет достаточно, чтобы никогда не представить Сьюзен в своей постели. Но у него не хватало духу, чтобы сказать ей это. Стюарт как раз поздравлял себя с гениальным решением представить ее трагической героиней и пытался придумать способ попросить обратно кольцо, когда штору резко отдернули:

– Как вы посмели? – спросила Шарлотта с тихой злобой.

Сьюзен испуганно дернулась, но тут же вскинула подбородок:

– Такова судьба! – провозгласила она. Стюарт видел, что Сьюзен уже начинает входить в роль.

Шарлотта даже не взглянула на нее:

– Сьюзен, ты можешь идти.

Выражение лица Сьюзен стало упрямым. Стюарт окинул ее очередным грустным взглядом и слегка поклонился.

– Доброго вечера, мисс Траттер.

Сьюзен мгновенно пришла в себя и присела:

– Доброго вечера, мистер Дрейк, – ответила она мученическим тоном. – Прощайте.

И высоко держа голову, Сьюзен стала протискиваться мимо тетки.

– Немедленно иди в экипаж, – ледяным тоном приказала Шарлотта.

Сьюзен повернулась, в изумлении открыв рот:

– Почему? Мы только приехали.

– И ты не выполнила мою единственную просьбу! – отрезала Шарлотта, все еще глядя на Стюарта. Поэтому и не увидела яростного блеска глаз племянницы.

– Ты ничего не понимаешь!

– Понимаю, и слишком хорошо.

– Вот как! – топнула ногой Сьюзен. – Воображаешь, будто знаешь все, но это не так!

Шарлотта наконец перевела взгляд на нее:

– Иди в экипаж, – медленно повторила она, подчеркивая каждое слово. Девушка вспыхнула и направилась к двери, всего раз оглянувшись на Стюарта.

Едва Сьюзен ушла, Шарлотта вышла на балкон и опустила за собой штору. Стюарт неожиданно задался вопросом: что, если бы они встретились без обычных споров или, возможно, спорили, но у него был бы хоть малейший шанс выиграть.

– Вам необязательно было приходить сюда, – сообщил Стюарт, сложив руки. – Ей как раз начинала нравиться трагическая роль вроде Джульетты.

– Сьюзен не Джульетта, – нахмурилась Шарлотта. – Сьюзен неопытная девушка. Слишком доверчивая, чтобы увидеть вашу истинную суть.

– В отличие от вас, которая сумела ее разглядеть.

Она моргнула и окатила его злобным взглядом. Стюарт широко улыбнулся, чувствуя себя свободным и бесшабашным. Почему бы не поссориться с ней в последний раз? Теперь ему абсолютно нечего терять.

– Или стоит попросить выслушать меня, поскольку прошлой ночью наша встреча, на мой взгляд, была чересчур короткой.

Стюарт заметил, что она избегает его взгляда, и нашел это довольно приятным обстоятельством. Это означало, что вчерашняя история выбила ее из колеи. В его-то памяти она уж точно запечатлена навсегда.

Шарлотта приоткрыла рот, но тут же закрыла, не в силах высказать то, что хотела.

«Не смотри на меня! – хотелось крикнуть ей. – Не заставляй думать о каждом сказанном тобой слове!»

– Держитесь подальше от моей племянницы.

Стюарт пожал плечами:

– Я просто хотел глотнуть свежего воздуха. Похоже, ей пришла в голову та же мысль.

Сьюзен исчезла почти в тот же момент, как они приехали к Мартинам. Шарлотта рассчитывала на то, что миссис Мартин не пригласит Дрейка, и сначала ни о чем не тревожилась... пока не увидела лорда Джеймисона, одного из приятелей Стюарта, который попеременно смотрел то на нее, то в сторону балкона.

– Не ожидала увидеть вас здесь сегодня, – заявила Шарлотта, презрительно вскинув брови. – Я думала, миссис Мартин лучше информирована.

– Ей рассказали, но слишком поздно, – рассмеялся Стюарт. – Виноват я, поскольку не только согласился прийти, когда ничего еще не было известно, но и появился здесь.

Стюарт откинулся на перила, заложив руки за спину.

– Так что, возможно, мне следует уйти, как вы уже готовы предложить. Придется обдумать...

– Пожалуйста, не тратьте много времени на обдумывание, – сухо посоветовала Шарлотта. – Ответ вполне очевиден.

– Вышвырнете меня из дома собственноручно? – улыбнулся Дрейк.

– Мечтаю об этом каждую ночь, – надменно улыбнулась она.

– В таком случае сделайте это.

Прежде чем она успела отреагировать, он взял ее руку и положил себе на затылок. Шокированная Шарлотта попыталась освободиться, но он массировал ее кисть, пока ее пальцы не распластались по его коже.

– Возьмите меня за шиворот и сбросьте с балкона, – прошептал он, подступив еще ближе. Ему пришлось слегка наклониться, чтобы удержать ее руку на своей шее.

Шарлотту возмутило то, что ее сердце забилося быстрее.

– Отпустите мою руку. – Она дернула сильнее.

– А, вы из тех, кто предпочитает драть уши?

Стюарт завладел другой ее рукой и положил себе на щеку так, что пальцы касались волос за ухом. Шарлотта ахнула, поняв, что беззащитна перед его обаянием и ничего не может поделать. Теперь она взята в плен и вынуждена сжимать ладонями его голову.

– Отпустите, или я действительно надеру вам уши.

– Соблазнительное предложение, – заметил Стюарт. – Хотя не такое соблазнительное, как это.

Рука Шарлотты соскользнула с его щеки на шею. Теперь он двумя пальцами сжимал ее запястья. Она отшатнулась, потеряла равновесие и уткнулась ему в грудь.

– Так куда лучше, – засмеялся Стюарт, выпрямляясь.

Шарлотта отвернулась.

– Держитесь подальше от моей племянницы, – повторила она, пытаясь освободиться.

– Я и держусь. Как можно дальше, – пробормотал Стюарт. Его дыхание шевелило волосы на ее виске. – Вам бы следовало радоваться, что я полностью от нее отказался.

– Но на балконе вы были с ней вдвоем, – напомнила Шарлотта, пристально глядя на плющ, поднимавшийся по боковой стене дома и стараясь не обращать внимания на то, что прижата к его груди.

– Если собирались подслушивать, – произнес Стюарт, притиснув ее к плющу, – следовало делать это более осторожно.

– Я слышала достаточно.

Теперь она окончательно попала в плен: сзади поросшая плющом кирпичная стена, спереди Стюарт. И то и другое – твердое и неподатливое. Она подумывала, было, закричать, поднять публичный скандал и как раз решила сделать именно это, когда он стал свободной рукой ласкать ее щеку и повернул ее лицо к себе.

– Вы слышали то, что хотели услышать, – сказал Стюарт, – потому что не желаете признать правду. Вы против того, чтобы я женился на вашей племяннице, потому что сами хотите меня.

Она открыла рот, чтобы завопить, а он поцеловал ее.

Шарлотта дернулась и ударилась головой о стену. Стюарт снова шагнул вперед, расставив ноги так, что она оказалась прижатой к стене. Его пальцы утонули в ее волосах, держа голову неподвижно, пока он завладевал ее ртом. Она сжала губы, но он предвидел, что будет так, и его язык вторгся внутрь так легко и решительно, что она задрожала. Все ее реакции замедлились. Она была поражена этим поцелуем. Ее уже давно не целовали так страстно и пылко. Возможно, никогда.

Шарлотта будто уплывала куда-то. Она действительно ненавидела его, правда ненавидела, но прошлой ночью он оставил ее трепещущей от желания. И может, будет справедливо позволить ему хотя бы немного притушить огонь, который он в ней зажег.

«Это всего лишь поцелуй, – твердила Шарлотта себе. – Он ничего не значит».

Стюарт услышал ее вздох и стал гадать, что он означает. В его объятиях она была мягкой и теплой. Настоящей женщиной, хотя и скованной. Но это скоро изменилось. Ее кулаки за его спиной разжались, пальцы стиснули его плечи. Приподнявшись на носках, Шарлотта прильнула к нему. Ее тело в его объятиях ожило, она цеплялась за Стюарта так, словно решила никогда его не отпускать. А ее поцелуй...

Стюарта никогда раньше так не целовали. Даже самая опытная куртизанка в сравнении с Шарлоттой казалась неопытной девственницей. Эта женщина сплела свой язык с его и втянула глубже в рот в столь откровенной имитации соития, что он разом ослабел. И ощутил себя куда более живым, чем когда-либо. Он подался вперед, прижав ее к стене, и дал волю рукам.

Стюарт обхватил ее полную грудь, сквозь шелк терзая сосок большим пальцем. Ее стон стал верным знаком капитуляции, восторга и поощрения. Стюарт провел ладонью по ее плечу, талии и, сжав бедро, рванул ее на себя. Ее спина слегка выгнулась, и Стюарт снова ощутил ее прекрасное тепло, прижатое к его возбужденной плоти. Конечно, он глупец, но эта женщина действовала на него, как ни одна другая.

– Пойдем ко мне домой, – прошептал Стюарт между нежными поцелуями, которыми осыпал ее лицо. – Позволь показать все, о чем я забыл упомянуть прошлой ночью.

Его голос развеял чары. Шарлотта застыла, в ужасе осознав, что позволила себя ласкать человеку, разбившему сердце Сьюзен. Это не просто поцелуй. Это предательство племянницы и данных самой себе обетов.

– Нет.

Шарлотта сняла руки с его плеч и отвернулась, когда Стюарт собрался снова ее поцеловать.

– Остановитесь. Пожалуйста.

Его объятия медленно ослабели. Она отступила и, избегая его взгляда, одернула платье.

– Когда-нибудь, – хрипло пообещал Стюарт, – вам придется закончить начатое.

– Нет, – ответила Шарлотта и, заведя руку за спину, потянулась к шторе, – вы ошибаетесь. Я намерена закончить другое начатое: уберечь Сьюзен от вас и всех остальных охотников за приданым.

– Я не имел в виду вашу племянницу, и вы это знаете. – Стюарт покачал головой. – Между нами еще ничего не решено.

Остальные гости переместились в музыкальный салон, так что Шарлотта беспрепятственно вышла из дома. Она хотела как можно скорее уйти отсюда, а Лючия способна сама о себе позаботиться. Последние слова Стюарта не давали ей покоя, тревожили. Что придется сделать, чтобы окончательно с ним порвать? И почему он заговорил о ее самом глубоком, самом мрачном страхе? Неужели она действительно хочет его для себя?

По дороге домой Сьюзен не сказала ни слова и, едва войдя в дом, тут же помчалась к себе. Пытаясь справиться с угрызениями совести, Шарлотта на несколько минут задержалась. Подумать только, она поцеловала того человека, с которым запретила видеться Сьюзен!

Шарлотта никак не могла успокоиться, думая о своей реакции на поцелуй. Все же немного погодя она поднялась наверх и постучала в дверь племянницы. Не получив ответа, Шарлотта чуть приоткрыла дверь.

– Сьюзен! Можно войти?

– К чему трудиться и спрашивать? – с горечью ответила Сьюзен. – Ты все равно всегда делаешь, что хочешь!

Шарлотта прикусила губу и вошла в комнату. Свечи не горели, и было очень темно. Силуэт Сьюзен выделялся на фоне открытого окна. Она стояла спиной к двери. Когда Шарлотта закрыла за собой дверь, племянница не обернулась.

– Прости, – тихо начала Шарлотта. – Я знаю, ты ждала вечеринки у Мартинов.

– Ничего подобного. Я думала, что там будет ужасно скучно, но никто не спросил, хочу ли я ехать.

– Но, дорогая, это лучшее общество в городе.

Шарлотта была удивлена и немного обижена. Она думала, что Сьюзен хотела выезжать по вечерам, и делала все возможное, чтобы развлечь племянницу.

– Унылый, старый Танбридж-Уэллс, – фыркнула Сьюзен. – Чего бы я только не дала, чтобы немедленно уехать отсюда!

У Шарлотты не нашлось ответа. Она знала, что племянница жаждет увидеть Лондон, и к следующей весне, когда Сьюзен исполнится восемнадцать, Шарлотта будет готова ехать. По крайней мере, она твердила себе именно это и поэтому она сменила тему:

– Прости, если смутила тебя в присутствии мистера Дрейка.

Сьюзен долго молчала.

– Почему ты так его ненавидишь? Ты едва его знаешь, – выговорила она наконец.

Тон был бесстрастным, почти лишенным эмоций.

Шарлотта поколебалась. Она ожидала еще одного неистового скандала. Не этой спокойной враждебности.

– Потому что он напоминает мне человека, которого я когда-то знала, – медленно выговорила Шарлотта. – Человека, заставившего меня поверить в то, что он меня любит. Тогда я была молодой. Почти твоей ровесницей. И когда я безумно его полюбила, узнала, что ему нужно только мое наследство.

– Кто тебе это сказал? Какой-то родственник, любящий совать нос в чужие дела? – пренебрежительно бросила Сьюзен.

Шарлотта поморщилась:

– Мой отец. Он сделал мне огромное одолжение, обличив этого негодяя.

– А потом ты сбежала в Париж, лечить свое разбитое сердце, – кивнула Сьюзен. – Как ужасно ты страдала!

«Нет, – хотелось сказать Шарлотте. – Меня отослал отец, потому что не мог вынести присутствия в доме столь аморальной особы. Навязал меня дальнему родственнику и отказался признавать меня до конца жизни. Это была вовсе не моя идея».

Сьюзен внезапно развернулась. Кулаки ее были сжаты.

– Откуда тебе известно, что ему нужно только мое состояние?

– Он разорен, – стала объяснять Шарлотта, но племянница нетерпеливо отмахнулась.

– Что же, я могу выйти за мужчину, у которого больше денег, чем у меня. Только как мне удастся встретить такого в чертовски скучном Кенте?

– Тебе всего семнадцать.

– А сколько лет было тебе, когда ты в одиночку путешествовала по Европе? Папа рассказывал о тебе. Когда я была ребенком. «Тетя Шарлотта, которая живет в Париже. Потом в Ницце, потом в Испании и Италии».

– Это было не так романтично, как ты думаешь, – предупредила Шарлотта.

– А я дальше Лондона никуда не ездила, – яростно прошипела девушка. – Как я мечтаю уехать отсюда! Я всегда либо слишком молода, либо слишком богата, либо слишком... о! – Она провела ладонью по глазам. – Только уйди! Ты ничего не знаешь обо мне, о том, что я хочу. И не можешь заставить меня всю жизнь искупать совершенные тобой ошибки!

Шарлотта отшатнулась, словно Сьюзен ее ударила. Так вот, что думает о ней племянница!

Взмахнув юбкой, Сьюзен вновь отвернулась к окну.

– Я делаю все возможное, – тихо ответила Шарлотта. – Прости, если ты с этим не согласна, но твой отец действительно назначил меня твоим опекуном, и я буду продолжать делать то, что считаю для тебя наилучшим. Надеюсь, когда-нибудь ты поймешь.

Сьюзен громко шмыгнула носом, но ничего не ответила.

Шарлотта нерешительно повернулась и ушла к себе в комнату, где устало опустилась на табурет перед туалетным столиком. Впервые в жизни она была безмерно рада, что у нее нет своих детей. Судя по тому, как она «ладит» со Сьюзен, из нее вышла бы ужасная мать. Возможно, она была глупа, когда ожидала, что они сразу подружатся, но она просто не понимает, отчего Сьюзен питает к ней такую неприязнь. Дело, видимо, не только в Стюарте Дрейке, хотя основная причина – именно он. Сьюзен спорила с ней по любому поводу. Ни одно предложение Шарлотты ей не нравилось, ни одно: и если дело касалось высоты каблуков туфелек, и если речь шла о лучшем времени для прогулки в парке. Шарлотта не знала, что делать. Она не могла позволить Сьюзен своевольничать, но постоянные споры с девушкой угнетали ее.

Увидев себя в зеркале, Шарлотта вздохнула. Она даже не выглядела женщиной, готовой рожать детей. Кожа все еще золотистая после итальянского солнца. Лицо искусно подкрашено. Волосы уложены с модной небрежностью, которая так нравилась Пьетро. Эта небрежность делала ее еще привлекательнее – по контрасту с аккуратными, тщательно завитыми буклями, которые носили английские леди. Она всегда любила яркие цвета и не боялась их носить. Она выглядела...

Шарлотта с отчаянием поняла, что похожа на дорогую куртизанку. То, что казалось в Милане стильным и смелым, в Англии считалось аляповатым и вульгарным. Неудивительно, что она ничего не может добиться.

Она уронила голову на руки и молча попросила прощения у Джорджа. Пусть не сердится на сестру за то, что все ее усилия по воспитанию его дочери ни к чему не привели.

Она могла бы сделать, как надо. И сделает! Джордж доверил ей свою любимую дочь, и она не имеет права его подвести! Джордж был единственным, кто не осудил ее много лет назад, когда ее юношеская неосторожность привела к скандалу. Когда отец сослал ее в Европу за дурное поведение, Джордж сделал все, чтобы она плыла на хорошем судне, и сказал, что будет по ней скучать. Шарлотта не ожидала, что брат спасет ее, – ему нужно было заботиться о жене и ребенке, – но он был единственным, кто сочувствовал ей, напуганной семнадцатилетней девочке, которую безжалостно выбросили одну в жестокий мир. Все годы, которые она провела за границей, Джордж писал ей, где бы она ни находилась.

Шарлотта вынула из волос гребни, сняла украшения и блестящее платье. Пора начинать

одеваться и выглядеть соответственно возрасту. Она привыкла быть центром внимания, особенно мужского. Но настало время завоевывать благосклонность матрон.

Наутро Шарлотта умылась, но не стала накладывать косметику, свернула волосы в обычный узел и надела самое неброское платье цвета темной бронзы, которое, правда, вряд ли можно было назвать ординарным. Но наряда проще у нее не было. Шарлотта с сожалением провела рукой по ярким шелкам и муслинам, после чего закрыла дверцу гардероба и спустилась к завтраку.

– Что случилось? – удивленно уставилась на нее Лючия. – Кто-то умер?

– Нет. Почему?

– Выглядишь ужасно. У тебя кончились румяна?

Шарлотта потянулась к чашке с кофе.

– Английские леди не накладывают так много косметики, поэтому и я решила обойтись без нее.

– Значит, ты не видела миссис Фицхью прошлой ночью, – возразила Лючия. – Должно быть, она накладывала румяна ножом для масла. Английские леди пользуются косметикой, только не умеют этого делать.

– Тем не менее я отказываюсь от косметики в пользу более сдержанного стиля. Я уже не так молода.

– Тем больше причин ею пользоваться, – вполголоса заметила Лючия. – Без нее ты выглядишь такой... – Она склонила голову набок и сделала гримасу: – ... деревенской простушкой.

Шарлотта послала ей мрачный взгляд:

– Сьюзен еще не спускалась?

Лючия покачала головой:

– Мне это неизвестно. Она со мной не разговаривает.

Шарлотта вздохнула. Конечно, Сьюзен возненавидела Лючию, которая вела себя так свободно... на зависть девушке. Приглашая Лючию погостить, Шарлотта ни разу не подумала о дурном влиянии, которое ее подруга может оказать на племянницу.

– Возможно, она еще спит. Вчера мы опять поссорились.

– Очень трудно с ней не поссориться. Ребенок невероятно избалован.

– Трудный возраст и обстоятельства.

– Ее папа взялся бы за ремень, и ты это знаешь. Ты боишься, что она тебя не полюбит, если будешь с ней строга.

– Но я приказала ей держаться подальше от мистера Дрейка, не так ли? – воскликнула Шарлотта.

– Можно подумать, это принесло хоть какую-то пользу! – отмахнулась Лючия, вставая. – Сегодня утром я иду в библиотеку. Какую книгу тебе взять?

– В библиотеку?

– Именно.

Лючия кокетливо улыбнулась.

– Молодой человек, с которым я познакомилась вчера вечером, предложил почитать мне там стихи. Вот такие у меня бывают приключения, когда ты бросаешь меня среди англичан.

– Наслаждайся визитом. Я подожду Сьюзен.

Лючия ушла, и Шарлотта молча доела завтрак. Конечно, она хотела понравиться Сьюзен и не желала быть слишком строгой, каким был с ней самой ее собственный отец. Она свято верила, что вела бы себя прилично, доверяй ей отец больше. Но все же Шарлотта не могла

позволить Сьюзен вытворять все, что угодно, и погубить свою репутацию лишь потому, что она слишком молода, чтобы знать обо всех опасностях света. Возможно, если просто объяснить это Сьюзен, та лучше ее поймет.

Шарлотта ждала все утро, но Сьюзен так и не спустилась. В конце концов, женщина собралась с духом и постучала в дверь спальни племянницы. Ответа она не получила и решила подождать еще. Час спустя Сьюзен так и не появилась, и наконец Шарлотта постучала снова:

– Сьюзен, пожалуйста, выходи.

Молчание.

– Тогда войду я, – предупредила Шарлотта, вставляя ключ в замочную скважину.

Она могла бы не трудиться, поскольку комната была пуста. Потрясенная Шарлотта метнулась к открытому окну, потом к аккуратно застеленной кровати, после чего принялась звонить горничной Сьюзен. Взволнованная девушка вбежала в комнату. Глаза ее были широко раскрыты.

– Где мисс Траттер?

Шарлотта раздвинула занавески. Ближайшая стена была увита лозой плюща – не такое большое расстояние, чтобы его не смогла преодолеть ловкая молодая девушка.

Горничная нервно скрутила передник:

– Не знаю, мэм. Она ни разу не вызвала меня сегодня утром, и поскольку вы приказали, чтобы мы не входили, пока не позвонят...

– Почему вы не сказали мне, что она не звонила?

Девушка испуганно сжалась:

– Но я не... то есть я не знала, что это так важно. Мисс Траттер часто спит допоздна, и я не думала...

Горничная осеклась, когда Шарлотта распахнула дверцы гардероба.

– Проверьте, не пропало ли что. Не забудьте про новые вещи, которые мы купили только на прошлой неделе.

Горничная побежала выполнять приказ, а Шарлотта села за письменный стол и медленно просмотрела все содержимое. Не найдя ничего необычного, она перешла к бюро, но обыск и на этот раз ничего не дал.

– Несколько платьев пропало, мэм, – нерешительно сообщила горничная. – Правда, они могут быть в стирке. Проверить?

Шарлотта кинула, и горничная выскочила за дверь.

Дворецкий появился как раз в ту минуту, когда Шарлотта в панике сжала ладонями виски. Где может быть Сьюзен. Куда она пошла?

– Миледи? – спросил Данстен. – Что-то случилось?

– Да, Данстен. Мисс Траттер пропала.

На последнем слове голос Шарлотты дрогнул. Господи, что она будет делать, если что-то случится с племянницей?

– Может, кто-то опять вломился в дом?

Дворецкий покачал головой:

– Нет, мэм, но я немедленно проверю еще раз.

Стараясь оставаться спокойной, Шарлотта мерила шагами комнату. Сначала нужно убедиться, что никто не похитил Сьюзен. Она проклинала собственную лень. Как можно было не нанять охранников сразу же, как только Стюарт посоветовал это сделать? Она не хотела верить, что Сьюзен сбежала, но похищение тоже не слишком радостная весть.

Тут ее взгляд остановился на чем-то белом. Из-под кровати высовывался кончик бумажного треугольника. Шарлотта нагнулась и подхватила записку, на которой стояло ее имя.

Она развернула записку:

«Тетя Шарлотта!

Больше я этого не вынесу. Могу ли я оставаться здесь, когда сердце мое в другом месте? Я должна последовать за своей любовью, как это сделала Джульетта. Знаю, ты меня не поймешь, и прости, что не будешь присутствовать на моей свадьбе. Но если этому суждено случиться, значит, случится. Прощай.

Сьюзен».

Шарлотта все еще стояла неподвижно, словно громом пораженная, когда в комнату снова вбежала горничная:

– Платья в стирку не отдавали. Может...

– Я убью его, – тихо перебила Шарлотта. Ее пальцы медленно сжались, сминая записку. – Убью своими руками.

– Миледи? – в тревоге взвизгнула горничная.

– Вы свободны! – бросила Шарлотта, проходя мимо девушки.

Шарлотта направилась в свою комнату и достала из-под кровати шкатулку красного дерева. Пылая от гнева, она спокойно вынула пистолет, зарядила и отправилась в путь, молясь, чтобы не было слишком поздно.

Последний день Стюарта в Кенте проходил куда лучше, чем он ожидал. У него осталось ровно столько денег, чтобы заплатить за квартиру, а это означало, что можно уезжать, не крадучись, как вор, посреди ночи. Камердинер Бентон, которого он отослал на две недели в вынужденный отпуск, поскольку ему было нечем платить, неожиданно вернулся. Обрадовавшись, Стюарт велел слуге, чтобы тот помог ему подготовиться с отъездом. Сам Стюарт складывал свою одежду. Помедлил только, когда наткнулся на старый плащ.

Подняв его, он глубоко вдохнул. Складки еще слабо пахли ее духами, и теплый, насыщенный аромат воспламенил кровь. Шарлотта вернула плащ, положив его на следующее утро у порога его дома.

«Еще одна упущенная возможность», – подумал Стюарт, жалея, что все пошло не так, как хотелось бы ему. Если бы он только мог предположить, что целоваться с ней настолько чудесно, приложил бы больше усилий, чтобы соблазнить ее в ту ночь, когда она проникла в дом. Наследниц можно найти где угодно, по всей Англии, но такие женщины, как она, встречаются раз в жизни, да и то, если повезет.

Его мысли прервал громкий стук. Бентон ушел, чтобы отправить в Лондон уже упакованные вещи. Стюарт положил плащ в сундук и поспешил открыть дверь.

– Где она?

При виде нацеленного прямо в его сердце пистолета в руке Шарлотты Стюарт замер.

– Представления не имею, о чем вы. – Он повернулся к ней спиной и направился в комнату.

– Не смейте уходить!

Ее голос дрожал от ярости.

– Я выстрелю!

Стюарт наконец оглянулся:

– А я не могу остановить вас, поскольку, как видите, не вооружен.

Он переступил порог спальни. Шарлотта последовала за ним, шурша юбками и сверкая глазами. Ее лицо пылало. Она была великолепна.

– Немедленно скажите, где Сьюзен, или прощайтесь с жизнью!

Стюарт разразился смехом:

– Долго репетировали реплику? Прекрасно сыграно, но несколько мелодраматично. В следующий раз попытайтесь выражать меньше эмоций: когда держите в руке пистолет, лучше быть спокойнее. Это куда больше пугает жертву.

– Вряд ли вас можно назвать жертвой, – фыркнула Шарлотта. – Где моя племянница?

Стюарт без особого любопытства пожал плечами:

– Повторяю: понятия не имею. Не видел ее с прошлой ночи. А что? Потеряли подопечную, тетушка Шарлотта?

– Воображаете, будто сумеете обмануть и меня? – Она язвительно усмехнулась и тряхнула головой. – Но я ничуть не одурачена! Мне следовало бы пристрелить вас прямо на месте. Сделать доброе дело для всех женщин. Но я дам вам еще один шанс. Скажите, где Сьюзен, и сохраните себе жизнь.

Стюарт со вздохом бросил в сундук пару рубашек.

– Как ни великодушно ваше предложение, я не могу его принять. Понятия не имею, где ваша племянница.

– В таком случае куда вы едете? – допытывалась Шарлотта. – Вы собираете вещи. Станете отрицать, что покидаете город?

– Да, покидаю. И чем раньше, тем лучше.

– Куда вы едете?

– В Лондон, – поколебавшись, ответил он и, заметив, каким торжеством вспыхнули ее глаза, добавил: – Один. Можете поехать со мной и все увидите сами. Но я отправляюсь дневным дилижансом и должен успеть сложить вещи. Так что, если не собираетесь со мной, подайте эти сапоги, пожалуйста.

Шарлотта швырнула сапоги ему в голову. Стюарт поймал один и увернулся от другого, после чего убрал оба в сундук. Шарлотта молчала, беспокойно бродя по комнате и заглядывая в шкафы и комоды. Стюарт продолжал собираться, хотя ощущал ее присутствие каждым нервом. Раньше ему бы в голову не пришло хотеть женщину, которая целится в него из пистолета. Конечно, это неестественно, но, несомненно, возбуждает.

Под ее неотступным взглядом Стюарт складывал брюки и рубашки, насвистывая себе под нос, чтобы вывести ее из равновесия. Просто необходимо, чтобы кто-то поставил ее на место.

– Прекрасно! Можете ехать в Лондон! – внезапно объявила Шарлотта. – Я поеду с вами. Мало того, отвезу вас сама. А когда мы найдем Сьюзен, вы расскажете ей о вашем жестоком плане жениться на ней ради денег. О своих попытках погубить репутацию других наследниц, о том, как отец за такое поведение изгнал вас из Лондона. Надеюсь, вы сумеете вымолить у нее прощение за то, что обманом заставили вас довериться.

Наблюдая за ней, Стюарт прислонился к кровати столбику. Шарлотта выглядела растрепанной. Из узла на затылке выбились пряди волос, плащ сполз с плеча.

– В этом все дело, не так ли? Вы расстроены, потому что Сьюзен доверилась мне.

– Вздор! Она просто обманулась, наслушавшись вашей лжи.

– Вы велели ей избегать меня, как чумы, и все же Сьюзен пришла ко мне при первой же возможности.

Шарлотта немедленно прицелилась в него.

– Это, моя дорогая, воздействие раненой гордости, – наставительно заметил Стюарт.

– Я раню не вашу гордость, – остерегла Шарлотта. Ей хотелось пристрелить его только затем, чтобы стереть улыбку с его лица. Как он смеет издеваться над ней?

– Хорошо. Я поеду в Лондон с вами, под дулом пистолета. Можете отложить свои

подозрения в том, что ваша племянница сбежала со мной. Именно в этом вы меня обвиняете, не так ли? А если я солгал вам... – Он раскинул руки в стороны, демонстрируя свою беззащитность. – Можете отомстить как пожелаете.

– Обязательно отомщу, – поклялась Шарлотта.

– Но если вы ошибаетесь... – Стюарт покачал головой. На его губах играла коварная улыбка. – Тогда я получу все, что пожелаю. Вас. На одну ночь.

Ее сердце на мгновение остановилось. Какая невероятная наглость! Она никогда не согласится на что-то подобное! Отдаться ему! Она скорее отдаст себя на съедение голодному медведю!

Неужели он говорит правду? Но нет, этого не может быть! Он уже показал себя лжецом и манипулятором, способным добиться от женщины всего. Прошлой ночью Дрейк был вместе с Сьюзен на балконе, а Шарлотта не слышала ни слова об этом. Ни от кого. Ни от Сьюзен, ни от слуг, ни даже от сплетников. Это Стюарт Дрейк – причина исчезновения Сьюзен, он знает, где она или куда отправилась. И если Стюарт думает, что Шарлотта смутится или отступит, он жестоко ошибается.

– Прекрасно, – холодно ответила она. – Отправляемся в путь.

Несколько минут Стюарт не шевелился, пристально глядя на нее. Потом повернулся к сундуку и принялся беспорядочно швырять в него вещи.

– Дайте мне двадцать минут.

Шарлотта наняла экипаж. Пока она договаривалась с кучером, Стюарт болтал с хозяином гостиницы, словно других забот у него не было. Пересчитывая монеты, Шарлотта злобно на него поглядывала. Ветерок ерошил его темные волосы, чувственный рот кривила улыбка; когда он так улыбался, вокруг глаз собирались мелкие морщинки, отчего зверское выражение его лица смягчалось.

«Дружелюбный волк, – вдруг подумала Шарлотта. – Вот на кого он похож, с его длинным тонким носом и большим ртом. Только дружелюбных волков не существует, и неплохо бы мне это помнить».

Она наблюдала, как грузят в экипаж вещи: гигантский сундук Стюарта и ее маленький саквояж. Она наняла мальчишку, отнести записку к ней домой, и в ответ Лючия прислала три платья, все ее новое белье и целое состояние в драгоценностях. Интересно, что, по мнению Лючии, она должна делать с вечерними туалетами и бриллиантами? Сама Шарлотта и предположить не могла, но нельзя же уйти и самой собраться! Если она хоть на секунду выпустит его из виду, Дрейк ухитрится уведомить Сьюзен, так что Шарлотта не может рисковать.

Он попытался посадить ее в экипаж, но она продолжала сжимать пистолет и знаком велела ему идти вперед.

Чтобы следить за Стюартом, она села напротив него. Он окончательно взбесил ее, надвинув шляпу на лоб и захрапев. Она едва не выстрелила из пистолета в окно, чтобы восстановить хоть немного уважения к себе. Но поскольку у нее не было второго заряженного пистолета, Шарлотта решила, что не стоит лишаться оружия ради того, чтобы его напугать.

Экипаж, раскачиваясь и подсакивая на ухабах, катился к лондонской дороге. Солнце уже садилось. Шарлотта не позволила остановиться на короткий обед, и Стюарт, проснувшись, обвинил ее в том, что она морит его голодом.

– Если спросите меня, я скажу, что это очень плохо организованное похищение, – сказал он, неприязненно разглядывая протянутые ему яблоко и ломоть хлеба. – Могли бы по крайней мере захватить с собой корзинку с едой.

– Это не выезд на пикник, – отрезала Шарлотта. В одной руке она держала яблоко, в другой

– пистолет. Запястье ныло, но она не опускала оружие. Несмотря на то что вид у Дрейка был самый беззаботный, он, вероятно, просто пытается усыпить ее бдительность. А если он обезоружит ее, одному богу известно, какова будет его месть.

Впрочем, ему, кажется, происходящее было абсолютно безразлично. Он буквально развалился на сиденье, наблюдая за ней. По мере того как мерк дневной свет и в салоне экипажа делалось все темнее, Стюарт казался ей все более и более опасным. В полутьме поблескивали только его глаза, а иногда и зубы.

– Советую снова заснуть, – процедила наконец Шарлотта.

Стюарт хмыкнул:

– Не нравится, когда за вами наблюдают?

Она ответила яростным взглядом. Стюарт задумчиво кивнул:

– Я так и думал. Странно, поскольку вы не из тихих, застенчивых женщин, во всяком случае в этом платье.

Шарлотта сжала кулак, подавляя желание немедленно натянуть плащ на свое платье цвета бронзы.

– Думаю, это мое дело, как и во что одеваться.

Стюарт расплылся в улыбке:

– О, я не жаловался. Мне нравится ваш вкус. Особенно платье, в котором вы были у Килдеров. Прелестно!

Шарлотта, прекрасно помнившая, как выгодно облегало платье ее фигуру, презрительно фыркнула.

– Мне казалось, что вы находите его унылым, если учитывать ваше внезапное желание его снять.

– Думаю, вы плохо знаете мужчин, если считаете, что меня оно не интересовало, – возразил Стюарт, явно на что-то намекая. – Я мечтал снова увидеть вас в этом платье.

– Полагаю, у каждого мужчины свои мечты.

– Совершенно верно.

Его губы растянулись в коварной улыбке.

– И чаще всего я представляю вас совсем без платья. Рассказать подробнее?

– У вас совсем нет стыда, – рассмеялась Шарлотта.

Стюарт пожал плечами:

– Почти нет. Стыд очень мешает. Я думал, вы уже догадались об этом. Кроме того, это вы твердите, что пора покончить с ложью между нами. Я всего лишь следую вашим желаниям.

– Моим желаниям? – воскликнула Шарлотта. – Думаю, мы обсуждаем ваши желания. Ваши безумные, невыполнимые желания.

– Я нахожу их вполне выполнимыми. Поскольку когда вы проиграете наше пари...

Стюарт опустил глаза, и Шарлотта осознала, что снова поддалась чарам его мягкого и низкого голоса. А его слова вызвали трепет и странное волнение. Она вдруг остро ощутила раскачивание экипажа, увидела, как небрежно Стюарт распростерся на сиденье, выставив вперед ногу. Руки его были сложены на животе, поза казалась расслабленной. Вот только он наблюдал за ней. Точно так же, как она за ним.

– До Лондона путь долгий, – заметил он тихим хриловатым голосом, который действовал на нее как физическая ласка. – Должны ли мы отдаться неизбежному?

– Ничего неизбежного тут нет, – отрезала Шарлотта, с отвращением слыша, каким мягким стал ее собственный голос. Почему ее всегда влечет к самым неподходящим мужчинам?

Уголок его рта дернулся.

– Сами знаете, что это не так. Вы когда-нибудь занимались любовью в экипаже?

Шарлотта попыталась погасить разгорающийся внутри жар.

– Разумеется, – ответила она как можно небрежнее. В конце концов, она опытная женщина. Не какая-то наивная девчонка, которая легко поддастся искушению. – Но это мне не слишком нравится.

В его глазах полыхало раскаленное добела желание.

– В таком случае идите ко мне и позвольте убедить вас в обратном, – предложил он, протягивая ей руку. Шарлотта отвернулась, отказываясь на него взглянуть.

– Очень длинная дорога, – уговаривал он. К несчастью, ее взгляд упал на его бедра. Возбужденная плоть натягивала брюки. Во рту Шарлотты пересохло, и она заерзала на сиденье, тоже почувствовав возбуждение. Что он имеет в виду? Что придется всю долгую дорогу до Лондона провести, изнемогая от неудовлетворенного желания, или предлагает ей скоротать время иным образом?

– Еще одно оскорбление, и я пристрелю вас.

– Признайтесь, Шарлотта, вы меня хотите, – рассмеялся он. – Так же сильно, как я вас.

– Говорите за себя, – отчеканила она. – Вы наглый, лживый, аморальный, вороватый...

– Я не сказал, что вы хотите меня хотеть. Только, что хотите.

С чего это он так чертовски весел?

– Я хочу совсем другого: скажите, где Сьюзен, и после этого я буду на седьмом небе от счастья, потому что больше никогда не увижу вас.

– Это не слишком веский довод для того, чтобы все вам рассказать.

Трясущаяся от ярости Шарлотта подняла пистолет:

– Подонок!

– Эй!

Его голос неожиданно окрасился тревогой. Он поспешно увернулся, когда она прицелилась прямо ему между глаз.

– Осторожнее!

– Где она? – завопила Шарлотта.

– Будь я проклят, если знаю! – крикнул Стюарт в ответ, все еще прикрывая голову руками. – Опустите пистолет!

Какое-то время Шарлотта еще продолжала целиться, но потом сообразила, что делает, и резко опустила оружие, не в силах поверить, что зашла так далеко. Одно дело – размахивать пистолетом, и совсем другое – приставить дуло к голове.

Пытаясь скрыть дрожь, она закуталась в плащ. Подумать только, она подвергла опасности чью-то жизнь!

Ей хотелось выкинуть пистолет в окно, но тогда она останется совершенно беззащитной и может никогда не найти Сьюзен. А именно необходимость найти племянницу должна руководить всеми ее действиями.

– Я всего лишь хочу вернуть Сьюзен, – запинаясь, сказала она. – Не хочу стрелять в вас. Но вы должны сказать мне, где Сьюзен. Главное – вернуть ее. Остальное мне безразлично. Скажите, умоляю вас!

– Я уже говорил, что не знаю, – раздраженно бросил Стюарт.

Шарлотта закрыла глаза:

– Я вам не верю.

– Почему вы так меня не любите? – спросил он, немного помолчав.

– Вы знаете, почему, – выпалила она, прежде чем он закончил говорить.

– Да вы ненавидите любого мужчину, который справляется о финансовом положении женщины, прежде чем предложить ей руку и сердце, – фыркнул он. – Тем более что женщины уж

точно никогда не выходят замуж за деньги или титулы.

– Мне и это не слишком нравится, – призналась тихо Шарлотта.

– Но по какой-то причине особую неприязнь вы питаете именно ко мне. Вы публично оскорбили меня, способствовали изгнанию из Кента, – из Кента, ради всего святого! – угрожали пистолетом, а теперь похитили! Что, позвольте спросить, так выделяет меня из толпы других мужчин? Почему я для вас хуже любого типичного мужчины, которому настолько нужны деньги, что он готов жениться?

Шарлотта не знала, что ответить. В самом деле какая разница между ним и остальными?

– Полагаю... полагаю, это потому, что вы заставили Сьюзен влюбиться в вас.

– Как я мог заставить девушку сделать это, если она не хотела ничего подобного? – спросил Стюарт, явно теряя терпение.

– Но это так и есть, – настаивала Шарлотта. – Вы ухаживали за ней, заставили поверить, что тоже любите.

– Я никогда не говорил ей ни слова о любви, – заверил он. – Хотя, конечно, ухаживал. Именно так поступают все мужчины, перед тем как сделать предложение.

– Да. Но за женщинами постоянно ухаживают, и при этом они не думают, что влюблены, – спокойно ответила Шарлотта. – Сьюзен слишком молода, чтобы понимать это, и слишком романтична, чтобы суметь защитить свое сердце. Она невинна и наивна. И потому любит слепо и беззаветно, не видя не только маленьких, незначительных недостатков, но и больших, вроде того факта, что ее любовь безответна. Привязанность к вам обезоружила ее, и осознание того, как она глупа, может уничтожить ее.

Несколько мгновений единственными звуками в экипаже были позвякивание упряжи и скрип рессор.

– Хотелось бы знать, кто разбил вам сердце, – пробормотал Стюарт.

Шарлотта замерла:

– Если не желаете сказать, где Сьюзен, можете просто помолчать.

Это, казалось, умерило его любопытство, и до конца поездки в экипаже было тихо.

Когда экипаж покатился по городским улицам, Стюарт выпрямился:

– Мы прибыли. Куда дальше, мой прекрасный тюремщик?

– Клапем-Клоуз, номер десять.

Шарлотта уже успела оправиться. Все будет хорошо. Она поступила правильно. Ни на секунду не выпускала его из-под надзора и намеревалась продолжать в том же духе, пока не найдет Сьюзен. Наверняка долго ждать не придется, но необходимо найти племянницу, прежде чем у него появится возможность наплевистить ей очередную ложь.

– Вот как? – удивился Стюарт.

Шарлотта взмахнула пистолетом.

– Ваш камердинер послал туда ваши вещи. Вы направлялись именно по этому адресу. Значит, именно туда мы и поедем.

Он снова развалился на сиденье и уставился в окно.

Немного погодя они остановились. Кучер открыл дверцу экипажа. Первым вышел Стюарт и повернулся, чтобы предложить Шарлотте руку. Она проигнорировала этот любезный жест и выбралась сама, придерживая юбки одной рукой и сжимая пистолет другой. Стюарт пожал плечами и стал подниматься на крыльцо большого дома. Она сунула пистолет под плащ, а он тем временем позвонил.

– Пистолет у меня, и он заряжен. Не воображайте, будто оказались в безопасности.

Его усмешка показалась ей скорее напряженной, чем наглой.

– Я еще никогда не чувствовал себя в такой опасности, как в эту минуту.

Дверь открыл лакей в роскошной ливрее. Увидев стоявших на крыльце, он изумленно моргнул:

– Добрый вечер, сэр.

– Добрый вечер, Фрейкс, – кивнул Стюарт и устремился вперед. Поеживаясь от неловкости, Шарлотта последовала за ним. Особенно неловко ей стало, когда она увидела интерьер дома, – дом был на удивление элегантен и прекрасно меблирован. Повсюду сновали слуги.

«Неужели это действительно жилище охотника за приданым? Вполне возможно, – пыталась убедить себя Шарлотта. – Дом, разумеется, заложен и перезаложен, и слугам не платят уже несколько месяцев».

Тут появился взволнованный дворецкий.

– Добрый вечер, мистер Дрейк. Мы вас не ожидали.

– О, в этом я уверен.

Стюарт снял пальто и, вопросительно подняв бровь, повернулся к Шарлотте. Та стянула плащ и ответила яростным взглядом. Стюарт отдал пальто лакею и снова повернулся к дворецкому.

– Кто-то есть дома?

– Э... сэр... не уверен, – ответил дворецкий почти извиняющимся тоном.

Шарлотта снова украдкой оглядела холл. Что-то здесь не так. Это не тот дом. Это просто не может быть тот дом!

– Прекрасно. Пусть это вас не беспокоит, Брамбл, – отмахнулся Стюарт.

– Где Сьюзен? – прошипела Шарлотта, которой все больше становилось не по себе. Она желала немедленно увидеть племянницу.

– Я уже говорил, что понятия не имею. Вы хотели приехать в мой дом, и вот мы здесь. Надеюсь, вы удовлетворены?

– Я буду удовлетворена, когда моя племянница благополучно вернется.

– Спаси меня Господь от неразумных женщин! – вздохнул он.

Изнемогавшая от тревоги Шарлотта пришла в бешенство и подтолкнула его пистолетом:

– Этот дом не может быть вашим.

– Уверяю, другого у меня нет. Больше мне некуда идти. И вы знаете, что все вещи я отослал сюда. – Стюарт широко раскинул руки: – Я с самого начала собирался ехать именно в этот дом.

– Снова вернулся? – раздался холодный голос. Одновременно повернувшись, они увидели высокого седого мужчину с хмурым лицом. Взгляд его был устремлен на Стюарта, который едва заметно поморщился, прежде чем ответить надменной улыбкой.

– Не думаешь же ты, Теренс, что я просижу в Кенте весь сезон? Сам знаешь, как скучны и глупы эти деревенские собрания.

Мужчина, прихрамывая и опираясь на палку черного дерева, направился в их сторону. Очевидно, он был крайне недоволен появлением Стюарта.

– Немного скуки и глупости тебе не помешает.

– О боже, я всегда считал, что мое лучшее качество – острый ум.

Мужчина пренебрежительно фыркнул. Его взгляд упал на Шарлотту, и та при виде его злобных сверкающих глазах окончательно вышла из равновесия.

– Как ты посмел привезти свою потаскуху сюда!

Стюарт подался к ней, а Шарлотта в то же время невольно шагнула к нему. Они стукнулись локтями, и Стюарт, не глядя на нее, поддержал ее одной рукой. Шарлотта не отстранилась: интуиция ей подсказывала, что она сделала очень серьезную ошибку. Ее обуревало ужасное ощущение, что теперь придется вступить в вынужденный союз с Дрейком.

– Никакая она не потаскуха, – отрезал он, крепче сжимая ее руку.

– Стюарт! – раздался внезапно другой голос, на этот раз женский. К ним, приветственно простирая руки, спешила низенькая полная женщина. Стюарт наконец отвел взгляд от джентльмена.

– О, как чудесно! – вскрикнула женщина, обнимая его. – Я понятия не имела, что ты возвращаешься в город. Если бы ты сообщил заранее, я бы устроила званый ужин!

– Здравствуй, матушка, – ответил Стюарт, целуя ее в щеку. – У меня были другие заботы, и нужно сознаться, мне было не до ужина.

– Все равно я всегда буду надеяться.

Улыбка женщины на мгновение померкла. Она глянула на Шарлотту, которая, казалось, вот-вот потеряет сознание. Матушка? Мать Стюарта? Это дом его родителей?

– Кто твоя гостья, дорогой?

– Позволь представить моего друга, графиню Гриффолино. Шарлотта, это моя мать, миссис Дрейк.

– Рада знакомству, – вежливо ответила мать Стюарта. Если судить по выражению ее лица, она была крайне заинтригована.

Мистер Дрейк явно задыхался от гнева, но жена посмотрела на него, и он резко опустил голову в подобии поклона.

– Мы приехали по важному делу, – произнес Стюарт, продолжая сжимать локоть Шарлотты. – Племянница мадам Гриффолино исчезла, и мы боимся, что она сбежала в Лондон. Я предложил свою помощь в поисках, и мы в надежде ее догнать в спешке покинули Кент.

– Какой ужас! – воскликнула миссис Дрейк. – Должно быть, вы так тревожитесь!

Шарлотта едва кивнула. Она сделала ужасную ошибку: Сьюзен здесь нет, и она, должно быть, уже на полпути в Шотландию, либо во Францию, или в любую страну, куда ее везет неизвестный мужчина. Она позволила предубеждениям в отношении Стюарта повлиять на ее

способность рассуждать здраво. И теперь потеряла Сьюзен.

Шарлотта покачнулась, и Стюарт поспешил обнять ее за талию. Ее лицо побелело от шока. Можно было только предполагать, что у нее на уме. Но какими бы ни были ее недостатки, она любила свою племянницу, и Стюарту вдруг стало немного стыдно за то, что он дразнил и пытался соблазнить Шарлотту в то время, как она, должно быть, сходила с ума от беспокойства.

– Мы оба волнуемся, матушка, – заверил он, чтобы заполнить паузу. – Ужасно. Сьюзен не оставила никаких следов, а мы покинули Танбридж-Уэллс в такой суматохе, что не нашли, где остановиться, кроме этого дома.

Шарлотта все сильнее обвисала на нем всей тяжестью. Еще чуть-чуть и... только он не даст ей упасть.

Стюарт осторожно, под прикрытием ее плаща, отобрал пистолет. Она не издала ни звука протеста.

– О, Стюарт, если ты считаешь, что это...

Стюарт уже не слышал дальнейших слов матери, потому что ноги Шарлотты подогнулись. Он молниеносно подхватил ее под колени и поднял. Она не потеряла сознания. Просто была в шоке: широко открытые невидящие глаза и обмякшее тело.

– Ей плохо, – быстро сказал он матери. – Мы можем на несколько минут остаться одни?

– Послушай, – предостерегающе начал Теренс, но жена перебила его.

– Конечно! Бедняжка! Отнеси ее в библиотеку, Стюарт.

Стюарт последовал за матерью. Он уложил Шарлотту на шезлонг в библиотеке и взял бокал бренди, протянутой матерью. Та стояла за его спиной, пока он не послал ей выразительный взгляд. Как только за матерью закрылась дверь, Стюарт вынул пистолет, который спрятал под плащом Шарлотты, и положил подальше от нее.

– Шарлотта!

Он сжал ее плечи, но она смотрела сквозь него.

– Вам плохо?

– Сьюзен пропала.

Ее губы едва двигались.

– Но куда она ушла? Она написала... что пойдет за зовом сердца... я была уверена...

Женщина порылась в кармане плаща и вынула смятую записку. Стюарт ее разглядел.

Какое запутанное дело! Похоже, девушка действительно сбежала, хотя, очевидно, не с ним. Видимо, Сьюзен, несмотря на все клятвы, была влюблена не в него. Скорее в жизнь, которую он ей предлагал. В точности, как он сам хотел финансовой независимости и обеспеченности, которую она могла ему предоставить. Все это не более чем он заслуживал. И внезапно ему стало не по себе. Как ужасно, что он почти не приложил усилий, чтобы убедить Шарлотту в том, что не имеет никакого отношения к побегу Сьюзен! Когда она сказала, что ее племянница исчезла, он предположил, что девушка просто ненадолго сбежала и вскоре обнаружится в доме подруги или вернется сама. Он позволил неудержимому интересу к Шарлотте затуманить его рассудок и согласился на ее требования, потому что это соответствовало его желаниям.

Стюарт откашлялся:

– У вас хотя бы есть представление о том, что она имела в виду?

Взгляд Шарлотты остановился на нем.

– Ромео. Вы сказали ей, что она Джульетта.

Стюарт чувствовал себя все хуже.

– У вас нет больше никакой информации? – тихо спросил он. – Когда она исчезла? Взяла с собой что-то? Вы расспросили ее горничную или остальных слуг?

Шарлотта покачала головой и снова обмякла:

– Горничная ничего не знает. Несколько платьев Сьюзен пропали, но их немного. Я говорила с ней прошлой ночью, когда мы вернулись домой. Она так и не спустилась к завтраку и к обеду, и я предположила... и не пошла к ней. Но она сбежала, и я понятия не имею с кем, если не с вами...

– Может, у нее были другие поклонники?

– Вы единственный, о ком она упоминала, – прошептала Шарлотта.

– Уверены, что она решила ехать в Лондон? – быстро проговорил Стюарт, пытаясь увести тему от себя.

Шарлотта закрыла глаза.

– Сьюзен не могла говорить ни о чем, кроме как о поездке в Лондон. Это ее заветная мечта.

Подумав немного, Стюарт сообразил, что знал это. Все разговоры Сьюзен вертелись вокруг их будущей жизни в Лондоне, столичных магазинов, общества и развлечений. Возможно, никакого мужчины не было, и она просто пустилась в приключение, о котором мечтала.

Но если это так, ее нетрудно будет найти. Поскольку Сьюзен не похитили, она, скорее всего, будет осматривать достопримечательности, посещать театры и магазины и, следовательно, вот-вот появится. Возможно, денег у нее немного, и ее можно будет найти, просто ожидая в конторе семейного поверенного. Они могут нанять частного сыщика...

Стюарт решительно остановил себя, осознав, что планирует поиски, хотя Шарлотта вряд ли допустит, чтобы он участвовал.

– Уверен, Сьюзен скоро объявится, – попытался он утешить Шарлотту. – Еще несколько дней – и она осознает глупость своего поступка.

– Несколько дней?

Внезапная ярость вытеснила пустоту в ее глазах.

– Несколько дней! За кого вы меня принимаете? Неужели я буду сидеть и ждать несколько дней? Моя племянница пропала, сбежала. Похищена каким-то лживым, расчетливым негодяем! Как это похоже на мужчин! Сидеть и ждать, ничего не предпринимая.

Шарлотта так стремительно вскочила, что едва не сбила Стюарта с ног.

– Я не буду ждать! Необходимо найти ее!

Стюарт с ужасом представил Шарлотту, в одиночестве осматривающую каждый укромный уголок Лондона. Когда она попыталась проскользнуть мимо, он проворно схватил ее за руку:

– Где собираетесь искать?

Она попыталась освободиться:

– Повсюду!

– Вы безумны! – воскликнул он. – И что вы предпримете? Вломитесь в каждый подозрительный дом? Знаете ли, большинство людей не так расположены по отношению к взломщикам, как я.

– Я не просила вашего совета.

Стюарт стиснул другую руку Шарлотты и вынудил ее взглянуть на него:

– Я не позволю вам бродить по Лондону в одиночестве.

– Вы не имеете права задерживать меня! – прошипела она, вырываясь. – Она моя племянница, и я несу за нее ответственность. Вы не имеете права...

В горле застрял вопль ужаса почти перевесившего унижение от сознания того, как сильно она ошибалась. Господи боже! Что, если бы она его застрелила? Ее бы повесили. Черт, ее в любом случае бы повесили, убей она его, но было бы в тысячу раз хуже узнать, что она убила невинного. Ее бросили бы в тюрьму, и в мире не осталось бы ни одного человека, желавшего разыскать Сьюзен. Ее бедная племянница просто исчезла бы без следа, и всем было бы все равно.

Шарлотта забарабанила в его грудь кулачками, и он снова поймал ее руку. Она опять всхлипнула, еще и еще, и тогда Стюарт обнял ее и прижал к себе.

– Тише, – шептал он. – Не отчаивайтесь. Все не так безнадежно.

– Я должна найти ее... просто не могу ждать... может, ей грозит опасность...

Пойманная в кольцо рук Стюарта, Шарлотта судорожно цеплялась за него.

– Знаю.

Он обнял ее еще крепче, вынуждая стоять на месте.

– Но вы должны оставаться спокойной и рассудительной. Только тогда быстро найдете ее.

Даже сквозь туман паники Шарлотта разглядела, что в его словах есть здравый смысл, и стала дышать глубоко, стараясь прийти в себя.

– Мы найдем ее, – тихо добавил Стюарт. – Клянусь.

Она в изумлении подняла голову:

– Мы?

Он прижался к ее лбу своим.

– Сьюзен не могла уехать далеко. Если немедленно начать поиски, мы имеем большие шансы на успех.

Шарлотта молча уставилась на него. Он предлагает помощь? Стюарт Дрейк предлагает ей помощь? Что заставило его это сделать, особенно после того, как она с ним обращалась?

Шарлотта всматривалась в его лицо, но не видела ничего, кроме искреннего сочувствия. Ее подбородок задрожал: так легко сказать «нет», уйти и никогда больше его не видеть. Но она не могла. Она будет дурой, если откажется от помощи, независимо от того, насколько глубоко будет ранена ее гордость. На карту поставлена жизнь Сьюзен!

– Спасибо, – выдохнула она. Горло саднило от непролитых слез, и Шарлотта сморгнула те, что скопились в глазах.

Стюарт усадил ее на стул и сунул в руку бокал.

– Утром вы все увидите в другом свете. Сегодня вечером вы все равно ничего не сможете сделать. Выпейте.

Шарлотта послушно, как марионетка, кивнула. Она чувствовала себя слишком уставшей, чтобы шевелиться. Пригубила содержимое бокала – превосходное бренди, – и едва заметила, как ушел Дрейк.

Стюарт выскользнул из библиотеки, все еще не понимая, что на него нашло. Почему он это сделал? Должно быть, ему не хватает собственных проблем! Теперь связь между ним и Шарлоттой еще больше окрепнет. Нет, он совсем не против. Наоборот, слишком сильно этого ждет. Но если он хочет получить хоть какой-то шанс найти деньги, чтобы сохранить Оуквуд-парк, ему нужна светлая голова, а эта женщина производит на него прямо противоположное воздействие.

Но Стюарт, как обычно, не сумел придержать язык. Беды Шарлотты терзали его совесть, он чувствовал себя ужасно в роли соблазнителя, пусть его вины в исчезновении Сьюзен и не было. А как только он обнял Шарлотту, совершенно потерял самообладание.

Мать бродила по коридору и бросилась к нему, едва он закрыл за собой дверь:

– Стюарт, что происходит? Ты ни разу не ответил на мои письма. Я так волновалась из-за того, каким образом ты ушел из дома, а теперь ты появляешься неизвестно откуда, с итальянкой...

– Она англичанка, – перебил Стюарт. – Это ее муж итальянец. Она вне себя из-за исчезновения племянницы.

– Ах, бедняжка! Но...

Она осеклась, увидев направлявшегося к ним Теренса. Сейчас он волочил ногу сильнее

обычного. Стюарт так и не узнал, как именно отец получил увечье, но когда Теренс был рассержен или расстроен, хромота становилась заметнее. Сейчас он едва ковылял.

– Послушай! – прогремел он. – Ты знаешь, что я скажу! Забирай свою женщину и проваливай, пока я не велел вышвырнуть вас!

– Она не моя женщина.

Жаль, что он позволил Шарлотте привезти его сюда. В тот момент ему казалось, что ей пойдет только на пользу, если она получит столь грандиозную отповедь. Но теперь ему было не по себе.

– Нам больше некуда идти.

– Конечно, ты был прав, приехав сюда, – решительно вмешалась Амелия Дрейк, бросив укоризненный взгляд на Теренса. – И вы должны остаться. Девушку увез авантюрист, дорогой Стюарт?

– Думаю, да. У молодой леди большое наследство.

– Вы не останетесь здесь! – объявил Теренс.

– Что ж, раз ты так хочешь, я здесь не останусь, – ответил Стюарт с деланным изумлением, прежде чем мать успела ответить.

Они страшно поссорились в ту ночь, когда Теренс его изгнал, и мать долго плакала. Самое малое, что он мог для нее сделать, – не доставлять ей неприятностей.

Теренс гневно уставился на него, после чего повернулся и заковылял прочь. Амелия, беспомощно жестикулируя и то и дело пытаясь его коснуться, проводила Стюарта до двери. Она разгладила его рукав, провела ладонью по плечу.

– Позаботься о ней, мама. Я приеду завтра. – Напоследок сын ее поцеловал.

– Она так важна для тебя? Конечно, я бы в любом случае помогла ей, но ты никогда... Понимаю, это не мое дело, но она...

Она смотрела на него с тревогой и надеждой.

Стюарт сам не знал, кто для него Шарлотта. Не мог же он сказать матери, что при каждой встрече думает только о том, чтобы затащить ее в постель, но никаких отношений у них нет.

– Я пообещал помочь ей, только и всего.

– Ну, разумеется, обещал, – вздохнула Амелия. – Стюарт... твой отец волнуется за тебя. Он места себе не находил последние несколько недель, и я хотела, чтобы ты это знал...

– Не беспокойся. Я знаю.

Стюарт подмигнул ей и взял свое пальто и шляпу у дворецкого.

– Я скучал по тебе, мама.

Лицо Амелии просветлело:

– Сынок, я так рада, что ты дома! – улыбнулась она.

– Спокойной ночи, мама.

Стюарт оставил мать у дверей и сбежал с крыльца. Но тут же остановился, пытаясь обдумать, что делать дальше. С Шарлоттой все будет хорошо: о ней позаботится мать. Но куда пойдет он сам? У него нет денег. И никаких возможностей получить что-то от отца. По крайней мере, сегодня вечером. Его план смириться и униженно просить дать ему еще один шанс провалился из-за Шарлотты и ее пистолета. Его сундук, как и саквояж Шарлотты, остался в доме, а экипаж уехал.

Подняв воротник для защиты от холодного тумана, Стюарт повернулся и пошел по тротуару. Двадцать минут спустя он поднялся по ступенькам внушительного особняка на Мэйфере. Позвонил и подождал, пока лакей откроет дверь.

– Добрый вечер. Уэр дома?

Лакей поклонился и взял его карточку. Стюарт ждал в огромном, похожем на пещеру холле,

забавляясь пересчитыванием доспехов. Непонятно, как Уэр может жить в этой гробнице!

– Дрейк!

Стюарт поднял голову. Герцог Уэр спускался по лестнице.

– Какой дьявол привел вас в город?

– Обычный, – ухмыльнулся Стюарт. – Женщина.

Герцог вскинул брови:

– В самом деле? Я думал, именно по этой причине вы уехали.

Стюарт пожал плечами:

– Другая женщина.

– Вот как! Заходите. Я только что избавился на ночь от Перси. Как насчет партии в карты?

– Нет, спасибо, – отказался Стюарт. – В настоящий момент я не могу поставить даже пенни.

Он последовал за другом по лестнице в роскошный кабинет. В камине весело потрескивал огонь, на письменном столе, опасно покачиваясь на огромной горе бумаг, стоял поднос с остатками ужина. Секретарь, должно быть, только что ушел, но Уэр еще не закончил работу.

Герцог подошел к шкафчику и налил виски в бокалы. Стюарт подошел к огню и стал согревать руки.

– Какого рода женщина на этот раз?

Уэр подал ему бокал и показал на стулья перед огнем.

Стюарт сделал большой глоток и блаженно прикрыл глаза. Давно уже он не пил такого хорошего виски.

– Необычного. Но уверяю, это слишком долгая история, особенно для сегодняшнего вечера.

– Понятно.

– Сомневаюсь. Я выступаю сразу в двух ролях: злодея и рыцаря.

– В самом деле? – обронил Уэр, пригубив виски.

Черт возьми, когда этот человек стал таким чертовски выдержанным? Джек Линдевилл когда-то слыл самым повесой в Лондоне, в этом вопросе он оставил позади даже Стюарта. Но за последние годы он стал загадкой, и Стюарт опасался, что совершил ошибку, придя сюда.

– Я зашел спросить: Филипп все еще в Вене? – начал Стюарт. – Он разрешил мне пожить в его доме, если понадобится. Похоже, мне понадобилось.

– Филипп уже не в Вене. Если я верно припоминаю, он во Флоренции, а может, в Риме. Я не осведомлен о его точных планах. И разумеется, вы можете жить в его доме или остаться здесь, если необходимо.

Это предложение, пусть и доброжелательное, было невозможно принять. Уэр игнорировал сплетни, в отличие от герцогини. Стюарт знал, что он нежеланный гость в ее доме.

– Не хотелось бы вам мешать. Дом Филиппа по-прежнему на Черри-лейн?

– Да. Там нет слуг. Он заперт уже четыре месяца, с того дня как Филипп уехал. Уверены, что не хотите подождать до завтра, пока в доме не проветрят и не уберут?

– Нет, лучше сегодня вечером. Пыль мне не страшна.

Уэр на секунду встретился с ним взглядом, но тут же встал и направился к письменному столу, в ящиках которого принялся искать ключ.

Стюарт вдруг задался вопросом, не одиноко ли Уэру в его мавзолее, в обществе одной лишь матери и письменного стола, заваленного работой. Раньше он спросил бы. Но не сейчас.

– Большое спасибо, Уэр.

– Ваши финансовые обстоятельства не улучшились?

Вопрос герцога настиг Стюарта, когда он подошел к двери. Его пальцы судорожно сжали ключ:

– Боюсь, что нет. Пока нет.

– Вот как.

Уэр поколебался.

– Вчера ко мне заезжал Баркли.

Сердце Стюарта упало. Баркли был банкиром как Уэра, так и самого Стюарта. Должно быть, он наконец услышал о действиях Теренса. Стюарт со страхом ждал.

– Он не смог связаться с вами, – продолжал герцог, не дождавшись ответа. – Баркли слышал о ваших затруднениях.

Стюарт обреченно прикрыл глаза. Если Баркли знает, что у него нет шансов вернуть долг или заплатить по закладной на Оуквуд-парк, он уже потерял поместье.

– Я сказал ему, что поручусь за вас, – проговорил Уэр.

От изумления Стюарт вытаращил глаза. И встретил прямой взгляд Уэра.

– Вам всего лишь нужно время. Вы еще никогда не нарушали обещаний.

Стюарт судорожно сглотнул и кивнул.

– И в этот раз не нарушу. Спасибо.

На мгновение губы Уэра изогнулись в прежней улыбке. Он наклонил голову, чтобы это скрыть.

Стюарт ушел и прошагал несколько улиц, пока не добрался до Черри-лейн, где жил лорд Филипп Линдевилл. Филипп называл это место своей квартирой, но для Стюарта это был дом, только чуть поменьше, чем у родителей.

Он вошел и несколько не удивился тому, что дом безупречно чист. Слуги Уэра убирали даже пустой дом. У богатых свои причуды.

Стюарт разделся в просторной спальне и упал на кровать. Он почти ничего не ел сегодня и должен был проголодаться, но аппетита не было.

Стюарт надеялся, что Баркли не узнает о его бедах. До следующей выплаты оставалось несколько недель, а Стюарт твердо верил, что за это время обязательно случится что-то такое, что позволит ему расплатиться. Пока ничего не произошло, даже намеков не было на поступление денег, но благодаря Уэру от него не потребуют немедленной выплаты. Как бы он ни был благодарен другу, все же он жалел, что не выпутался из этого переплета самостоятельно.

А Шарлотта?

Глядя в потолок, Стюарт вздохнул. Что ему делать с Шарлоттой? Помочь ей разыскать пропавшую племянницу? Это только усложнит его положение. Но он по-прежнему чувствовал тяжесть ее обмякшего тела в своих объятиях, все еще видел выражение ее лица.

Он никогда не предполагал, что она может выглядеть такой беззащитной.

Стюарт попытался припомнить, что говорила Сьюзен о тете. Но тогда он обращал внимание совершенно не на то, что было теперь так важно. Шарлотта не старая, не морщинистая, не наделена каменным сердцем. Когда речь шла о Сьюзен, глупой избалованной девчонке, она была так же свирепая, как мама-кошка. Ему следует поблагодарить Шарлотту за то, что помешала ему жениться на Сьюзен.

Это было его последней мыслью, перед тем как он погрузился в сон.

Единственное доброе дело, которое она для него сделала. И речи не может быть о том, чтобы позволить ей заниматься поисками племянницы в одиночку.

Наутро Шарлотта проснулась, чувствуя себя одновременно и лучше, и хуже. События предыдущего вечера словно заволокло густой дымкой, и она не слишком хорошо помнила, что случилось после того, как они добрались до Лондона. Единственным фактом, который она осознавала с болезненной ясностью, было то, что она совершила величайшую ошибку. Предположив, что Стюарт – виновник исчезновения Сьюзен, она потеряла драгоценное время и

возможность проверить другие версии. А сейчас может быть слишком поздно. Было так легко поверить, что Сьюзен сбежала со Стюартом Дрейком!

Представить только, что она очутилась в доме его родителей и не имеет никакого понятия, откуда начать поиски племянницы! Ее саквояж стоял у изножья кровати, и Шарлотта открыла его. Сердце упало при виде вызывающе яркой одежды, которую сложила в саквояж Лючия. Вряд ли уместно спуститься к завтраку в красном шелке и бриллиантах.

Она со вздохом потянулась к вчерашнему платью цвета бронзы, аккуратно повешенному на спинку стула. Придется обойтись им, пока Лючия не пришлет другую одежду.

Шарлотта оделась и причесалась, жалея, что Лючия не прислала ей косметику. Неплохо было бы воспользоваться пудрой, чтобы скрыть темные круги под глазами и бледность щек.

Она открыла дверь и отправилась искать хозяина.

Дом был элегантно обставлен: сразу видно, что он принадлежит богачам. Этот дом очень напоминал отцовский, но она не знала, хорошо это или плохо. Чем больше свидетельств богатства она замечала, тем сильнее удивлялась, почему у Стюарта нет денег. Шарлотта верила сплетникам, утверждавшим, что он испытывал терпение отца до того момента, когда у бедняги не осталось иного выхода, кроме как выгнать никчемного сына. Судя по тому, как они общались вчера вечером, дело обстояло еще хуже. И Стюарт казался теперь не таким, как раньше... «Так кто же он на самом деле: аморальный распутник, соблазняющий молодых девушек, настолько мерзкий, что даже отец от него отрекся, или джентльмен, предложивший помочь ей даже после того, как она едва его не пристрелила?»

Шарлотта не могла ответить себе на этот вопрос.

Горничная показала ей комнату для завтраков, находящуюся в глубине холла, за столовой. Шарлотта уже собиралась войти, но услышала громкие голоса и помедлила. Она не хотела вторгаться в комнату, где ссорились люди.

– Только не в моем доме! – раздался резкий мужской голос. Шарлотта представила суровое, потемневшее от гнева лицо Теренса Дрейка и едва не повернула обратно.

– Но, Теренс, ты сам не знаешь, что говоришь, – возразил женский голос. Вероятно, это мать Стюарта. В отличие от мужа она казалась спокойной, даже довольной.

– Он не смеет приводить в дом незнакомых женщин! Она может быть кем угодно: его любовницей, его шлюхой или просто доверчивой дурочкой, которая поверила его лживым речам и влюбилась. Я этого не допущу.

Она не войдет в эту комнату. Сложит вещи и уйдет. Дворецкий назовет ей адрес отеля.

Лицо Шарлотты горело от унижения. О ней судачат за ее спиной! Что сказал им Стюарт и почему его отец так взбесился?

Полная решимости оставить всех Дрейков и никогда с ними не видеться, Шарлотта отступила. Но тут раздался еще один голос, и она замерла.

– Она не моя шлюха, – отчеканил Стюарт. – Эта женщина – вдова и опекает своевольную племянницу, которая сбежала с негодяем, а я галантно предложил ей помощь. Уверю тебя, отец, что она так же полна отвращения к моим недостаткам, как и ты, и была бы крайне возмущена, услышав, как ты обвиняешь ее в связи со мной.

– Всякого, кого видят рядом с тобой, стоит подозревать, – прорычал Теренс, а Шарлотта только сейчас сообразила, что ее рот широко открыт. Неужели отец Стюарта ненавидит сына? И почему Стюарт защищает ее?

Не желая оставлять его без поддержки в обществе настолько враждебно к нему настроенного Теренса, она развернулась и зашагала в столовую.

– Доброе утро, – громко произнесла Шарлотта. Прежде чем заняться своим завтраком, мистер Дрейк злобно глянул на нее. Миссис Дрейк ответила ей сияющей улыбкой. Стюарт уже

шел навстречу ей.

– Доброе утро, – приветствовал он, коротко поклонившись, и, пока родители не видели, наскоро легонько пожал ей руку. – Хорошо спали?

– Да, спасибо.

Полная решимости ничем не обнаружить их несогласия, Шарлотта улыбнулась. И это, похоже, застало его врасплох. Он удивленно моргнул и проводил ее к столу. Шарлотта обратилась к хозяйке, глаза которой с любопытством перебежали с нее на Стюарта и обратно.

– Спасибо, миссис Дрейк, за ваше любезное гостеприимство. Вчера я не владела собой.

– Естественно! – Амелия взмахнула рукой. – Как это ужасно для вас! Прошу, оставайтесь с нами, пока не найдете свою бедную племянницу.

– Спасибо, но не хотелось бы вас обременять. Возможно, вы сумеете найти для меня гостиницу...

– Конечно, нет! – провозгласила Амелия. – Вы должны остаться здесь. Я настаиваю. Стюарт, помоги мне убедить графиню.

– Леди Гриффolino вполне способна сама принимать решения.

Стюарт поставил перед ней тарелку и выразительно посмотрел на мать.

Взволнованная тем, что он ухаживает за ней, Шарлотта подняла взгляд и окунулась в синеву его глаз.

– У вас не появилось догадок, куда могла уехать Сьюзен?

– Нет, я...

– Но, леди Гриффolino, – чересчур энергично вмешалась Амелия, – вы просто обязаны остаться! В отеле так неуютно! А здесь вы почувствуете себя членом семьи.

Шарлотта заметила, что мистер Дрейк уставился на нее с такой злобой, словно она была ожившей Иезавелью. Вряд ли она сможет почувствовать себя членом семьи.

Стюарт сел рядом с ней и продолжил есть, очевидно, ничуть не задетый враждебностью отца. Если его это не беспокоит, почему должно беспокоить ее?

– Совсем необязательно приглашать меня в дом, – пробормотала она ему.

– Он не будет здесь жить, – отрезал Теренс.

На щеке Стюарта дернулся мускул, и мать поспешно пояснила:

– Стюарт живет здесь, только если нет иного выхода. Да мы несколько лет не видели его за завтраком! Какое это удовольствие – видеть в доме двух молодых людей!

Стюарт отодвинул стул:

– Нужно немедленно связаться с вашими поверенными, – принялся наставлять он Шарлотту. – Сьюзен может обратиться к ним за деньгами.

Шарлотта кивнула, хотя еще ничего не съела. Он рывком отодвинул ее стул и поспешил проводить к двери, остановившись только, чтобы накинуть плащ ей на плечи и подать шляпку.

Оказавшись на улице, он, похоже, расслабился, замедлил шаг и крепко сжал ее локоть. Шарлотта поняла, что он намерен идти пешком.

– Мы можем перекусить, если вы голодны. Я не хотел лишать вас завтрака.

– Пожалуйста, остановитесь, – попросила Шарлотта. Он послушался, но не выпустил ее руки.

– С вашей стороны очень любезно и благородно предложить содействие, но я пойму... то есть не буду настаивать, чтобы вы сдержали обещание. Я была... несправедлива и не намеревалась выпрашивать помощь...

– Вы ничего не выпрашивали. Я предложил искренне. – Он потянулся к ней и заправил под шляпку выбившийся локон. – Я уже справлялся о частном сыщике. Могу дать его адрес, если хотите. Но я с радостью помогу вам.

Она с изумлением уставилась на него:

– Но почему?

Его губы изогнула легкая улыбка.

– Скажем так: я пытаюсь искупить свою вину. А если ничего не выйдет, у вас на этот случай есть пистолет. Перемирие?

Она подумала о перспективе разыскивать Сьюзен в одиночестве в незнакомом городе и о том, что не с кем будет даже поговорить, поскольку поиски нужно вести втайне, чтобы не повредить репутации племянницы.

Рука Стюарта так крепко и уверенно сжимала ее локоть... и это утешало. Ее решимость освободить его от обещания заметно ослабела.

– Перемирие, – согласилась Шарлотта.

Его пальцы на секунду сжались.

– Прекрасно, – выдохнул он, коротко и почти неловко рассмеявшись.

– Спасибо. Я хочу помочь. – И откашлявшись, спросил: – Пойдем?

Шарлотта кивнула и на этот раз взяла его под руку. Она сама чувствовала себя неловко, принимая благодарность от человека, которого вчера держала под прицелом. Ему следовало сердиться на нее, пытаться отомстить или хотя бы злорадствовать, как сделала бы она на его месте. Но вместо этого он предложил помощь. Настоял на том, чтобы вместе искать Сьюзен. Это снова меняло ее представление о нем. Неужели она с самого начала была не права?

Новостей не было целую неделю. Същик, мистер Питни, не смог получить никаких сведений о местонахождении Сьюзен. Стюарт послал в Кент своего камердинера Бентона, но тот тоже не сумел ничего обнаружить. Лючия писала на почти неразборчивом итальянском, что новостей нет, если не считать того, что молодой англичанин перешел от чтения стихов в библиотеке к приглашению отвести ее в кондитерскую.

«Он двигается со скоростью улитки, – жаловалась она. – Итальянец уже соблазнил бы меня. Но не стоит унывать. Он милый мальчик, и когда наконец начнет действовать, я буду готова, более чем готова. О Сьюзен, я ничего не слышала, зато в городе только и говорят, что о тебе. Ты в самом деле стала любовницей мистера Дрейка? Что за игру ты ведешь? Позволяешь мне думать, будто ненавидишь его, а сама всегда хотела его для себя! Естественно, я не осуждаю твой вкус, и если ты когда-нибудь посчитаешь, что он чересчур стар (последнее слово она подчеркнула дважды), буду счастлива его утешить. Англичанам требуется больше времени, чтобы изучить искусство любви. Мой юный поэт нуждается в руководстве...»

– Есть новости?

Шарлотта подскочила, услышав голос входившего в комнату Стюарта. Пытаясь не думать о том, что только что прочитала, наскоро сложила письмо Лючии.

– Лючия начала распаковывать ящики, – сказала она. – Дом стал похож на итальянскую виллу.

Стюарт уселся на стул напротив ее дивана.

– Вы так и не поймали грабителя?

Шарлотта покачала головой.

– Лючия надеется, что сможет его схватить, когда расставит все вещи и будет ждать по ночам с пистолетом. Но грабитель не возвращался.

– Нет? – Стюарт задумчиво покачал головой и улыбнулся: – Слава богу, я в Лондоне. Вижу, Уитли очень занят.

– Уитли?

Улыбка Стюарта стала коварной:

– Ангус Уитли ухаживает за вашей подругой, разве вы не знали?

Шарлотта в удивлении глянула на письмо:

– Понятия не имела, что вы знакомы.

Стюарт кивнул:

– Уитли приехал в Кент, чтобы составить мне компанию, но я думал, что он не продержится и месяца.

– Лючия тоже так думала, – пробормотала Шарлотта. – Сколько лет мистеру Уитли?

Брови Стюарта изогнулись.

– По-моему, двадцать девять. А в чем дело?

– Лючия считает, что самые лучшие мужчины – те, которым не исполнилось тридцати, – усмехнулась Шарлотта.

На лице Стюарта появилась многострадальное выражение.

– Я пришел предложить новый способ поисков, – заявил он, меняя тему. – Питни не сумел ничего обнаружить, а прошло уже шесть дней. Если вы все еще уверены, что Сьюзен направилась в Лондон, думаю, нам следует попробовать что-то другое.

– Что? – вскинулась Шарлотта, отложив письмо. – Я по-прежнему уверена, что Лондон именно то место, куда она стремилась, и сюда она, скорее всего, поехала бы с кем угодно.

– Да, это вполне возможно, – согласился Стюарт. – Если в следующие несколько дней мы не найдем никаких следов, придется подумать о других городах. Но пока что Лондон – наша главная надежда.

Шарлотта кивнула, выжидающе наблюдая за ним. Стюарт сжал руки и набрал в грудь воздуха:

– Думаю, вам следует показываться в обществе.

– Вы это серьезно? – ахнула она. – Не может быть! Я здесь не для того, чтобы любоваться достопримечательностями и танцевать до рассвета. Пока Сьюзен не вернется, я не смогу наслаждаться...

– Не для вашего наслаждения, – перебил Стюарт, ожидавший такой реакции. – Хотя вам это не повредит. Нельзя целыми днями беспокоиться и тревожиться, это вряд ли пойдет вам на пользу. Но есть две серьезные причины, по которым это может помочь нашим розыскам. Первая – сплетни. Вдруг вы услышите что-то нужное нам? В Лондоне рано или поздно все слышат обо всех, и вы сумеете найти полезное зерно даже в слухах, поскольку знаете Сьюзен лучше всех.

– Я вовсе не знаю Сьюзен так уж хорошо, – призналась Шарлотта, опустив глаза. – Знай я ее, ничего этого не случилось бы.

– Вздор, Шарлотта! Это не ваша вина.

Шарлотта кивнула, но не подняла глаз.

– Другая причина сложнее, – продолжил Стюарт, тщательно выбирая слова. – Я много думал о том, каким образом она исчезла. Что за человек способен убедить девушку бежать с ней. Должно быть, очень обаятельный. Молодые девушки вряд ли думают о финансовом положении мужчины, но обращают внимание на его лицо и манеры.

Шарлотта ответила мрачным взглядом, и Стюарт запоздало сообразил, что только что описал свои отношения с Сьюзен, и поэтому поспешил объяснить:

– Но мы понятия не имеем, кем он может оказаться. Вы уверены, что дома у нее не было поклонников?

Шарлотта покачала головой.

– Значит, она встретила его в Танбридж-Уэллсе. Интуиция подсказывает, что ей польстит интерес мужчины, который многое о ней знает и при этом утверждает, будто влюблен. Таинственный незнакомец, обаятельный и красивый, который появляется внезапно и кружит ей голову словами любви.

– Или рассказами о приключениях, – добавила Шарлотта. – Сьюзен жаждала приключений. Ее отец был ученым и растил ее в уединении. Подозреваю, что со мной она надеялась вести более веселую жизнь.

– Верно, – кивнул Стюарт. – Он ухаживал за ней со всеми театральными приемами, независимо от того, знала она его или нет. И она была сердита на вас, так что убедить ее было легко. Если он предложил ей романтику и приключения, она могла принять предложение, повинувшись порыву.

– Да, – сказала Шарлотта, немного подумав. – Именно повинувшись порыву. Это в духе Сьюзен.

– Сколько вы прожили в Танбридж-Уэллсе?

– Месяц. Я вернулась из Италии в конце весны и забрала ее из Хонифилда, поместья Джорджа. Хотела подождать год до восемнадцатилетия Сьюзен и провести сезон в Лондоне. Поэтому мы отправились в Кент.

– Я познакомился с ней за две недели до вашего приезда. Значит, остается неделя, – высчитывал Стюарт. – Поскольку она была все еще... привязана ко мне, по крайней мере в ночь накануне исчезновения, вряд ли она общалась еще с кем-то.

– Но кто ее увез? – Шарлотта вскочила и забежала по комнате. – Слуги не видели, чтобы она уделяла внимание кому-то, кроме вас.

– Почему вы приказали слугам шпионить за ней? – неожиданно спросил Стюарт.

Она поджала губы и слегка нахмурилась:

– Хотела защитить ее. У меня все еще оставались дела в Лондоне, как мои, так и самой Сьюзен. Речь шла о поместье Джорджа, и я беспокоилась, что могу упустить нечто важное. Поэтому слуги докладывали мне о ее здоровье и так далее, а главное, не стала ли она жертвой охотников за приданым.

– Понимаю, – пробормотал он.

Шарлотта нахмурилась сильнее:

– Они рассказали мне о вас, как и Сьюзен, только по-своему.

– И вы поспешили вернуться, чтобы положить конец моим притязаниям?

«Интересно», – подумал Стюарт, подавшись вперед.

– В городе о вас не говорили ничего хорошего, – отпарировала Шарлотта. – Обольщение женщин, гонки экипажей, игра в карты и пьянство...

– Я пятно на теле человечества, – согласился он, – но не намного хуже остальных мужчин. Полагаю, именно это вы рассказали леди Килдер?

– Я всего лишь хотела, чтобы вы убрались из города, – пробормотала она, избегая ответа. – Была уверена, что ваш внезапный отъезд убедит Сьюзен в том, что она совершила ошибку.

– Неужели я действительно такой скверный человек?

– Вы ошиблись со Сьюзен, – сухо произнесла Шарлотта, повернувшись к нему спиной. – Но, возможно, я чересчур сильно отреагировала.

– Что же...

Стюарт понял, что большего не добьется. Она не хотела признавать даже это.

– Пожалуй, я зазнаюсь от такой похвалы. Вернемся к вопросу о возвращении вашей племянницы.

– Очаровательный, дерзкий мужчина, – выпалила Шарлотта. – Незнакомый или немного знакомый Сьюзен. Не может это быть тот, кому она доверяет?

– В городе был такой человек?

– Нет.

Ее плечи опустились.

– Такого, кто исчез одновременно с ней, нет.

– В таком случае каков его мотив? Почему он завел с ней роман?

– Ее состояние, конечно.

– Но она несовершеннолетняя. И вы еще несколько лет будете управлять ее деньгами. – Стюарт подвинулся к краю дивана. – Значит, либо у него есть свои деньги, на которые они смогут жить, пока Сьюзен не вступит в права наследования, либо он надеется убедить вас, представив Сьюзен как свою жену, которая уже беременна.

Шарлотта содрогнулась.

– О, возможна и совершенно иная причина, – продолжил Стюарт, пристально наблюдая за ней. – Вор хотел похитить что-то из вашего дома.

Шарлотта побледнела.

– Не думаете же вы, что вор хотел Сьюзен?

Стюарт покачал головой.

– Нет. Он копался в ящиках. Если бы вор хотел только ее, к чему трудиться? Ему нужно что-то определенное. Очень нужно.

Стюарт машинально прикрыл пораненную руку, которая все еще болела.

– Но в ящиках только коллекция предметов искусства, завещанная мне Пьетро, – пояснила Шарлотта. – Не может быть, что вору понадобилось что-то из этих вещей.

– Но почему? – удивился Стюарт.

Шарлотта отвернулась.

– Он заглянул в каждый ящик и ничего не взял. Если бы хотел что-то, приехавшее из Италии, уже унес бы.

– Возможно, он считает, что вы это спрятали, – медленно выговорил Стюарт. – И вообразил, будто Сьюзен сумеет помочь ему добыть это что-то.

– Почему Сьюзен, а не я? Почему было не послать записку с требованием выкупа? Зачем сбегать с ней? Почему бы не ухаживать за ней в Кенте, рядом с предметом его желания, пока не получит то, к чему так стремится?

Шарлотта снова зашагала по комнате, чувствуя, как натянулись ее нервы.

– Не могу поверить! Не доверилась бы она незнакомцу. Неужели она настолько глупа...

– Прекратите.

Стюарт осторожно взял ее за руки и встряхнул.

– Мы ничего не знаем наверняка. Только предполагаем. Пока мы не найдем Сьюзен, нельзя отвергать ни одной возможности, какой бы неприятной эта возможность ни казалась.

Шарлотта с трудом сглотнула:

– Конечно, нет. Я только... – Она покачала головой. – Чувствую, что сойду с ума от неизвестности.

– Знаю.

На какой-то момент Шарлотте показалось, что он обнимет ее, позволит положить голову на его плечо. Как получилось, что за эти дни она привыкла полагаться на него? Когда задача отыскать племянницу в этом огромном городе казалась ей невыполнимой и невозможной, Стюарт сумел найти сыщика, отправил своего камердинера на поиски, задавал вопросы и учитывал возможности, о которых Шарлотта никогда бы не подумала. И хотя он перечислял ей эти возможности, высказывал свои мысли и давал советы, все же все решения он позволял принимать ей. Честно говоря, она не могла и мечтать о лучшем помощнике.

Но он отпустил ее, и она, стараясь скрыть разочарование, отступила.

– Если Сьюзен похитил грабитель, значит, он это сделал, чтобы заставить вас страдать, – заметил Стюарт. – А если вы сделаете вид, будто ничуть не расстроены, он может себя выдать.

Шарлотта поколебалась. Если вор и похититель – одно и то же лицо, слова Стюарта имели смысл. Но она не могла в это поверить. Грабителю нужно что-то, прибывшее из Италии. Сьюзен не могла знать, что именно, и не имела к Италии никакого отношения. Тот факт, что проникновения в дом прекратились вместе с исчезновением племянницы, мог быть простым совпадением. Скорее всего, вора отпугнула встреча со Стюартом.

Словно прочитав ее мысли, Дрейк добавил:

– А если Сьюзен просто сбежала с молодым человеком или одна, она может услышать о том, что вы ее ищите, и прийти.

Губы Шарлотты искривились в горькой улыбке. Да, ревность может выманить Сьюзен из укрытия. В конце концов, именно ревность заставила ее спрятаться. Шарлотта сказала Стюарту, что сделает все, лишь бы вернуть племянницу, и он поймал ее на слове. При одной мысли о том, чтобы появиться в лондонском обществе, Шарлотте становилось дурно. Она жила скандальной жизнью и признавала это. Порядочные дамы не путешествуют по Европе в одиночку или с любовниками. Ее муж был стариком, и никто не сомневался, что она вышла за него ради денег. Если люди пронюхают о ее прошлом, она будет уничтожена, погублена, и неважно, что сейчас она живет крайне скромно. Но что все это значит по сравнению с безопасностью Сьюзен?

– Что вы предлагаете? – пробормотала она. И услышала, как громко выдохнул Стюарт. Его руки легли на ее плечи.

– Вечер в самом оживленном месте. В опере или театре.

Шарлотта задумалась. Если она должна это сделать, пусть все будет в истинно итальянском стиле.

– В опере.

Этим вечером Стюарт приехал рано. Он твердо верил во все, что сказал Шарлотте сегодня днем, и готов был поставить на кон любые деньги, что его идея окажется удачной. Люди Питни обыскивали зланные места и неблагополучные районы Лондона, побывали в Лувре и нескольких других портах и даже добрались до Гретна-Грин, куда со всей Англии съезжались парочки, желающие обвенчаться. Но поиски пока что ничего не дали. Либо Сьюзен поддалась на уговоры настоящего поклонника, который спрятал ее в каком-то любовном гнездышке, либо в ее исчезновении повинен таинственный грабитель. Совпадение уж слишком явное: грабитель перестал являться в то же время, когда пропала племянница Шарлотты.

Во всем, что касалось Шарлотты, Стюарт никак не мог оставаться спокойным. Еще одна причина, по которой он вызвался ее сопровождать, была более эгоистичной, и ему не хотелось признаваться в этом даже себе. Ему не нравилось видеть ее встревоженной и напряженной, терзаемой угрызениями совести из-за того, что, как он считал, совершенно не было ее виной. Он хотел, чтобы она снова смеялась и улыбалась, стала той женщиной, которая его очаровала. Наблюдая ее безмолвные страдания, он испытывал к ней нечто большее, чем обычное вожделение. Она была прямой, честной, искренней, и ему нравилось ее едкое остроумие... когда оно не было направлено на него. Впрочем, нужно сказать, что и в этом случае Стюарт восхищался им. Эта женщина ни в чем не уступала ни на йоту, но и не просила ничего, и Стюарт это уважал.

Он, естественно, подавлял свои плотские желания. Что ни говори, а она в страшной беде, и обещал ей помочь. Сейчас Шарлотта беззащитна, и он не мог воспользоваться ее уязвимостью. В конце концов, не такой уж он негодяй. Просто хочет, чтобы она улыбнулась. А цель сегодняшнего вечера – найти Сьюзен. У него не было плана, намерения, идеи или хотя бы желания обольстить Шарлотту. Ничего подобного.

– Ну как, сойдет?

Он повернулся и увидел, как она спускается по лестнице.

– Вы велели одеться как можно наряднее.

Стюарт молча смотрел на нее. Шарлотта надела обтягивающее красное шелковое платье, юбка которого покачивалась при каждом шаге. На ее шее висели жемчужные нити, спускавшиеся в обнаженную низким вырезом ложбинку между грудями. Темные локоны были собраны наверх в искусном беспорядке и перевиты жемчугом. Она остановилась перед ним, поправляя длинные белые перчатки.

– Мистер Дрейк, – упрекнула Шарлотта, насмешливо улыбаясь, – вы на меня глазеете.

Стюарт быстро заморгал:

– Правда? Как ужасно грубо с моей стороны!

– Полагаю, мне следует вас простить, поскольку желаемый эффект достигнут. Мы хотим, чтобы все нас заметили, верно?

– Вас заметят в любом случае.

По мнению Стюарта, это был призыв к оружию. Он не негодяй, но и не монах, и она это знала. Да, это он предложил сегодня выйти в свет, и он посоветовал ей одеться элегантно, но любая женщина сделала бы это, не став столь... обворожительной. А может, дело не в этом.

Стюарт стал потихоньку сознавать свою необычайную слабость именно к этой женщине.

Он заботливо накиннул ей на плечи бархатный плащ, в ответ она загадочно улыбнулась, чем подтвердила его ожидания. Игра это его воображения или нет, но вечер, кажется, многое обещает.

Стюарт получил приглашение в ложу герцога Уэра – одну из лучших в Королевской опере. Он сказал Шарлотте, что уже говорил с герцогом об их надеждах на сегодняшний вечер и, когда они приехали в оперу, повел ее прямо в ложу, где Шарлотта без колебаний заняла переднее место. И даже подвинула кресло ближе к перилам, чтобы лучше видеть зал и демонстрировать всем наблюдателям свою великолепную грудь. К тому времени, как Стюарт сел рядом, она уже взяла театральный бинокль и рассматривала зрителей.

– Как считаете, где он может быть?

Стюарт подался вперед и взял у нее бинокль:

– Ему необязательно приходиться сюда, хотя для нас это было бы крайне удобно. Нужно, чтобы сплетники видели нас, и они увидят.

Шарлотта выхватила у него бинокль:

– Так вы не думаете, что он может прийти?

– Почему же, вполне может. Все, что нам нужно, – дать знать о вашем присутствии в городе.

Шарлотта раздраженно нахмурилась.

– Поймите, вероятность, что он придет, велика. Но как, черт возьми, мы его узнаем?

Шарлотта повернулась к нему спиной и снова поднесла к глазам бинокль. Возможно, она сделала ошибку, выбрав оперу. Сначала следовало бы подумать, что предпочтет похититель.

И все же люди их замечали. Она увидела двух женщин, склонивших друг к другу головы и прикрывших рты веерами. Время от времени они поглядывали на нее. В другой ложе сидели мужчина и женщина. Мужчина откинулся на спинку кресла, наблюдая за ней из-под тяжелых век, пока женщина что-то говорила ему на ухо. Он тоже не сводил глаз с Шарлотты.

Да и другие посетители рассматривали ее, некоторые с живым любопытством, некоторые с презрением. Шарлотта прекрасно сознавала, как выглядит, но напомнила себе, что хочет пробудить в них интерес, и неважно, доброжелательный или нет.

Она положила бинокль на колени:

– Что будем делать?

– Надеюсь, наслаждаться оперой.

Стюарт сидел очень близко к ней.

– Вы так любите оперу?

– Вполне вероятно. Я здесь впервые.

Шарлотта едва не упала с кресла:

– Вы никогда не слышали оперу?

Он оглядел толпу в партере.

– Если честно, то да. Не у всех имеется такая тяга к культуре, как у вас, дорогая.

– Но здание оперы стоит в центре Лондона, – сухо заметила Шарлотта. – И насколько мне известно, стояло тут много лет.

– Неужели? – спросил он с деланным изумлением. – Поразительно!

Шарлотта недоверчиво покачала головой:

– Какие же развлечения вы предпочитаете?

Стюарт ответил улыбкой, такой ангельской, что выглядело это довольно непристойно. Она вскинула руку:

– О, нет, я не хочу знать. Пожалуйста, не отвечайте.

– Как пожелаете. Я всегда предпочитал быть человеком действия, а не слов.

Его голос понизился до тихого рокота. Синие глаза сверкали.

Шарлотта оцепенела. Эта фраза заставила ее сгорать от желания. Если так на нее влияют простые слова, сохрани ее боже от любых действий!

Она принялась болтать, только чтобы удержать его от каких-либо поступков.

– Впервые я слушала оперу в Венеции. Зал был переполнен зрителями. Туда приходили люди всех классов. Я была уверена, что публика не обращает внимания на происходящее на сцене, пока кто-то на ней не запоет, и почти не ошибалась. Но когда примадонна вышла на сцену, зал замер. Я никогда раньше не слышала, чтобы кто-то так прекрасно пел. Она заставляла публику плакать с ней, смеяться с ней и любить всем сердцем. В тот вечер я мечтала только об одном: услышать и увидеть больше, и отныне не пропускала ни одного спектакля с этой певицей.

Шарлотта замолчала, снова вспоминая, как была заморожена в тот вечер, как была увлечена страстью музыки и божественного сопрано.

Она снова оглядела растущую толпу возле сцены, тяжелый занавес на которой все еще был закрыт. Лючия говорила, что минуты за кулисами, перед тем как откроется занавес, похожи на ожидание нового любовника – смесь нервного возбуждения и радостного волнения.

Шарлотта остро ощущала присутствие Стюарта. Сегодня в вечернем костюме он казался ей особенно привлекательным. Она чувствовала этот страх и радостное волнение. Но ей нельзя им увлекаться. Лючия, вне всякого сомнения, сказала бы, что это знак – то, что она приехала с ним слушать оперу. Его первую оперу.

Будет ли он так же тронут музыкой, как она?

– Ваша подруга, мадам де Понто? – тихо спросил Стюарт. – Она больше не поет?

Шарлотта вздрогнула, отвлекшись от мыслей о новых любовниках и знаках.

– Да. Это она. Никогда не слышала, чтобы кто-то еще пел настолько прекрасно. Но она покинула сцену.

Он ничего не ответил. Сама не зная почему, Шарлотта открыла ему причину:

– Это я виновата. Познакомила ее с одним из компаньонов мужа. Тот мгновенно влюбился. Пытаясь завоевать ее внимание, он принес ей какой-то турецкий табак, и она так мгновенно увлеклась... табаком. Начала курить по несколько раз в день, и ее голос потерял прежнюю силу. Ее постепенно вытеснили со сцены другие певицы, моложе и напористее. Получив известие о смерти брата, я пригласила ее в Англию, и она согласилась. Насколько я поняла, она желала сохранить остатки своей славы, пока не стало слишком поздно.

Стюарт ничего не ответил, но она почувствовала его взгляд и резко сменила тему.

– Эта ложа идеально подходит для наших целей, – заметила она и снова наклонилась к перилам.

Стюарт позволил своему взгляду скользнуть по ее спине, где вырез был еще глубже. Засмотрелся на тяжелый узел темных волос. Ее плечи были обнажены. Что она сделает, если он подастся вперед и поцелует ее шею прямо у застежки ожерелья?

Стюарт представил, как расстегнет застежку и позволит жемчужинам упасть...

Шарлотта выпрямилась и расправила плечи. Жемчуга образовали широкую дугу, задевавшую край красного шелка.

– Не вините себя за табак, – произнес Стюарт, мысленно приказывая нитям упасть в ложбинку между грудями. Впрочем, ему не нужен предлог, чтобы заглянуть за вырез. Он и без того с трудом мог отвести от нее глаза.

– Она сама захотела курить.

Шарлотта, больше не глядя на него, развернула веер.

– Я не так уж страдаю от угрызений совести, мистер Дрейк. Просто мне очень жаль. Вы никогда не жалели о последствиях своих поступков, которые не могли предвидеть?

От необходимости немедленно дать ответ его спасло появление хозяина ложи. Оркестр заиграл увертюру, и Шарлотта устремила взгляд на сцену. Стюарт в последний раз жадно посмотрел на застежку ожерелья, но признался себе, что сейчас не время и не место. Но что сделала бы Шарлотта, поддайся он порыву? Стюарт подозревал, что какая-то часть ее души откликнулась бы, хотя она, несомненно, нашла бы в себе силы направить на него пистолет, а он уже достаточно насмотрелся на подобные сцены. Все его отношения с Шарлоттой были рядом неожиданных последствий, но Стюарт не мог сказать, что жалеет об этом.

Постановка оказалась отнюдь не лучшей из всех, которые слышала и видела Шарлотта. В антракте Стюарт принес вино, но они оставались в ложе на виду у всех. Несколько человек заходили поздороваться, но только те, кто знал Стюарта или герцога. Когда занавес снова поднялся и Стюарт сел рядом, Шарлотта облегченно вздохнула.

Примадонной была итальянка с резкими, почти мужскими чертами лица. Шарлотта припомнила, что слышала ее раньше, в Риме, в маленькой роли. Она не пела, а скорее кричала, произнося слова в нос. Ничего похожего на чистую красоту голоса Лючии, до того как его испортили сигареты.

Позволив себе отвлечься от чрезмерно драматичных арий, Шарлотта стала гадать, что делает сейчас Лючия, и продвинулся ли вперед мистер Уитли настолько, чтобы убедить ее вернуться на сцену. Если Лючия вернется в Лондон даже в нынешнем состоянии, наверняка произведет сенсацию.

Поскольку она не уделяла внимания происходившему на сцене, ее уши постепенно привыкли к тихим голосам за спиной. Стюарт, молчавший на протяжении всего первого акта, сейчас едва слышно беседовал с герцогом, который сидел позади него. Шарлотта невольно стала прислушиваться.

– Вчера я получил записку от Баркли, – тихо сообщил Уэр.

Долгая пауза.

– Вот как, – просто сказал Стюарт, но Шарлотта различила досаду и грусть в этих коротких словах. Кто такой Баркли? И почему Стюарт расстроился при упоминании его имени?

– По-моему, он просто хотел знать, как может с вами увидеться, – добавил герцог. – Он уже послал курьера в Оуквуд-парк.

Еще более долгая пауза.

– Пока что я не могу ему заплатить, – напряженно выдавил Стюарт.

– Понимаю.

Очень долгая пауза.

– Я не возражаю, – сказал герцог так тихо, что Шарлотта едва смогла расслышать.

– Нет, – уже резче отрезал Стюарт. – Я возражаю. И найду способ.

Опера закончилась. Все зааплодировали. Шарлотта повернула голову ровно настолько, чтобы видеть Стюарта уголком глаза. Лицо мрачное, в глазах тоска. Несколько мгновений он не замечал, что она за ним наблюдает. А когда заметил, печаль сразу же исчезла.

– Просто блестяще, – заявил он, кладя руку на спинку ее кресла. – О чем там идет речь? Мы с Уэром заключили пари. История тайных любовников?

– Все сюжеты итальянской оперы вращаются вокруг тайных любовников, – пояснил герцог с легкой улыбкой.

– В этом случае вы ошибаетесь.

Герцог Уэр был самым красивым мужчиной из всех, виденных Шарлоттой. Высокий, золотоволосый, с лицом, вылепленным, казалось, самим Микеланджело. Каждый раз, когда он заговаривал с ней, Шарлотта напоминала себе, что глазеть неприлично. Его серо-голубые глаза

завораживали, но очень редко улыбались. С ней он был вежлив и учтив, и хотя, судя по всему, он являлся старым другом Стюарта, все же в нем была некая отчужденность, заставлявшая Шарлотту гадать, как эти двое могут ладить.

– Любовники не тайные, – пояснила она. – Они намерены пожениться, но другие персонажи пытаются их разлучить.

– А я рассчитывал весь вечер слышать жалобы любовников, – обратился Стюарт к герцогу. – Какое разочарование!

– Поскольку вы не знаете ни слова по-итальянски, – поддразнила Шарлотта, – можете убедить себя, что так и было. А вдруг я не сказала вам правды?

Он подвинулся ближе. Его рука осторожно легла на ее лопатку.

– Но я знаю, что вы сказали правду.

– Абсолютное доверие? – Вскинув брови, герцог обратился к Шарлотте: – Очень редкая вещь в наше время.

Выбитая из колеи, она отвела взгляд и уставилась прямо в глаза Стюарта. Оба не шевелились, и в эту минуту Шарлотта поняла, что герцог прав. Она действительно доверяла Стюарту, и это приводило ее в восторг, вызывало неловкость и удивление. Естественно ли доверять ему сейчас, когда она совсем недавно абсолютно ему не доверяла? Мудро ли так зависеть от него после того, как она столько сделала, чтобы вызвать его неприязнь к себе? Или Шарлотта дурачит себя, убеждая, что он лучше, чем она считала, просто потому, что это позволяет ей скрывать другие чувства, которые она к нему испытывает?

– Да, – кивнула она, отводя от него глаза. – Чрезвычайно редкое.

Все замолчали.

– Простите, что не было любовных жалоб и вы проиграли пари, – сказала она, чтобы заполнить паузу, – но мне все равно понравилось.

– И мне, – пробормотал герцог.

Шарлотта подняла глаза и обнаружила, что он пристально ее рассматривает. Она посчитала это странным, но магнетические серо-голубые глаза жадно обшаривали ее лицо, словно выискивая определенное сходство или черту. Она хотела отвернуться, но не смогла.

– Что же, превосходно! Возможно, Уэр откажется от своего давно любимого театра в пользу оперы.

Шарлотта вздрогнула, услышав беспечное замечание Стюарта. Герцог сразу же замкнулся. Лицо его стало холодным и отчужденным.

– Возможно, – обронил он и встал.

– Прощу, извините меня, леди Гриффолино, Дрейк.

Герцог с поклоном отошел, оставив Стюарта злиться на себя. И все же Стюарт не сумел забыть то, как Уэр смотрел на Шарлотту. Герцог уже много лет так не смотрел на женщину. Что Стюарт будет, черт возьми, делать, если герцог-отшельник наконец выйдет из своей раковины, чтобы ухаживать за ней? Как он может состязаться с таким человеком, как Уэр? И стоит ли хотя бы пытаться, когда ему почти нечего Шарлотте предложить?

– Он очень одинок, не так ли? – тихо спросила Шарлотта, наблюдая за герцогом.

– Полагаю, да, – процедил Стюарт, хмурясь. Ему было неприятно слышать, как она жалеет беднягу Уэра, жившего в лучшем доме в столице, имевшего все. Уэра, знавшего, что каждое его желание будет исполнено. Уэра, который мог получить любую женщину в Англии, всего лишь щелкнув пальцами. Уэра, обладавшего влиянием и богатством, достаточными для того, чтобы разобрать Лондон по кирпичику и отыскать Сьюзен.

Стюарт вскочил, ненавидя себя за подобные мысли. Уэр его друг, джентльмен, который никогда бы...

Он глянул на Шарлотту, такую чувственную и такую роскошную в этом шелковом алом платье. В ложбинке между грудями соблазнительно прятались жемчужные нити. Друг и джентльмен? Мужчина должен быть слеп, чтобы равнодушно взирать на такую красоту.

– Пойдем?

Шарлотта изумленно уставилась на него:

– Но мы еще ни с кем не поговорили! Я думала, вы надеялись услышать сплетни, которые помогли бы нам найти Сьюзен.

Стюарт переступил с ноги на ногу:

– Люди приходят в оперу поговорить друг о друге. Будет лучше, если похититель услышит от вас, чем если вы – о нем. Сомневаюсь, что мы здесь узнаем что-то о Сьюзен.

– Вот как?

Она немного помолчала, и Стюарт снова почувствовал себя негодяем. Он знал, что шанс услышать здесь что-то полезное очень мал, но надеялся, что выход в свет поможет Шарлотте обрести равновесие. Но не настолько, чтобы она внезапно стала герцогиней. Это ревность, чистейшая ревность, и он ненавидел себя за это, но не мог отрицать, что ревнует. Даже напоминание о собственных неминуемых неприятностях его не отвлекло. И Стюарт не понимал, что с этим делать.

Наутро Шарлотта рано спустилась к завтраку, но даже не удивилась при виде опередившего ее Стюарта. Он каждый день завтракал в родительском доме. Мистер Дрейк, к счастью, больше не появлялся. Шарлотта знала, что Стюарт будет здесь. Было бы невежливо избегать его, особенно после того, как он ей помог. Именно это она твердила себе, хотя ее сердце таяло от его приветливой улыбки:

– Ни слова от Питни, – вздохнул он, усаживая ее. – Но сегодня мы встретимся.

Шарлотта покачала головой. Мгновение счастья осталось в прошлом.

– У него совсем нет новостей.

– Не теряйте надежду. Он умеет находить людей. Именно это качество было для меня главным, когда я искал частного сыщика. Пусть Питни вроде бы не торопится, но у него свой метод, и он практически гарантировал результаты.

Стюарт тоже сел.

– Нет ли писем от вашей подруги?

Шарлотта налила себя чаю.

– Нет. Все ее письма полны сплетнями и... и другими новостями.

Она избегала его взгляда, не желая делиться подробностями увлечения Люции его другом мистером Уитли или ее непристойными вопросами о самом Стюарте.

– Но о Сьюзен она ничего не знает.

– От нее мы многого и не ожидали. Не принимайте это слишком близко к сердцу. Наши усилия все равно сосредоточены на Лондоне.

Стюарт слегка мотнул головой, чтобы откинуть волосы с глаз, и улыбнулся ей. Шарлотта смотрела на него, словно заколдованная этим беззаботным движением. В нем было нечто столь родное, столь интимное, что у нее перехватило дыхание. Она заметила, что он нуждается в стрижке. Ни один мужчина не вел себя так непринужденно в ее присутствии. Они всегда старались показать себя с лучшей стороны, произвести впечатление, обольстить и вызвать восхищение. Даже Пьетро отказывался встречаться с ней, пока камердинер не позаботится о его внешности. Но Стюарт отослал своего камердинера на поиски ее племянницы. Его волосы слишком длинны, потому что он не обращает на себя внимания, стремясь помочь ей.

Хотя Шарлотта прекрасно знала, что камердинер Стюарта сейчас в Кенте, только теперь она поняла, что это означает. Стюарт не только помогал ей, но и при этом терпел всяческие неудобства. Отослал единственного слугу, обременял своих друзей и терпел враждебность отца только ради того, чтобы поддержать ее в поисках Сьюзен.

Никто и никогда раньше не жертвовал ради нее собой до такой степени. Шарлотта по большей части смирялась с этим фактом, позволявшим ей ничем не жертвовать ради других. Но Стюарт помогал ей ради самой помощи. Словно ее счастье – это все, что имело для него значение.

Словно она ему небезразлична.

– Вам понравилась опера? – спросила она, встревоженная своими размышлениями о Стюарте.

– Очень. Я никогда бы не подумал проводить вечер, слушая пение, но это было великолепно.

– Я так рада! Всегда находила оперу захватывающей.

Что-то в ее тоне, должно быть, выдало, что она думает вовсе не о музыке, потому что Стюарт вскинул голову:

– Я тоже нахожу ее весьма... вдохновляющей, – согласился он, и Шарлотта заметила, что

его глаза потемнели. – Счастлив, что вы предложили приехать сюда.

Он наклонился к ней.

– Я готова слушать оперу хоть каждый день, – предупредила Шарлотта продолжая игру в намеки.

Глядя ей в глаза, Стюарт наклонился еще ближе.

– Не могу описать, как я этим восхищен и как сильно хотел бы удовлетворить... ваше желание большего.

– Письмо для вас, мадам, – объявил подошедший дворецкий.

Шарлотта с трудом оторвала взгляд от Стюарта и взяла записку.

– От Сьюзен! – вскричала она, узнав почерк.

Стюарт вскочил:

– Брамбл, кто его принес?

– Очень грязный мальчишка, сэр! – крикнул вслед выбежавшему Стюарту дворецкий.

Входная дверь хлопнула. Шарлотта поспешно вскрыла конверт, откуда выпала маленькая записка. Но Шарлотта не обратила на это внимания, пробегая глазами неровные строчки, написанные почерком племянницы:

«Дорогая тетя Шарлотта!

Я спешу заверить тебя, что здорова и счастлива. Скоро я выйду замуж! Думаю, ты все еще расстроена из-за моего побега, и хочу извиниться. Но ты должна понять, что мне ничего другого не оставалось. Скоро я пришлю за одеждой и другими вещами, но пока что у нас нет ни дома, ни квартиры. Лондон – все, о чем я мечтала, и даже больше! Я напишу тебе еще.

Сьюзен».

Шарлотта вслед за Стюартом метнулась в холл, но Стюарт уже возвращался, тяжело дыша.

– Я не смог его поймать, – с досадой бросил он. – Брамбл!

Немедленно появился дворецкий:

– Да, сэр?

– Если еще какой-то парень принесет письмо мадам Гриффוליно или мне, хватайте его и не отпускайте, пока я с ним не поговорю.

Дворецкий поклонился, а Стюарт обернулся к Шарлотте:

– Что она написала?

Шарлотта молча подала листок бумаги. Читая письмо, Стюарт хмурился все сильнее. Дочитав, он сложил листок и знаком показал ей на столовую для завтраков. Когда они остались одни, Шарлотта подбоченилась:

– Ну?

Стюарт стал прохаживаться по комнате, похлопывая письмом по подбородку.

– Он заверил ее, что хочет жениться на ней. Мы были правы насчет романтики и приключений. Но кто он? Мы по-прежнему понятия не имеем, кто выманил ее из дома так внезапно.

– Я это поняла, – отрезала она, выхватив у него записку. – Первая весточка от Сьюзен за всю неделю! – Женщина благоговейно прижала письмо к груди. Это послание доказывало, что ее племянница жива, здорова и находится в Лондоне.

– Она, несомненно, в Лондоне. Как нам ее найти?

– Пошлите за Питни, – предложил Стюарт. – Лакей может описать гонца. Если мы сумеем найти мальчика, который принес письмо, мы на шаг приблизимся к человеку, его отправившему.

– Но на это может уйти много дней! В Лондоне сотни чумазных мальчишек!

– Тысячи, – поправил Стюарт. – Терпение, Шарлотта. Питни знает город и самых подозрительных его обитателей.

– Но что мы будем делать? Велите закладывать экипаж. Если ехать очень быстро, мы можем догнать мальчишку...

Стюарт покачал головой:

– Он уже далеко. Даже если объедем весь Лондон, не найдем его.

– Но я должна что-то делать! – воскликнула Шарлотта.

Она вцепилась в письмо, как в спасательный круг. Истерика уже завладела ею. Шарлотта думала, что хуже всего на свете – ничего не знать, но ошибалась. Обладать информацией, недостаточной для того, чтобы действовать, было гораздо мучительнее.

Стюарт вздохнул и взъерошил волосы:

– Кроме разговора с Питни... – Он покачал головой.

И тут Шарлотта вдруг вспомнила про еще один клочок бумаги, выпавший из письма Сьюзен. Чтобы найти записку, она встала на колени и залезла под стол.

– Что вы делаете? – удивился Стюарт, поднимая скатерть, чтобы взглянуть на нее.

Шарлотта развернула грубую бумагу и громко ахнула.

– Что?!

Стюарт буквально вытащил ее из-под стола и вытянул бумагу из ее пальцев.

– Что это, черт возьми?

Шарлотта разгладила бумагу и перевела с итальянского:

«Шлюха в алом, ты украла мое сокровище, а я украд твое. Пока выставляешь себя напоказ перед английскими джентльменами, твоя Сьюзен сидит рядом, безвольная и на все готовая. Когда вернешь итальянское сокровище, отдам ее тебе.

Тот, кто наблюдает за тобой».

– Проклятие! – Стюарт злобно уставился на незнакомый текст: – Что это за итальянское сокровище?

– Понятия не имею.

Шарлотту трясло от страха и возбуждения.

– Но он видел нас вчера вечером.

Она взяла записку и показала нужное место, хотя Стюарт все равно не мог разобрать, что там написано.

– Шлюха в алом! Мое платье! Он рядом! И Сьюзен с ним!

Стюарт поднял голову. Глаза его сверкали.

– Верно! Вы спровоцировали его выложить карты на стол. Так-так. Он итальянец. Должно быть, последовал за вами из Италии. И скорее всего, он тот грабитель, что вламывался в ваш дом.

– Но чего он хочет? – Шарлотта сжала руки, чтобы унять дрожь. – У меня нет никакого сокровища.

– А он явно думает иначе. – Стюарт снова нахмурился: – Он и Сьюзен похитил, потому что не смог сам его найти.

– О, моя бедная девочка! – почти всхлипнула Шарлотта. – Что нам сейчас делать? Знать, что она в Лондоне, так близко, и не понимать, где она!

– Терпение, – повторил Стюарт с устрашающим спокойствием. – Мы знаем, что ищем. Я немедленно сообщу Питни и Бентону. Теперь, когда мы обнаружили след, по крайней мере, кто-

то из них отыщет место, где похититель ее держит. Ваша подруга все еще в Кенте?

Шарлотта кивнула.

– Немедленно напишите ей. Попросите как можно быстрее упаковать все привезенное из Италии и послать сюда. Я напишу Бентону, пусть поможет ей. Он мастер быстро укладывать вещи.

– Зачем? О... разумеется! – обрадовалась Шарлотта. – То, что хочет похититель, должно находиться в ящиках, присланных из Италии. Может, по примеру Лючии вынем все из ящиков, расставим и будем ждать, когда он проникнет в дом и украдет нужную ему вещь?

– Нет, мы должны понять, что, черт возьми, он ищет, – мрачно возразил Стюарт. – А потом будем разговаривать с ним на равных. Он сознает, что ничего от вас не получит, если навредит Сьюзен, поэтому она в безопасности, пока похититель думает, что эта вещь у вас. Уверены, что не привезли из Италии ничего, кроме тех вещей, которые находятся в Кенте? Может, это что-то в конторе поверенного или послано подруге?

– Нет, все переправили в Кент кораблями. Если этот предмет действительно принадлежит мне, значит, он находится в Танбридж-Уэллсе.

– В таком случае мы найдем его и каким-то образом дадим знать, что готовы вести переговоры. Я также попрошу Бентона выяснить, не появлялись ли в Кенте иностранцы, особенно итальянцы. Можете справиться и у Лючии. Если похититель и есть ваш вор, он должен был оставаться поблизости, наблюдать за вашим домом и знать, когда вы уехали.

– Я немедленно ей напишу, – пообещала Шарлотта, отчаянно пытающаяся придумать себе хоть какое-то занятие. – Но что еще...

Стюарт заставил ее замолчать, прижав палец к ее губам.

– Я сейчас же еду к Питни. Пишите подруге.

Он отнял палец и удивил ее, коснувшись губами ее губ в быстром поцелуе.

– Чем больше мы узнаем о похитителе, тем больше у Питни шансов его найти.

Стюарт снова ее поцеловал, на этот раз дольше и крепче, и она, не колеблясь, прильнула к нему. Шарлотта быстро обнаружила, что страх может быть мощным афродизиаком, что он может заставить ее тело напрячься, как натянутая струна, в предвкушении чего-то. Желание вспыхнуло мгновенно, вытеснив тревоги и волнения.

Когда Шарлотта открыла рот, Стюарт сжал ее талию. Когда другая его рука легла на ее грудь, она ощутила, как подогнулись ее колени. Она впервые в жизни так отчаянно хотела мужчину, жаждала его присутствия и прикосновений. Она цеплялась за него, стараясь прижаться еще сильнее. Он стиснул ее ягодицу, и Шарлотта застонала, обвив его ногой. Она хотела этого, хотела его, прямо сейчас.

Когда Шарлотта потянула его на себя, готовая отдаться Стюарту прямо здесь, на ковре, он стал падать вместе с ней, но успел схватиться за ближайший стул. Шарлотта стала бесстыдно тереться об ногу Стюарта, но он со стоном от нее оторвался.

– Я не могу любить вас здесь, – прошептал он. Его плечи вздрагивали. – Богу известно, я очень хочу, но не могу.

Шарлотта отскочила от него, как от огня:

– Стюарт...

– Когда-нибудь, – пообещал он тихо и уверенно, – мы должны это закончить. Вы сводите меня с ума.

Прежде чем она успела прийти в себя, дверь открылась.

– Доброе утро, – прошептала Амелия.

Стюарт повернулся, на секунду закрыв Шарлотту от глаз матери. Благодаря этому Шарлотта успела поправить платье. Господи, они едва не занялись любовью на ковре, когда всякий мог

войти в комнату и их застать! Шарлотта повела себя хуже любой распутной куртизанки и едва не опозорила хозяев.

– Мы получили записку от Сьюзен, – пояснил матери Стюарт так спокойно, словно ничего не случилось. – Она здорова и находится в Лондоне. Неизвестный убедил ее бежать с ним, обещая жениться: Сьюзен написала Шарлотте о скорой свадьбе.

– Какой жестокий обман! – воскликнула Амелия, сверкая глазами. – Бедняжка! Ее фактически похитили!

– И удерживают ради выкупа, – согласился Стюарт. – Похоже, она еще ничего не знает.

– Боже милостивый! Как вы сумеете его остановить? – вскричала возмущенная Амелия.

– Мы получили записку и от него, – вздохнула Шарлотта. – Ему нужно некое итальянское сокровище, которое, по его мнению, находится у меня. В обмен на него он освободит Сьюзен. – Она глянула на Стюарта. – Я содрогаюсь при мысли о том, что будет, если этого сокровища у меня не окажется.

– Окажется, – твердо заверил он. – Где-нибудь, да окажется. Должно быть, он в этом уверен, иначе не обыскивал бы ваш дом несколько раз и, уж конечно, не увел бы Сьюзен. Это не обязательно ценная вещь, но ему она очень дорога.

– Надеюсь, вы правы.

Его губы растянулись в знакомой дерзкой улыбке:

– Я всегда прав, дорогая, вы еще не заметили этого?

Он направился к двери.

– Я еду к Питни. Немедленно напишите Лючии.

– Обязательно, – пообещала Шарлотта.

Он снова улыбнулся и ушел.

Оставшись наедине с его матерью, Шарлотта села на стул, чтобы закончить завтрак. Воспоминание о том, что ее отвлекло, выбивало из колеи. Но она с деланой беспечностью пила остывший чай. Что сказала бы миссис Дрейк, застав их в объятиях друг друга?

Боже милостивый, она едва не совратила сына этой женщины! При свете дня!

– Вижу, Стюарт вам пришелся по душе, верно? – вдруг спросила Амелия.

Шарлотта виновато посмотрела на нее и не удивилась, встретив ее пристальный взгляд.

– Он красивый мальчик, – продолжала Амелия. – Я вас не виню. Все мужчины в роду Дрейков – красивые дьяволы.

Шарлотта кашлянула и опустила глаза.

– Мы... мы стали друзьями.

– Ну-ну. Мы обе взрослые женщины. Полагаю, вряд ли вы наивны и неопытны. Признайтесь, что вас влечет к моему сыну.

Шарлотта открыла было рот, но тут же закрыла. Что ответить миссис Дрейк?

Амелия потянулась к чайнику и наполнила чашку. Ее руку окутал пар.

– Но я должна предупредить, – сочувственно добавила она, – он никогда на вас не женится.

Глаза Шарлотты стали круглыми, как блюдца:

– Уверю, м-мне ничего подобного д-даже в голову не приходило! – пробормотала она, заикаясь.

Брак? Со Стюартом? Ему нужна богатая невеста, а она сама наслаждается свободой и независимостью. Брак между ними невозможен, даже если рассматривать его теоретически.

Вероятно, миссис Дрейк хотела предупредить Шарлотту, чтобы она не питала напрасных надежд на то, что можно хитростью заставить Стюарта жениться. Но, учитывая прошлое Шарлотты, ни одна мать не захочет такой невестки. Она запятнана, репутация ее погублена. Стюарт, наверное, находит ее достаточно привлекательной, чтобы затащить в постель, но его

мать права: он никогда на ней не женится, потому что Шарлотта не из тех женщин, на которых женятся уважаемые джентльмены.

Мысль была унижительной. Несмотря на все ее усилия стать порядочной, она по-прежнему пария. Как бы она ни меняла прически или туалеты, она навсегда останется той, которая непристойно вела себя в юности. Она в плену, в капкане, застряла между искренним желанием исправиться и прошлым, которое имеет над ней безграничную власть.

– Дело не в том, что я этого не желаю, – продолжила Амелия, все еще наблюдая за ней. – Некоторые мужчины просто не способны взять на себя ответственность за жену и детей, и Стюарт именно таков.

Шарлотта не совсем ей поверила, но твердо знала, что, дай она свое согласие, Стюарт немедленно женился бы на Сьюзен. Хотя при одной мысли об этом ей становилось плохо, все же это противоречило сказанному его матерью. Он говорил, что был бы благодарен Сьюзен, и Шарлотта знала: он не обидел бы ее племянницу и позаботился бы, чтобы его жена ни в чем не нуждалась.

– Не могу согласиться, – медленно выговорила она. – Думаю, он жаждет взять на себя ответственность.

Амелия покачала головой.

– Стюарт никогда ничего подобного не жаждал. Он не возражает против того, чтобы создавать видимость этого – стать владельцем загородного поместья или конефермы, например, но он понятия не имеет, как всем этим управлять. Все, что он может, – заботиться о себе, причем делает это не так уж хорошо.

– Но у него никогда не было чем управлять!

Шарлотта даже не знала, почему защищает его. Несколько дней назад ее мнение о Стюарте было точно таким же, как у его матери.

– Вы не верите, что он способен на что-то серьезное, если в этом возникнет необходимость?

Амелия грустно рассмеялась.

– Нет! Я знаю Стюарта всю его жизнь, и хотя мне больно это признавать, он всегда будет полагаться на свое обаяние и красивое лицо.

– Стюарт оказал мне бесценную помощь, – запротестовала Шарлотта, совершенно забыв, что когда-то описывала его точно такими же словами. – Стюарт очень умен и решителен.

Амелия вздохнула.

– Когда мужчина стремится соблазнить женщину, он может скрываться под бесчисленными масками: нежного поклонника, таинственного авантюриста, рыцаря в сверкающих доспехах... но при этом у него одна цель, и эта цель не имеет ничего общего с женитьбой. И достигнув своей цели, они исчезают, чтобы увлечься другой женщиной.

– Это верно в отношении некоторых мужчин, – возразила Шарлотта, немного подумав. – Но не всех. Вы, как его мать, наверняка должны видеть лучшие черты его характера. Думаю, вы недооцениваете своего сына.

На лице Амелии на миг отразились горечь и боль. Она снова печально усмехнулась.

– Вы не знаете, о чем говорите. Стюарт – копия отца.

Шарлотта не нашла это высказывание таким уж лестным. Мистер Дрейк казался ей бессердечным и озлобленным человеком из всех ее знакомых. Неужели Амелия остерегает ее, намекая, что Стюарт со временем станет таким же?

– И не позволяйте одурачить себя общепринятому мнению, что любовь к настоящей женщине поможет исправить мужчину и сделать его лучше, – продолжила Амелия. – Любовь для мужчины – фикция. Он никогда не сможет любить женщину так же сильно, как она его. Никогда

не выходите замуж по любви, дорогая, это разобьет вам сердце. Нет ничего ужаснее брака с человеком, который не отвечает на вашу любовь.

– Я не люблю Стюарта, – прошептала Шарлотта. – А он не любит меня.

Хотя она вдруг поняла, что не слишком уверена в первом утверждении, последнее сомнений не вызывало.

– Прекрасно. – Амелия снова поднесла чашку к губам, отпила и учтиво улыбнулась: – Это избавит вас от душевной боли. Другим дамам повезло не так сильно.

– Другим дамам? – недоуменно повторила Шарлотта, мысленно поблагодарив свою счастливую звезду за то, что не стала матерью. Вряд ли она вынесла бы, если бы ее дочь стала жертвой авантюриста или охотника за приданым. И она никогда бы не стала предупреждать женщин относительно своего сына. Она мечтала только о детях определенного возраста, но не взрослых. Сколько неприятностей они могут принести! И когда заканчивается материнская ответственность за детей?

– Немало женщин влюблялось в Стюарта, – мягко пояснила Амелия, – но для них это плохо кончилось. Одну с позором отослали в деревню, другую спешно выдали за кузена, который согласился посмотреть сквозь пальцы на ее бесчестье.

– Анна Хейл, – кивнула Шарлотта. – Элиза Пенниурт.

Амелия отвела глаза.

– Две молодые леди всего за месяц. Теренс был прав.

Но Шарлотта уже не была уверена, так ли все было. Она передала сплетни Луизе Килдер, но когда пущенная сплетня дошла до нее снова, оказалось, что Стюарт чуть ли не соблазнил девушку на глазах перепуганной бабушки. Предполагаемое бегство с Элизой Пенниурт превратилось в похищение. Если слухи всего за неделю превратились в чудовищную ложь, какова была первоначальная версия, та, которая имела место задолго до того, как все это услышала Шарлотта?

– Миссис Дрейк, – начала она, – вы очень откровенны со мной. Могу я задать вам такой же прямой вопрос?

– Разумеется.

– Почему мистер Дрейк так не любит сына?

Лицо Амелии стало хмурым:

– Теренс так разочаровался в Стюарте! Он надеялся, что сын вырастет лучшим человеком... чем стал...

Интересно, в чем причина этой паузы?

Однако Амелия продолжала:

– Но Стюарт ни в чем не знал удержу, он превратился в настоящего повесу. Любое пожелание, высказанное ему Теренсом, неизменно встречало отказ. Его манило все, против чего предостерегал отец.

– Но теперь он стал мужчиной. Не может же мистер Дрейк вечно ставить ему в вину бесшабашность юности?

– Вы полагаете, что он изменился с тех пор? – спросила Амелия тоном, мгновенно положившим конец спорам.

Очевидно, хотя она и любила сына, все же считала его совершенно пропащим. Шарлотта невольно изумилась. Ее собственный отец, прежде чем выгнал из дома дочь, по крайней мере, потребовал доказательств ужасающей истины. Возможно, этим он сделал ей огромное одолжение, поскольку Шарлотта так и не поняла, что лучше: стать изгоем без права вернуться или навсегда оказаться объектом подозрений и осуждения той семьи, от которой она зависела.

– Я считаю его благородным человеком, – медленно произнесла она. – И знаю, насколько

могут быть преувеличены слухи.

– Дорогая графиня Гриффолينو, – начала Амелия, взяв ее за руку. – Стюарт – мое единственное дитя. Я обожаю его и, признаюсь, пригласила вас, чтобы чаще с ним видеться. Но я не слепа к его недостаткам и не хочу, чтобы были слепы вы. Нам, женщинам, так легко поддаться чувствам, и мне будет очень грустно, когда вас предадут. Кошмарный урок, полученный вашей собственной племянницей, убедил меня поговорить с вами.

Шарлотта не знала, что и думать. Из своего собственного горького опыта ей было известно, как легко способен обаятельный человек покорить нежное женское сердце. Большая часть сказанного миссис Дрейк была истинной правдой, по крайней мере по мнению Шарлотты. Но миссис Дрейк говорила о Стюарте. Не о бессердечном негодяе, который много лет назад погубил Шарлотту, и не о безымянном злодее, похитившем Сьюзен. Несмотря на множество возможностей и мотивов, невольно предоставленных самой Шарлоттой, Стюарт пошел на все, чтобы не ранить Сьюзен. Он убедил девушку, что она – вторая Джульетта, только чтобы не разбить ее сердце.

Тем не менее он все равно охотник за приданым, по его собственному же признанию. И в этом нет ничего респектабельного. Как она могла считать его благородным после того, как он решил завладеть Сьюзен и ее наследством? Как он мог ей нравиться, если отчасти виновен за побег Сьюзен?

«Сьюзен сбежала из-за тебя, – нашептывал ей внутренний голос, – не из-за него. Если бы не он, ты бы пропала, не зная, к кому обратиться за помощью».

Но это не означало, что она влюбилась в него. Даже если он мог возбудить ее, как никто другой, он так же раздражал ее, как никто другой.

Стюарта не обескураживало все, что она ему говорила. Он смеялся, когда она угрожала ему пистолетом, умудрился обратить разговор в опере в чувственное обещание. Шарлотта флиртовала со слишком многими мужчинами, чтобы не понять его намеков. Он все еще хотел ее. Но это не любовь.

Весь день она размышляла об этом. Сначала подумывала лечь со Стюартом в постель только для того, чтобы ослабить напряжение между ними. Потом вспомнила о Сьюзен и о том, как непорядочно думать о своих наслаждениях, в то время как племянница находится в лапах какого-то итальянского безумца. Но если она ждет, что Сьюзен вернется, как она сможет завести роман со Стюартом, зная, как это ранит племянницу?

Вероятно, подходящего момента так и не случится... и ей хотелось заплакать. Он единственный мужчина, потерять которого ей было жалко до слез.

Означает ли это, что в ее чувствах есть нечто большее, чем желание? С того несчастливого времени, когда она отдала свое сердце, Шарлотта отказывалась чувствовать к мужчинам нечто большее, чем желание. Она просто не могла себе это позволить, не могла поверить, что в следующий раз все будет иначе.

В конце концов Шарлотта решила, что короткая связь – лучше всего. Она не может быть влюблена в Стюарта. И не хотела выходить за него. Да. Она хочет его, но это лишь физическая потребность. После того как они окажутся в постели, влечение скоро выгорит... Если после этого ее сердце не дрогнет, она поймет, что это было простое вождение. А если дрогнет...

Если проблема возникнет, Шарлотта ее решит.

У Стюарта выдался тяжелый день, который он провел, обшаривая таверны и пабы. Шарлотта дала ему денег на поиски, но, несмотря на щедрые траты, он не сумел найти принесшего письмо мальчишку. К вечеру он разгорячился и устал. Они были так близки к тому, кто мог привести их к похитителю Сьюзен, но ничего не вышло!

После встречи с Питни, подтвердившим, что мальчишка так и не был найден, Стюарт направился к Мэйферу. Он был так измучен, что хотел одного – вернуться домой и свалиться в постель. Но нужно было рассказать обо всем Шарлотте. Он также хотел снова ее увидеть, причем настолько, что был готов заявиться к родителям, хотя Теренс скорее всего находился дома, и от одной мысли об этом Стюарту становилось не по себе. Возможно, ему даже не удастся остаться с ней наедине.

Голодный и покрытый пылью Стюарт поднялся на крыльцо.

Шарлотта ждала его в холле, отчего настроение у него сразу улучшилось.

Стоило ей взглянуть в его лицо, как она тут же все поняла.

– Вы его не нашли.

Стюарт взял ее за руку.

– Мы распространили весть о том, что его ищут, по всему Лондону. Скоро парень объявится. Вы не должны терять надежду.

– Не должна, – рассеянно кивнула она. – Я подумала...

– Что ты здесь делаешь? – прорычал внезапно появившийся отец.

Стюарт поморщился. Шарлотта немного съежилась. Он повернулся, держа за спиной их сцепленные руки:

– Добрый вечер, Теренс.

– Если приходишь сюда, будь добр вести себя вежливо, – отрезал Теренс. – Мы принимаем гостей в гостиной.

Он шагнул в гостиную и Стюарт, стараясь не волочить ноги, повел туда Шарлотту. Усадил ее на стул, взял себе другой. Теренс устроился посреди дивана, вытянув больную ногу, и холодно воззрился на сына.

– Итак, что ты натворил сегодня?

– Сегодня я натворил меньше, чем обычно, – пожал плечами Стюарт. – Тебе следует мной гордиться.

– Почему ты стоял в холле? – пробурчал Теренс.

– Хотел поговорить с леди Гриффолино наедине.

– Сколько дам ты опозорил своими беседами? – Теренс окинул Шарлотту злобным взглядом. – И где ты был?

Стюарт сел удобнее и раскинул руки на спинке стула, зная, что это еще больше взбесит отца:

– В гнездах порока и притонах разврата.

– Не смей издеваться!

– Я не издеваюсь, – заверил Стюарт. – Просто говорю тебе то, что ты ожидал услышать. Я пытаюсь не разочаровать тебя, Теренс.

Ледяной взгляд Теренса скользнул по Шарлотте:

– Полагаю, графиня, теперь вы видите, что ваше доверие к этому человеку не выдерживает никакой критики.

Шарлотта моргнула и прищурилась:

– Пока что мое доверие ни в чем не обмануто.

– Все еще впереди, – бросил Теренс. – Стюарт, ты опять играл? И проигрался, конечно?

Стюарт, который за последние месяцы не поставил на карту и фунта, тихо прищелкнул языком и покачал головой:

– Теренс, пожалуйста. Здесь леди.

Теренс вновь с подозрением уставился на Шарлотту, словно сомневаясь в ее родовитости. Стюарт почувствовал, что сейчас прозвучит оскорбление, и поспешил его предупредить.

– Я пришел справиться, могу ли завтра повести леди Гриффолينو на прогулку, – пояснил он, кладя ногу на ногу.

Теренс выглядел так, словно вот-вот пинком сбросит ногу сына на пол.

– Как ты смеешь сидеть в моей гостиной в позе простого рабочего? Выкажи хоть немного уважения!

Стюарт выпрямился и поставил ноги ровно. Шарлотта встала, вынудив джентльменов последовать ее примеру. Лицо ее было непроницаемым. Пока Теренс пытался подняться с дивана, Стюарт повернулся к ней:

– Буду очень рада, – выговорила она.

Стюарт поклонился:

– Превосходно. Я заеду за вами после второго завтрака.

Если он не может побыть с ней наедине сегодня вечером, то, черт возьми, встретится с ней завтра там, где Теренс не сможет им помешать.

Шарлотта на секунду встретилась со Стюартом взглядом, глубоко вдохнула и улыбнулась, словно что-то решив. Он вопросительно вскинул брови, но она слегка качнула головой. Слишком уставший, чтобы беспокоиться об этом сейчас, Стюарт ушел. Уэр уже предложил ему свою коляску, а лошади герцога славились по всему Лондону. Завтра он увезет ее на долгую прогулку, возможно, за пределы Лондона, в тихое, уединенное место, где наконец они останутся одни. А потом...

Потом Стюарт попытается понять ее истинные чувства.

Шарлотта смотрела ему вслед. Кровь уже кипела от возбуждения. Завтра, если все пойдет хорошо, она победит это упрямое, неотступное влечение, угрожавшее ее рассудку. Лючия всегда твердила, что лучший способ избавиться от искушения – поддаться ему. И в этом случае Шарлотта была более чем готова последовать ее совету. Потому что это единственный способ спасти себя от худшей участи.

– Я подумал, что вы захотите немного отдохнуть от Лондона, – сказал ей Стюарт на следующий день, когда подсаживал ее в коляску.

– О, нет, я не хочу ехать так далеко.

У Шарлотты не хватало терпения ждать, пока он ее соблазнит. Поэтому она сама намеревалась его обольстить, и как можно скорее. Но делать это на обочине дороги не хотелось.

– Может, поедem в парк?

Стюарт хотел было возразить, но ничего не сказал. Судя по его лицу, он был разочарован.

– Разумеется.

Стюарт долго молчал, искусно управляя резвыми лошадьми: движение на дороге было оживленным.

– Прекрасный день для прогулки, – заметила Шарлотта, наблюдая за другими экипажами и всадниками. Несколько джентльменов подняли шляпы в знак приветствия. Она кивала в ответ, но никто их не остановил.

– Да. Весь Лондон выезжает в хорошую погоду, – ответил Стюарт, объезжая остановившийся экипаж, в котором сидели престарелые дамы.

– Не могу их винить. Кто сегодня не захочет отправиться на прогулку верхом?

– Вот как? – заинтересовался он. – Вы ездите верхом? Нужно поискать вам лошадь.

Шарлотта таинственно улыбнулась:

– Буду очень благодарна. Это одно из моих любимых занятий. Нет ничего лучше скачки во весь опор, чтобы освежить голову, или быстрого галопа, чтобы сердце забилося сильнее. Иногда и рысь может поднять настроение.

– Счастлив это слышать, – пробормотал смотрящий на дорогу Стюарт. В парке было много экипажей, и он то и дело был вынужден натягивать поводья.

– Многие дамы предпочитают гулять пешком, чтобы ветер не сбивал шляпки.

– Я редко ношу шляпки, – ответила Шарлотта. – Предпочитаю не закрывать волосы.

Стюарт не ответил, но его руки дернулись.

– И я никогда не находила удобным дамское седло, – добавила она. – Есть нечто волнующее в том, чтобы сжимать коленями бока коня.

Он откашлялся и искоса глянул на нее.

– Значит, вы ездите по-мужски.

Когда коляска чуть наклонилась на повороте, она на секунду прижалась к нему.

– Я всегда езжу по-мужски. Полагаю, и лошадь предпочитает именно это, – прошептала она.

Стюарт снова глянул на нее краем глаза и не сразу смог отвернуться, поэтому едва не врезался в другой экипаж. Второй кучер закричал. Стюарт едва успел придержать лошадей, и встречный экипаж разминулся с ними всего лишь на несколько дюймов.

– О боже, – рассмеялась Шарлотта, сжимая зонтик. – Вы знаете, как сделать волнующим каждое событие.

– Я пытаюсь.

Его глаза перебежали с нее на дорогу.

– Кажется, я вспомнил, где можно найти подходящую для вас лошадь, – объявил он, выезжая из парка.

– Как мило! В какой конюшне она находится?

– В доме Филиппа, там, где я сейчас живу.

– Прекрасно! – улыбнулась Шарлотта. – Я сильно нарушу ваши планы, если попрошу

показать ее сейчас? Я бы с удовольствием прокатилась верхом.

– Разумеется.

Он взмахнул кнутом, и лошади рванулись вперед. Через несколько минут они оказались на маленьком конюшенном дворе. Стюарт прыгнул на землю и протянул руки, чтобы помочь Шарлотте. Она подождала, пока он распряжет лошадей. После этого Стюарт спокойно проводил ее в дом, где помог снять накидку. Шарлотта с интересом оглядывалась, вовсе не удивленная тем, что оказалась в прекрасно обставленном городском доме.

– Подождите, – прошептал Стюарт, обхватил ладонями ее лицо. Глаза его горели. – Вы ведь этого хотели, не так ли?

– Ну...

Она искоса, кокетливо взглянула на него.

– Мы заключили пари. Которое вы выиграла.

– Это единственная причина?

Улыбка Шарлотты померкла. Взгляды их на мгновение встретились, и она покачала головой.

– Хвала святым, – пробормотал он, швыряя ключ и шляпу на ближайший стол. Затем схватил ее за руку и повел к лестнице.

Шарлотта, раскрасневшаяся и чувствующая, как кружится голова, подобрала юбки и последовала за ним. Она снова была молода и беззаботна и пришла на тайное свидание посреди дня.

На верхней площадке Стюарт вдруг остановился и, приобняв ее за плечи, притиснул к стене. И тут же завладел ее губами в исступленном, жарком и требовательном поцелуе.

– Я так долго хотел тебя, – прошептал он, обдавая ее кожу горячим дыханием. – Скажи, что тоже хочешь меня. Я должен это услышать от тебя.

– Я хочу тебя, – выдохнула она.

Его пальцы скользили по пуговицам на спинке ее платья. Стюарт расстегнул последнюю и потянул вниз лиф, обнажив ее груди. Услышав, как воздух со свистом вырывается из его легких, она открыла глаза.

Он медленно опустился на одно колено и благоговейно коснулся ее груди. Шарлотта, решившая было, что он возьмет ее быстро и жестко, переменяла мнение.

«Это лучше, куда лучше!» – думала она, когда он наклонил голову и обвел языком ее сосок. Колени Шарлотты подогнулись. Она начала сползать по стене, но он продолжал сосать упругую бусинку.

– Встань! – приказал Стюарт, положив ладонь ей на живот, чтобы удержать на месте. Она кивнула, с трудом поднялась и выгнула спину, чтобы дать ему полный доступ к своему телу.

– Вот так, – пробормотал он, сжав ее щиколотку. Рука поползла вверх.

– О господи милостивый, – ахнула Шарлотта, разразившись истерическим смехом. – Я забыла... у стены...

Стюарт поднял глаза:

– Я так сказал?

– Не помнишь?

Говорить было трудно, особенно потому, что его руки продолжали скользить по ее телу.

Он широко улыбнулся:

– У меня было столько фантазий и грез о тебе, что сейчас трудно вспомнить.

– Так много?

Его пальцы добрались до края ее чулка.

– Сотни, – признался Стюарт. – Тысячи.

Он поднимался все выше. Когда пальцы Стюарта запутались во влажных завитках, его глаза загорелись синим пламенем.

– Боже, – прохрипел он. – Ты уже...

– Да!

Она выпятила бедра, бесстыдно умоляя о ласке.

– Разве ты не готов?

– Более чем готов, – заверил Стюарт, настойчиво стягивая с нее платье. – Но не здесь.

Он повел ее по коридору, попутно дергая за галстук, потом остановился и снова завладел ее губами. Оба, шатаясь и то и дело останавливаясь, сбрасывали одежду и кое-как продвигались вперед, пока наконец Стюарт не распахнул дверь.

Он сорвал с себя остатки одежды и понес к кровати не успевшую снять туфли и чулки Шарлотту. Они упали на постель, их руки и ноги переплелись. Они буквально пожирали друг друга страстными поцелуями. Но вдруг Стюарт, охнув, отстранился.

– Что? – спросила Шарлотта, еще крепче обхватывая его за шею.

Он коротко, сдавленно рассмеялся:

– Дай мне минуту, иначе я кончу еще до того, как мы начнем.

– Мы уже начали.

Шарлотта, извиваясь, прильнула к нему, но он сжал ее бедра, заставив успокоиться. Но тут она стала целовать его шею, она буквально осыпала его поцелуями-укусами. Стараясь сдерживаться, Стюарт лег на спину. Его губы двигались, что-то неслышно произнося.

Задетая за живое, Шарлотта села:

– Что ты делаешь?

– Перечисляю королей Англии, – ответил он, не открывая глаз. – После Эдуарда Первого царствовал Эдуард Второй, которого, как колом, проткнули раскаленной кочергой по приказу королевы. Потом Эдуард Третий, основатель ордена Подвязки. Далее Ричард Второй, низложенный своим кузеном Болинброком.

– Но, Стюарт, – напомнила Шарлотта, проводя кончиками пальцев по его груди и животу, – у нас впереди целый день.

– Генрих Четвертый, – упрямо продолжил Стюарт, перехватив ее руку, чтобы не дать двинуться дальше, – Уэльское восстание под предводительством Оуэна Глендовера.

Шарлотта вздохнула и легла на него. Его плоть вздыбилась, но он продолжал перечислять королей. Очень довольная собой Шарлотта медленно скользнула вниз, остановившись, когда его мужское естество оказалось между ее грудями. Как ей это нравилось: предвкушение, игра в обольщение, пауза перед первым соитием и неизбежное сокрушительное завершение, которое за этим последует.

Она приподнялась на локтях и подняла голову. Стюарт замер. Его лицо было почти свирепым от подавляемого желания, а тело великолепным, мускулистым, стройным и совершенно обнаженным.

Шарлотта загадочно улыбнулась, раскачиваясь, растирая его голыми грудями. Он был жарким и гладким, как атлас.

– Что ты делаешь? – прорычал Стюарт сквозь зубы. Руки были сжаты в кулаки, костяшки пальцев побелели.

– Смотри, – тихо велела она.

– Не хочешь же ты сказать...

Но он не договорил и застонал, когда Шарлотта взяла восставшую плоть в рот, крепко сжала губы и стала ласкать языком. И при этом не сводила глаз со Стюарта, при виде его потрясенного лица ощущая прилив желания. До этого Шарлотта не просила любовников наблюдать за ней в

такие моменты, но раньше она никогда не чувствовала себя так непринужденно в обществе любовника. Было в Стюарте нечто, вызывавшее доверие, заставлявшее ее чувствовать себя в безопасности.

Он неожиданно вздрогнул и громко ахнул:

– Шарлотта... ты не можешь... О боже... не... останавливайся.

Она остановилась ровно на мгновение, чтобы улыбнуться. И снова начала его лизать. Он рванулся вперед, повалив ее на спину и широко развел ее ноги. И мгновенно вторгся в нее, твердый, гладкий и влажный после ее ласк. Шарлотта ахнула, пораженная тем, как хорошо ей вдруг стало, когда он ее наполнил.

Стюарт содрогнулся в ее объятиях, застыл на мгновение.

– Слава богу, у нас весь день впереди, – пробормотал Стюарт, отстраняясь, чтобы вонзиться в нее еще раз. И еще. Шарлотта встречала каждый выпад с той же лихорадочной жадностью и отчаянием. Несколько минут спустя Стюарт содрогнулся и, рухнув в объятия Шарлотты, затих.

Наконец он перекатился на спину, увлекая ее за собой. Прежде чем сесть и освободиться, Шарлотта прижалась к нему. Пусть он почти теряет сознание от блаженства, но она все еще напряжена, как туго свернутая спираль.

– Боже милостивый, – простонал Стюарт, – и мне говорили, что ты старуха!

Шарлотта улыбнулась и раздвинула ноги еще шире:

– Не так стара, как ты.

Стюарт завороченно наблюдал за ее пальцами.

– Это вызов?

– Если хочешь.

Шарлотта подняла руку, и, прикрыв глаза, стала ласкать свою грудь:

– Пусть это научит тебя впредь не перечислять мне королей.

– Больше никогда, – поклялся Стюарт.

Шарлотта покачала головой, больше не в силах вымолвить ни слова, стремясь к разрядке, чувствуя, как он снова твердеет под ней. Еще мгновение – и он сжал ее талию:

– Позволь мне.

Стюарт поднял ее и насадил на себя. Шарлотта упала ему на грудь и поняла, что мир покачнулся на своей оси. Он даже не двигался, но все ее существо было сосредоточено на том месте, где соединились их тела. Шарлотта издавала невнятные стоны, кричала, извивалась, и Стюарту это безумно нравилось. Ее длинные черные локоны рассыпались по плечам, они подпрыгивали и покачивались, пока она его объезжала. Шарлотта была страстной, тесной и жаркой.

Шарлотта приподнялась и застыла в экстазе... ее тело сжимало его раскаленными тисками. Когда она обмякла, Стюарт снова перевернул ее на спину, поднял ее ноги и устроился между ними.

Шарлотта чуть приоткрыла глаза:

– Снова?

Стюарт кивнул, задав медленный и ровный ритм.

– Закончить начатое. Только теперь мы сделаем это вместе.

Шарлотта заерзала, но он придавил ее всем телом.

– Я не могу сделать что-то подобное.

Стюарт только ухмыльнулся:

– А мне нравится. Так я могу проникнуть очень глубоко...

Он вошел в нее, чтобы доказать свои слова, и она выгнула шею.

– О... я вижу.

Ее пальцы вцепились в простыню. Он уже чувствовал, как она сжимается вокруг него, и стал двигаться быстрее, выжидая, когда она почувствует себя на грани, прежде чем просунуть руку между их телами. И на этот раз, когда он впал в забытие, то знал, что она последовала за ним.

– Пьетро был стариком, – сказала Шарлотта позже, когда они лежали лицом к лицу. – Он называл себя графом, но в его титуле я сомневаюсь. Уже успел похоронить двух жен и не хотел умирать в одиночестве. Попросил моей руки после того, как Карлос бросил меня в Милане, оставив мне только вещи.

– Кто такой Карлос? – спросил Стюарт, накручивая ее локон себе на палец. Он не мог перестать касаться ее: лица, рук, волос. Она была неотразима, когда лежала на боку абсолютно голая, подложив руку под голову. Одной ночи ему было недостаточно, и все, о чем он мог думать, – как ее удержать.

– Испанец, которого я встретила в Ницце. Он показался мне настоящим мужчиной, и когда он попросил меня поехать с ним в Италию, я даже не раздумывала. Все казалось таким романтическим, и он был прекрасным...

Шарлотта осеклась, и Стюарт мысленно dokonчил за нее... «любовником». Это была вовсе не та беседа, которую он хотел сейчас вести.

– Я только потом узнала, что французы разыскивали его за контрабанду оружия испанским мятежникам, – продолжила Шарлотта с насмешливой улыбкой. – У меня ужасный вкус в отношении мужчин.

«Был», – хотелось сказать ему.

– И он тебя бросил?

Шарлотта кивнула, перестав улыбаться.

– Без единого фартинга. Еще ночью он был со мной, а утром исчез, прихватив почти все мои драгоценности. Я продолжала жить, словно ничего не случилось, но была в ужасе. Осталась одна в чужой стране. Пьетро меня спас.

– Он, по крайней мере, не был таким глупцом, как Карлос, – беспечно заметил Стюарт, а она улыбнулась, почти застенчиво, словно не так часто получала комплименты.

– Он был щедр и добр, а я была безмерно ему благодарна. Во многих отношениях это были лучшие три года в моей жизни.

Стюарт подумал, что вряд ли выдержит известие о том, что престарелый граф тоже оказался великолепным любовником:

– Брак по любви?

– О, нет, – рассмеялась она. – Брак из милосердия. И я, полагаю, вполне счастливый. Он коллекционировал прекрасные вещи, а я просто была одной из них. Лючия считает, что я была его куклой, его предлогом покупать дорогие шелка, драгоценности и женские безделушки, в которых мужчина не нуждается. У него был удивительный вкус.

Стюарт снова вспомнил про поддельные изумруды, но ничего не сказал.

– Значит, он был хорошим мужем.

– Полагаю. Он был... бессильным. Доктор сказал, что всему виной его сердце, но я думаю, что это легкие. Он постоянно кашлял, а кожа временами синела. Было ясно, что он умирает.

– Это ужасно... – вздохнул Стюарт.

Шарлотта кивнула. Глаза ее стали печальны.

– Пьетро говорил, что ему почти не больно, но когда он оказался прикованным к креслу, было очень трудно.

– Я имел в виду, быть женатым на тебе и в то же время бессильным, – пояснил Стюарт,

подавшись вперед и целуя ее. – Я бы уже через месяц перерезал себе горло.

Шарлотта зарделась. Она была такой красивой, когда краснела!.. Стюарт вдруг осознал, что раньше не видел ее такой.

– Но он... возможно, мне не следует говорить, поскольку он мертв. Но Пьетро очень остро ощущал свою потерю. Он не требовал от меня верности. Мало того, наоборот. Ему нравилось... наблюдать.

– И его не хватил при этом удар?

Стюарту стало не по себе при мысли о Шарлотте в постели с другим мужчиной, не говоря уже о том, чтобы кто-то при этом за ними наблюдал. Ему сразу захотелось плюнуть на могилу старого развратника.

– А мужчины знали, что он подсматривал?

Шарлотта еще гуще покраснела.

– Некоторые. Кому-то это нравилось, кто-то хвастался своей мужской силой перед беспомощным стариком.

– Шарлотта... – Он поколебался. – Тебе... тебе это нравилось?

Она снова стала печальной.

– Не особенно. Потому что я знала, что он смотрит, и это становилось спектаклем, долгом, который я ему выплачивала. Он показывал на мужчину и спрашивал, не хочу ли я соблазнить его. Рано или поздно мне приходилось соглашаться. Это стало его единственной в жизни радостью, особенно последние несколько недель. Никто никогда не обольщал меня.

– Итальянцы – сумасшедшие, – объявил Стюарт, решив, что с него довольно. Ее прошлое – это ее прошлое. И никто не в силах изменить его сейчас. Нет смысла волноваться насчет этого, и нет никаких причин узнавать подробности.

– С того момента, как я тебя увидел, я не мог думать ни о чем, кроме того, как обольстить тебя, и если бы кто-то хотел подсматривать за нами, я выколол бы ему глаза.

– Это совсем другое, – смущенно согласилась Шарлотта, обнимая его. – И об этом будем знать только мы с тобой.

«Так будет всегда», – безмолвно поклялся Стюарт.

Она подняла лицо, и он поцеловал ее, а потом прижал к себе. Казалось единственно правильным просто лежать здесь с ней, и Стюарт признался себе, что хотел этого почти так же сильно, как овладеть ею. Для него это было крайне необычным.

– Никто раньше никогда не обольщал меня, – сказала она.

Возможно, если кто-то обольстит ее, она останется с этим мужчиной. Из всех проблем Стюарта отныне самая главная – удержать Шарлотту.

Шарлотта проснулась от прикосновений Стюарта. Она лежала абсолютно неподвижно, расслабленная и еще не проснувшаяся до конца, ощущая, как его пальцы скользят по ее спине. Она чуть приоткрыла глаза. Ее волосы беспорядочно рассыпались по лицу и плечам, а поскольку голова лежала на руке, она могла незаметно за ним подсматривать.

Когда Стюарт поглаживал ее плечо, выражение его лица было открытым и восхищенным. Оно ничем не напоминало самодовольное выражение лица мужчины, добившегося своей цели, триумфально исполнившего потаенные желания. Скорее выражением лица человека, пораженного выпавшим на его долю счастьем.

Шарлотта закрыла глаза.

Одна ночь. Он сказал об этом, когда заключал пари. Что, если он попросит большего? А вдруг не попросит? Не лучше ли закончить все это сейчас, прежде чем она упадет с небес на землю, или поставить на карту все и продолжить роман? Ужасный выбор... всем своим

существом она жаждала увидеть, куда приведут эта странная дружба и мощное влечение. Но здравый смысл и правила приличия диктовали, чтобы она положила конец их отношениям как можно скорее, прежде чем Сьюзен узнает. Прежде чем пострадает репутация девушки.

«Конечно, Сьюзен еще и понятия ни о чем не имеет, и ей не обязательно об этом знать, – шептало сердце Шарлотты. – Зачем без всякого повода лишать себя наслаждений? Особенно когда ты уже зашла так далеко...»

Шарлотта тихо застонала и пошевелилась. Пальцы Стюарта замерли, потом ласки возобновились, но на этот раз они стали более дерзкими.

– Уже вечер? – сонно спросила она.

– Ни в коем случае, – немедленно ответил он, придвигаясь ближе. Его напряженная плоть скользнула по ее бедру, и Шарлотта снова потянулась, выгнув спину и млея от каждого его прикосновения.

– Уверен? – спросила она, откинув волосы с лица. – За окном темно.

– Просто пасмурно.

Стюарт провел пальцем по ее позвоночнику. Ниже, еще ниже...

Она затаила дыхание, когда ласки стали еще более интимными, затем подняла голову и закинула волосы за плечо. Стюарт приподнялся на локте: на губах – улыбка, в глазах – неприкрытое желание. Шарлотта снова подняла голову и посмотрела в окно. Шторы так и не были задвинуты, и она видела висящую низко в небе бледную луну.

– Ты зажег лампы.

– Хотел видеть тебя, – пояснил Стюарт с улыбкой, – поскольку небо затянуло облаками.

Не переставая говорить, он лег на нее, поцеловал в затылок и коленом раздвинул бедра:

– Клянусь, день еще не закончился.

– Стюарт, уже вечер, – настаивала Шарлотта, безуспешно пытаясь скрыть сожаление. – Нельзя делать вид...

– Можно, – властно возразил он, вдавливая ее голову в подушку. – Не открывай глаз и никогда не поймешь разницы.

Стюарт приподнялся, сжал ее бедра и поставил на колени, но так, что голова по-прежнему оставалась на подушке. И вошел в нее одним мощным выпадом. Шарлотта застонала и вцепилась в наволочку.

Стюарт задавал ритм. Когда она пыталась его ускорить, он крепко нажимал ладонью на ее поясницу. Но Шарлотта сопротивлялась, поэтому он прижал ее плечи к подушке, не давая шевелиться. Когда его выпады стали жестче и глубже и Шарлотта ощутила внутренний трепет, он наклонился над ней и просунул руку к тому месту, где они слились воедино.

Шарлотта охнула и приподнялась на руках, пытаясь двигаться в унисон с ним. Но он нежно и настойчиво толкнул ее обратно.

– Только чувствуй, – пробормотал Стюарт, тяжело дыша. – На этот раз тебе ничего не нужно делать. Только чувствовать.

Шарлотта чувствовала. Она не могла избежать этих чувств. Нервы были натянуты, как тетива лука, а тело молило о разрядке. Она закрыла глаза и забыла обо всем, кроме ощущения его рук и требований своего тела. Она прижалась лбом к подушке и стала двигаться, изгибая спину, чтобы вобрать его еще глубже. Наконец настала желанная разрядка. Она смутно ощутила, как его рука снова сжала ее бедро: он тоже нашел собственное наслаждение.

Не выпуская ее из объятий, Стюарт перекатился на бок. Счастливая и удовлетворенная Шарлотта лежала, прижавшись к нему спиной. Она почти убедила себя в том, что может остаться с ним. Нет никаких причин, почему бы двум одиноким людям не наслаждаться тайным романом. Хотя... где? Не может же она пригласить его в свою постель, если Сьюзен будет спать

в соседней комнате. А у Стюарта нет своего жилища.

Но тут ей что-то вспомнилось, и она выпалила, прежде чем успела сообразить, что говорит:

– Что такое Оуквуд-парк?

Он прижался щекой к ее плечу:

– Хм-м-м-м... где ты об этом слышала?

– В ту ночь, когда мы ездили в оперу. Он принадлежит тебе?

– Нет, – ответил Стюарт, немного помолчав.

– Почему Баркли считает, что ты должен быть там?

Стюарт сжался, отодвинулся от нее и встал.

– Оставь это, Шарлотта. Я не хочу обсуждать Оуквуд-парк, – заявил он и, избегая ее взгляда, надел халат.

Шарлотта села и прикрылась простыней:

– Кто этот Баркли? Почему ты должен ему платить? Ты в опасности?

– Не в смертельной, – невесело рассмеялся он и, взглянув наконец в ее лицо, вздохнул: – Оуквуд – небольшое поместье, которое я хотел купить, но это мне не по карману. Баркли – мой банкир. – Стюарт встряхнул ее нижнюю юбку и положил на кровать: – Проголодалась?

Шарлотта продолжала в недоумении смотреть на него:

– Но герцог Уэр сказал, что Баркли послал человека в Оуквуд-парк искать тебя. Зачем ему это? Почему ты должен платить своему банкиру?

И тут ее осенило.

– Ты купил его, верно? – прошептала она. – И должен платить банкиру, потому что поместье заложено.

– Разговор окончен, – отрезал он и, встав на колени, выудил из-под кровати свои сапоги.

– Если бы я согласилась отдать тебе Сьюзен в жены, ты смог бы выкупить поместье, – вырвалось у Шарлотты. Неудивительно, что он был так зол на нее! – Но теперь ты можешь потерять его, и все из-за меня.

– Шарлотта. – Он потер лицо ладонями: – Прекрати.

– Ты стал бы хорошим мужем для нее, верно? – с трудом выдавила она. Горло перехватило так, что слова давались ей с трудом. – А если бы она вышла за тебя, ни за что не убежала бы.

Стюарт возмущенно вскинул голову. Она отвернулась и поползла к другой стороне кровати, но он успел ее схватить.

– Ты не сделала ничего плохого, – свирепо прорычал он, приблизив к ней лицо. – И была права насчет меня. Я хотел жениться на ней из-за денег, не из-за ее очарования, красоты или любви. Ты была права, не доверяя мне. Потому что защищала ее. Сьюзен убежала, потому что она совсем еще девочка, слишком молодая и нетерпеливая, чтобы понять, насколько правдивы твои слова. Она была бы несчастна со мной, как и я с ней. В немалой степени потому, что я не мог смотреть на нее, не думая о тебе.

Шарлотта поморщилась и поджала губы. Она не заплачет!

Стюарт со вздохом опустил плечи:

– Да, я купил поместье. Потому что успею совсем состариться, прежде чем унаследую Белмейн, и не могу всю жизнь ждать, пока Теренс соизволит выделить мне хотя бы фартинг. Если бы фермы начали приносить прибыль, у меня был бы независимый доход, не говоря уже о собственном доме. Но в поместье нужно вложить много средств, так как оно много лет было заброшено. Поэтому мне пришлось занять денег у Баркли. А поскольку Теренс отказался выплачивать мне содержание, я не могу вернуть долг.

– О, Стюарт, мне так жаль! – прошептала Шарлотта.

И это была правда. Она отчаянно жалела его. Не потому, что отказала в руке Сьюзен, хотя

теперь ее причины были куда более сложными. Зачем она распространила о нем сплетни, лишив возможности выгодно жениться? Если бы только она не пришла к столь ужасным заключениям насчет Стюарта...

Уголки его губ чуть приподнялись.

– Тут нет твоей вины, – повторил Стюарт. – Я просто... – Он вздохнул. – Я неверно судил о Теренсе. Не думал, что он так сильно отреагирует на слухи, тем более что всегда считал сплетников гнусными бездельниками, развлекающимися тем, что мелют вздор, который сами и придумывают.

– Но Теренс может и передумать, – начала Шарлотта.

Стюарт покачал головой:

– Вряд ли я могу рассчитывать на то, что он придет на помощь.

Что-то в его голосе дало ей понять, что лучше не продолжать.

Она облизала губы:

– Что ты будешь делать?

Стюарт не ответил. Просто смотрел на нее потемневшими глазами. Что в них? Сожаление?

Затем он пожал плечами и улыбнулся:

– Что-нибудь придумаю. Фальшивые пенни никогда не исчезают из оборота.

Шарлотта хотела получить ответ, но не пыталась настоять на своем. Если бы Стюарт желал ей рассказать, он сделал бы это, когда она спросила в первый раз.

Она сказала себе, что это не ее дело. Она всего лишь его любовница... это временные отношения, которые рано или поздно закончатся. Стюарт имеет полное право решать свои проблемы, как считает нужным... включая женитьбу на наследнице.

Шарлотта снова попыталась встать с постели, он ее не остановил. Когда она натянула платье, он зашел ей за спину, чтобы застегнуть пуговицы, которые всего несколько часов назад едва не сорвал.

Шарлотта неожиданно обрадовалась тому, что он ничего ей не сказал. Она не хотела знать, целиком ли заложено поместье, нуждающееся в немалом ремонте и переделках. Все это означало, что ему понадобится много денег, а она не желала думать о том, как джентльмен без профессии и дохода сможет получить такую сумму.

– Уже поздно, – произнесла она, чтобы прервать оглушительное молчание. – Думаю, мне следует поехать в гостиницу.

Стюарт со вздохом прервал свое занятие:

– Шарлотта, это будет выглядеть еще хуже, чем есть на самом деле. Почему в таком случае сразу не объявить всем, что ты переспала со мной?

Она сжалась.

– Вернись в дом моих родителей. Пребывание в гостинице только подтвердит, что ты вовсе не чиста. Все в городе будут знать, что это означает.

Плечи Шарлотты опустились:

– Правда?

– Правда.

Он взял ее за руку, и она впервые за несколько минут встретила его взгляд.

– Родителей наверняка не будет сегодня вечером, они и не узнают, когда ты вернулась.

Шарлотта выдохнула и выпрямилась:

– Хорошо. Но если твой отец скажет хоть одно слово...

– Вчера ты прекрасно с ним справилась, – отмахнулся Стюарт. – Иногда Теренсу очень нужно, чтобы кто-то поставил его на место.

Она еще немного поколебалась, но затем кивнула. Стюарт сжал ее руку, но тут же выпустил,

чтобы не потащить ее в постель. А ему так хотелось, чтобы замкнутое, скованное выражение ее лица сменилось на приветливое!

На обратном пути оба молчали. Оказалось, что его предсказание верно: родителей не было дома. Шарлотта пожелала ему спокойной ночи и, не оглядываясь, поспешила подняться на крыльцо.

Стюарт проводил ее взглядом, жалея, что Шарлотта спросила его, что он намерен делать. Вот уже неделя, как он пытался забыть о своих проблемах, и добился этого сегодня днем. Но рано или поздно придется остаться лицом к лицу с реальностью, и он боялся, что ответы понравятся ему не больше, чем во времена его отъезда из Кента.

Теренс не передумает. Стюарт попытался очень мягко его расспросить и обнаружил, что не только отец не смягчился, но теперь и мать с ним согласна. Это полностью уничтожило надежды на то, что его скромная, полная раскаяния жизнь и помощь матери со временем убедят Теренса с ним помириться. Какая ирония! Мать стойко защищала сына, несмотря на все непристойные выходки, которые он творил, а теперь покинула, невзирая на его полнейшую невинность. Он помог Элизе Пенниурт сбежать, но на этом все. Неужели в нем есть нечто такое, что заставляет людей верить в худшее?

Но дело не в этом. Стюарт знал, что завоевать милость Теренса будет нелегко, особенно учитывая то, что он без всякого предупреждения прибыл в родительский дом вместе с Шарлоттой, тем самым значительно уменьшил шансы на примирение. Но следующий логический шаг – женитьба на наследнице – казался совершенно неприемлемым. И это тоже благодаря Шарлотте.

Стюарт поехал в Уэр-Хаус. Экипаж, как все в его жизни, был взят на время. Он отдал поводья конюху и ушел, хотя правила приличия требовали еще раз поблагодарить Уэра.

Стюарт сознавал, что ему чрезвычайно повезло иметь такого друга: Уэр поручился за него перед банкиром, одолжил элегантный экипаж, запряженный лучшими в Лондоне лошадьми. Но все это было уже чересчур. Стюарт устал постоянно брать займы, всегда просить одолжений у друзей, которым повезло больше. На этот раз он полон решимости встать на ноги или погибнуть, пытаясь добиться самостоятельности.

Стюарт вернулся обратно в дом Филиппа. Здесь, как всегда, было тихо и сумрачно, но теперь дом казался одиноким... и пустым. Стюарт поднялся наверх, живо припоминая, где остановился, чтобы поцеловать Шарлотту, где снял с нее платье, где она сказала, что хочет его. В спальне все еще витал аромат ее духов.

Жаль, что он заключил пари на ночь, а не на год!

Стюарт сел на край кровати и, не сознавая, что делает, коснулся ее подушки. Она никогда не останется с ним на год. Как только они найдут Сьюзен, Шарлотта возьмет племянницу и уедет. Вернется в Кент или в другое место, где никто не будет знать о скандале. Как бы Стюарт ни боялся этого момента, все же он не мог заставить себя желать, чтобы поиски ни к чему не привели. Это больно ранит Шарлотту, а Стюарт не хотел этого, как бы тяжело ему ни далась разлука. Но когда она уедет...

Стюарт почти против воли стал обдумывать свои мотивы, которые заставили его предложить помощь Шарлотте в поисках племянницы. Почему он провел последнюю неделю, прочесывая Лондон, хотя его финансовая ситуация ухудшалась с каждой секундой? Конечно, так поступают истинные джентльмены, и причина кроется отчасти в этом. Но он также чувствовал свою ответственность и даже вину за исчезновение Сьюзен, поскольку именно его ухаживания стали поводом для окончательного разрыва между теткой и племянницей. Но главная причина не имела ничего общего с честью и благородством. Он предложил помочь Шарлотте, потому что хотел быть рядом. Хотел сделать все, чтобы она снова была счастлива. Хотел видеть ее улыбку,

обращенную к нему, чувствовать ее пальцы на своей коже, вдыхать нежный теплый аромат ее духов и держать ее в объятиях каждую ночь в обозримом будущем.

Это перевернуло вверх дном все его планы. До появления Шарлотты идея женитьбы на богатой молодой девушке казалась вполне разумной. Не идеальной, но вполне здоровой. Теперь он не мог представить женщину, достойную занять место Шарлотты, и не был уверен, что вынесет жизнь с кем-то другим. Он все еще мог жениться на наследнице – скандал постепенно затихал – и сохранить Оуквуд-парк, восстановить его, как мечтал, и обрести давно желанную независимость. Но тогда он потеряет Шарлотту.

Стюарт снова подумал об Оуквуд-парке. Это было его многолетней мечтой, еще с тех пор, как он, будучи молодым человеком, закончил университет и наконец понял, что вся его жизнь отныне превратилась в ожидание: в восемьдесят лет дед все еще был здоров и крепок, как и Теренс, которому не было и пятидесяти. В то время как некоторые его друзья, и Уэр в том числе, заявляли, что могут ждать десятилетия до того, как вступят в наследство, Стюарт всегда жалел, что его ожидание продлится так долго. Одним из его увлечений было осматривать выставленные на продажу поместья и оценивать их, словно он собирался что-то покупать. При этом он воображал, как улучшит свою собственность, как будет ей управлять.

Оуквуд-парк украл его сердце, и Стюарт сделал этот важный шаг с холодной решимостью добиться успеха.

Но сейчас, размышляя о поместье, он видел его таким же холодным и одиноким, как дом Филиппа. Стоит ли возможность ездить по собственным полям и заниматься хозяйством того, что женщина, которая станет встречать его на пороге, будет вовсе не той, которую он хочет? Какое-то время назад он был уверен, что женщина может быть какой угодно, только бы она была богата, чтобы он сумел получить особняк и поля. Однако теперь он считал, что при подобном стечении обстоятельств его существование будет невыносимым, потому что... потому что...

Стюарт робко допустил опасную мысль. Он влюбляется в Шарлотту. Это было более чем пугающим. Он не знал ни одного человека, которому любовь принесла бы что-то хорошее. Много лет назад Уэр был влюблен и, когда девушка разбила его сердце, прошел сквозь ад. Похоже, для него этот ад так и не кончился. Эйдан Монтгомери был так безумно влюблен, что собирался дезертировать с королевского флота, и тоже остался с разбитым сердцем. Стюарт не желал себе подобной боли. Но опасался, что уже слишком поздно. Хотя он был на грани разорения и вот-вот должен был потерять поместье, в которое весь последний год вкладывал энергию и деньги, и остаться бездомным и нищим, он не мог думать ни о чем, кроме Шарлотты в постели с другим мужчиной: с кем-то вроде Карлоса или Пьетро либо еще с каким-то безымянным фатом, которого Стюарт уже ненавидел.

Он хотел ее, эгоистически хотел для себя, пусть и признавал, что ему нечего предложить ей, кроме себя самого.

Стюарт невесело улыбнулся. Какое значение имеют его чувства к ней? Он не знал, отвечает ли она на его чувства и способна ли вообще ответить, учитывая, при каких обстоятельствах они встретились. Он не сомневался в ее преданности племяннице, которую Шарлотта горячо любила. Вряд ли стоит ее за это осуждать, наоборот, Стюарт любил ее за это, зная, как редка такая верность, даже среди родственников. Оставалось только восхищаться ее постоянством, которое никуда не делось даже после мятежа Сьюзен.

У Стюарта оставался только один выход. Сначала он сделает все, чтобы отыскать Сьюзен, поскольку иначе Шарлотта никогда не будет счастлива по-настоящему. Тем самым он сдержит обещание. А когда ее племянница будет благополучно возвращена и все успокоится, он поймет, действительно ли ей безразличен, и если это так, они вместе решат, что им делать со своими чувствами.

Шарлотта сколько возможно оттягивала свое появление в столовой. Горничная по привычке не принесла ей завтрак.

Шарлотта едва сдерживалась, чтобы не потребовать саквояж и не начать складывать вещи. Но Стюарт прав: она не могла так просто уйти. Поэтому она сошла вниз, как делала это каждое утро.

Сейчас, поздно утром, столовая была пуста. С буфета уже успели убрать блюда, но лакей принес ей тосты и чай. У ее тарелки лежали два письма, и Шарлотта прочла их за едой.

Первое было от Люции – ответ на послание Шарлотты.

«Итальянцы? О, как я мечтаю встретить итальянцев в Кенте! Жаль, что здесь нет ни одного, кроме меня, хотя я здесь играю роль достопримечательности. А может, дело в моей славе? Так или иначе, все восхищаются моим акцентом, и я получаю много приглашений на ужины и обеды, что просто прекрасно, хотя английская кухня самая отвратительная в мире».

Шарлотта пробежала глазами несколько абзацев, пока не наткнулась на ответ Люции на свой второй вопрос:

«После твоего отъезда случаев взлома больше не было. Дом охраняется, как королевская сокровищница, и, увы, никто не приходил рыться в моем белье, даже мистер Уитли. Я распаковала все ящики и коробки, что значительно улучшило интерьер дома: зря ты оставила столь прекрасные вещи в соломе. Но хотя я четыре ночи подряд ждала с пистолетом наготове, воры не явились. Только ради тебя я способна уложить вещи снова и сделаю все возможное. Я также велела настроить пианино, хотя инструмент довольно плох, но прежде чем ты спросишь... нет, я не нашла свою музу. Боюсь, мистера Уитли можно назвать всего лишь Керубино. Он лучше умеет петь о своей любви, чем доказывать ее на деле...»

Шарлотта отложила письмо, решив еще раз перечитать его позже. Что будет, если Люция решит вернуться на сцену?

Адрес на другом письме был написан смутно знакомым почерком. Но она поняла, кто автор, только распечатав конверт. Сердце забилось сильнее, когда она увидела, что это Стюарт. Он узнал от Бентона, что худой темнокожий мужчина, которого считали испанцем, жил некоторое время в пригороде, в комнате над таверной. Он внезапно уехал в то же время, когда сбежала Сьюзен, но поскольку он заплатил за весь месяц, хозяин не слишком возражал против этого.

Стюарт добавил, что немедленно передаст эту информацию Питни и поможет ему продолжать поиски. Он пообещал сообщить обо всем, как только сможет. Письмо было подписано одной буквой «С».

Когда в комнату вошла хозяйка, Шарлотта перечитывала его, обводя пальцем каждую острую букву и думая о руке, которая выводила фразы.

– Доброе утро, графиня, – прощбетала Амелия с сияющей улыбкой.

– Доброе утро, – ответила Шарлотта, складывая письмо.

– Какой чудесный день! Не согласитесь поехать со мной на Бонд-стрит?

– О, нет, спасибо.

Шарлотта взволнованно перекладывала письма с места на место. Это совершенно

невыносимо! Она завтракает с матерью любовника!

– Миссис Дрейк, я высоко ценю ваше гостеприимство, но, возможно, будет лучше, если я сниму номер в гостинице. Нельзя же надоедать вам вечно...

– Вздор! – воскликнула Амелия. – Вы должны остаться здесь! Леди, одна, в гостинице? Это просто не принято!

– Я могла бы вызвать подругу из Кента, – попыталась возразить Шарлотта. Но Амелия подняла руку:

– Вы уже устроились здесь! Пожалуйста, оставайтесь! Я так довольна, что мы можем помочь друг другу в это сложное время!

– Это очень любезно с вашей стороны, но вы уже были безмерно добры к незнакомке, и трудно требовать большего...

– Дорогая моя! – Амелия опустила взгляд: – Пожалуйста, останьтесь. Умоляю.

– Но я...

– За эти две недели я видела своего сына чаще, чем за весь прошлый год, – пробормотала Амелия, не поднимая глаз. – Я не так глупа, чтобы воображать, что он станет завтракать со мной, как только вы уедете.

Шарлотта подумала, что в жизни не видела более странной семейки, чем Дрейки. Мистер Дрейк едва ли не при Шарлотте грозился выкинуть ее на улицу, а жена заклинает остаться. Что происходило между ними, когда они обсуждали разницу во взглядах?

Шарлотта поставила бы все деньги на то, что обычно побеждает мистер Дрейк, хотя при каждой встрече он всего лишь сверлил ее злобным взглядом.

Ей пришлось сдаться:

– В таком случае, если мое присутствие не окажется бременем, я останусь.

– Вовсе нет! – облегченно улыбнулась Амелия, но Шарлотта вдруг поняла, что хозяйка едва сдерживает слезы.

– Вы останетесь у нас на столько времени, сколько понадобится, чтобы найти вашу племянницу.

Шарлотта показала на лежавшие около тарелки письма:

– Сегодня Стюарт сообщил, что его камердинер слышал об иностранце, в прошлом месяце жившем в окрестностях Танбридж-Уэллса. Он вполне мог быть итальянцем. Сегодня Стюарт и мистер Питни принимают за его поиски. Надеюсь, Сьюзен очень скоро найдут.

– Разумеется. Я молюсь об этом. Дай бог, чтобы ей не причинили зла.

Шарлотта не хотела даже думать о том, что сделает, если Сьюзен вернется физически или морально раненная либо, не дай бог, беременная. Если ее убедили, что свадьба близка, значит, могли уговорить на неслыханные вольности.

Какая ирония в том, что это она, сбжавшая из родительского дома с возлюбленным, страдает, потому что Сьюзен отдастся человеку, который не собирается на ней жениться!

Разница, конечно, есть. И она в том, что у Сьюзен по-прежнему остается шанс выйти замуж за порядочного человека. Шарлотта делает все возможное, чтобы этот кошмар остался в тайне. Именно поэтому она согласилась на доводы Стюарта и показалась в обществе. Если чья-то репутация должна пострадать, пусть это будет ее репутация. Шарлотта искренне надеялась, что, если их имена будут связаны с каким-то скандалом, ее непристойное прошлое отвлечет людей от исчезновения Сьюзен.

Извинившись, она вернулась к себе, перечитала письма и улыбнулась жалобам Лючии на неизменную нерешительность мистера Уитли. Но заново настроенное пианино – хороший признак.

Она тут же написала ответ. Поблагодарила Лючию за новости и намекнула насчет горячего

приема, который встречают в Лондоне даже средние певцы. Лючия не выносила одного – несправедливых похвал.

Письмо от Стюарта показалось менее удовлетворительным, потому что было короче, а она даже не могла ответить. Ей хотелось поскорее выяснить, что он узнал, и на этот раз сопровождать его в поисках. Сидеть день за днем в четырех стенах было кошмаром. Хотя Шарлотта признавала, что первое время после исчезновения Сьюзен находилась в постоянном состоянии истерики и вряд ли могла помочь. Теперь же эмоции перекипели, превратившись в холодную, жесткую решимость. Пусть Стюарт так благородно пришел ей на помощь, но Шарлотте хотелось сознавать, что она делает что-то сама. Писать Лючии и ждать известий от Сьюзен? Это ей не подходит. Даже если она ничего не добьется, все равно почувствует себя лучше. Сейчас ей нечего делать, кроме как думать о всех своих бедах, что не слишком утешает.

Ко второму завтраку Шарлотта окончательно расклеилась. От тревоги внутренности так сильно стянуло узлом, что она не могла есть. От Стюарта не было известий. И хотя было совершенно неразумно предполагать, что он каждый час будет писать по письму, ожидание истощало ее терпение и действовало на нервы. Она легла на кровать и попыталась отдохнуть, но глаза отказывались закрываться. Шарлотта смотрела в потолок и постоянно возвращалась мыслями к прошлой ночи. Она попала в ужасный переплет. Все еще хуже, чем она боялась. Отдавшись Стюарту, она не удовлетворила вожделения, как надеялась. Стоило подумать о его руках, ласкавших ее тело, как в крови закипал жар. Шарлотта вполне понимала свое состояние: так часто бывало в начале романа. Ее больше волновало воспоминание о выражении лица Стюарта, которое она заметила, когда он думал, что она спит. Ни один мужчина не смотрел на нее так: словно она была бесценна и удивительна и превзошла все его ожидания. Словно не мог поверить, что на его долю выпала такая удача: найти ее. Словно он может стать особенным, не таким, как остальные мужчины в ее жизни.

Она уткнулась лицом в подушку. Это происходило снова! Она влюбляется в мужчину, который никогда на ней не женится. Но по крайней мере теперь ей тридцать, а не семнадцать и она не питает иллюзий относительно будущего. Ради благополучия Сьюзен она должна оставаться уважаемой дамой. А Стюарт должен найти богатую жену. Их связь должна остаться короткой и тайной: украденные часы или минуты, которые ее не удовлетворят.

На какой-то отчаянный момент ей захотелось, чтобы поиски Сьюзен продолжались много недель и у нее оставалась возможность насладиться временем, проведенным со Стюартом.

В ее глазах медленно собирались слезы. Она неисправимо порочна! Потому что желает принести в жертву своим грешным желаниям невинную племянницу.

Шарлотта с отвращением вытерла слезы. Все равно они не принесут никакой пользы. Она усвоила этот урок много лет назад. Когда отец выгонял ее из дома, она плакала и плакала, умоляя сменить гнев на милость и позволить ей остаться. Но он отвернулся и ушел, ничего не сказав.

Шарлотта вскочила с постели. Ей необходимо отвлечься от несчастий своей жизни. Она обещала сегодня поехать на бал вместе со Стюартом, но до вечера еще далеко. Если повезет, она получит обнадеживающие известия о Сьюзен, что, невзирая на ее чувства, положит конец всему. Нужно заставить себя надеяться на это.

Окончательно измучившись, она отправилась в библиотеку. Шарлотта не слишком любила читать, предпочитая поступки, а не их описания. Она почти не спала прошлой ночью и должна была устать. Если ей удастся найти достаточно скучную книгу, она заснет, и тогда не придется думать.

В библиотеке Дрейков было тихо и сумрачно, то есть, по ее мнению, атмосфера была достаточно унылой. Шарлотта брела вдоль полок, щурясь, чтобы разобрать названия. Комната

была в форме подковы и располагалась рядом с застекленным садом-ротондой. Когда она свернула за угол, свет почти исчез. К своему удивлению, она увидела в дальнем конце занавешенное шторами окно. Все еще надеясь найти книгу по сельскому хозяйству или политический трактат, Шарлотта немного их отодвинула. В комнату ворвался свет. Шарлотта повернулась к полкам и ахнула.

На нее смотрел Стюарт. Она моргнула и, не веря глазам, снова всмотрелась в отличавшийся исключительным сходством с оригиналом портрет. Художнику удалось почти точно передать линию его носа и изгиб бровей. В глазах светился намек на дьявольское веселье. Одет Стюарт был очень просто.

Шарлотта нахмурилась. Одежда была старомодной, такую носили десятилетия назад. Значит, это не Стюарт, а его родственник. Интересно, кто это и почему портрет повесили в самом темном углу дома?

– Страдаете излишним любопытством?

Вздвигнув от страха и сдавленно вскрикнув, она повернулась. Перед ней, опершись на палку и яростно глядя на нее, стоял Теренс Дрейк.

– Шарите по углам, вот как? – обрушился он на нее, кивком показав на портрет. – Вам больше не о чем волноваться? Вспомнили бы о своих неприятностях!

Шарлотта сложила руки на груди и вскинула подбородок:

– Вовсе нет. Я искала книгу, но ничего не видела в темноте. – Она многозначительно глянула на шторы. – Хм-м-м.

Мистер Дрейк подковылял ближе.

– Продолжайте. Спрашивайте. Вижу, вам не терпится узнать.

Он снова кивнул в сторону портрета. Но Шарлотта туда даже не взглянула.

– Это, разумеется, не мое дело. Я просто поразились сходству.

Теренс повернулся к портрету. Лицо его стало еще более озлобленным и язвительным.

– Это просто невероятно. Они похожи, как близнецы. И оба прогнили насквозь.

– Как вы можете? – выпалила Шарлотта, не сумев сдержаться. – Он ваш единственный сын!

Теренс фыркнул.

– Кровь не обманешь. Я знаю его, знаю, каков он.

– Да, кровь нельзя обмануть. Зато ее можно предать. Мне сложно согласиться с вами, сэр, – холодно отрезала она.

Мистер Дрейк продолжал смотреть на портрет с таким видом, будто хотел сорвать его со стены и уничтожить.

– Ваша кровь предала вас, верно? Сбежала с негодяем? Забыла о долге перед семьей и сделала так, как угодно ей.

– Она всего лишь девочка, – возмутилась Шарлотта. – Я ее единственная родственница, и это у меня долг перед ней. Не наоборот.

– Соблазнитель, лжецы, игроки, – проворчал мистер Дрейк. – Ни унции ответственности! – Он ткнул пальцем в портрет? – Мой родной брат! Какое счастье, что он умер молодым! Мой сын, – с презрением бросил он, – просто его копия. Мой отец терпел обоих, а они ничего для него не сделали! Если вы мудры, графиня, оставайтесь бездетной! Ваша племянница доказала, что она слаба и порочна, и это у нее в крови: уверяю, эти качества обязательно обнаружат себя снова при первой же возможности.

Его рука упала. Он снова посмотрел на картину, и в его взгляде была ничем не прикрытая ненависть.

– Доброго вам дня.

Потрясенная до глубины души такой грубостью и язвительностью, Шарлотта выбежала из

библиотеки.

Бедный Стюарт. Иметь такого отца! Каково это – жить здесь много лет под гнетом неприязни и нелюбви? Мать любила Стюарта, но при этом считала негодям. Что заставило отца ненавидеть сына с такой силой, чтобы желать ему смерти? И как мог сын в подобной атмосфере вырасти хорошим человеком?!

Шарлотта все больше жалела, что когда-то выложила леди Килдер сплетни о Стюарте. Это несправедливо, тем более что сама она ничего не знала точно. И вот теперь сгорала со стыда, обнаружив, что все это, возможно, ложь. Стюарт прогневал отца всего лишь фактом своего существования, а остальные причины уже неважны. Она бы сама ни за что не пыталась угодить ненавидевшему ее человеку. Даже если этот человек – ее отец.

Шарлотта пыталась внушить себе, что это не ее дело, и, если она будет совать нос в семейные тайны, их всех ждут новые беды. Стюарт не хотел говорить о себе. Ей придется сдерживать любопытство.

Бал, на который Шарлотта поехала вечером, послужил прекрасным средством отвлечения. Она так и не узнала, каким образом получила приглашение к Трокмортам, которое привез лакей. Конечно, все это было благодаря стараниям Стюарта, и Шарлотта поняла, что хотя ему не повезло с родными, зато повезло с друзьями. Герцог и герцогиня Уэр пригласили ее их сопровождать, так что ее прекрасно приняли. Но когда пришлось проходить через многолюдный бальный зал, ею овладела тревога. Шарлотта снова почувствовала себя не на месте, она почти боялась общества. Она стояла рядом с герцогиней, невольно прислушиваясь, не раздадутся ли возмущенные возгласы или язвительный шепоток.

К счастью, все затмила новейшая скандальная сенсация. Герцог Эксетер собирался жениться, что стало полной неожиданностью для окружающих. Извещение о предстоящей свадьбе появилось в «Таймс», и оно застало врасплох даже любовницу герцога. Шарлотта с тайным облегчением наблюдала, как герцог с невестой, привлекая все больше взглядов и вызывая новые комментарии, сделали несколько кругов под музыку.

– Ну и история с Эксетером, – заметила герцогиня Уэр, обмахиваясь веером. – Многие из присутствующих должны вознести за него благодарственную молитву, ведь он преподнес им такую сенсацию! Здесь, в этом зале, могли бы произойти убийства и грабежи, но никто ничего бы не заметил.

Шарлотта позволила себе легкую, виноватую улыбку.

– Совершенно верно, ваша светлость.

К ним направлялся джентльмен, и герцогиня довольно улыбнулась:

– Это лорд Роберт Фэрфилд, – сказала она. – Вы пришли потанцевать с моей приятельницей, молодой человек?

Он поклонился, блестя глазами:

– Если леди окажет мне честь, ваша светлость, – ответил он и обратился к Шарлотте: – Могу я претендовать на эту кадрили?

Шарлотта поколебалась, но герцогиня взмахнула веером:

– Можете потанцевать с лордом Робертом, дорогая. Он вполне респектабелен.

Шарлотта поняла, что не сможет отказаться. Поэтому она кивнула и подала молодому человеку руку.

– Не бойтесь, – прошептал он, когда они заняли свои места. – Дрейк остерег меня насчет герцогини.

– О чем вы?

Она оглянулась. Герцогиня самодовольно улыбалась.

– Да ведь она охраняет своего сына! Считает, что любая женщина в Лондоне стремится поймать Уэра в свои сети. Дрейк знал, что она заставит вас танцевать всю ночь.

– Вот как?! – удивилась Шарлотта. – Так Стюарт договорился и об этом танце?

– Дрейк предложил мне возможность пригласить вас, – ухмыльнулся он, – поскольку сам он должен прибыть позже. Как только он появится, я не посмею пригласить вас снова.

Шарлотта рассмеялась, прежде чем танец увел ее от него. Когда кадрили закончилась, герцогиня представила ее еще одному джентльмену, тоже оказавшемуся другом Стюарта. Она танцевала и с ним. Не успела Шарлотта оглянуться, как ее бальная карточка была заполнена, и она почти наслаждалась, тронутая тем, на что идет ради нее Стюарт.

Стюарт приехал к Трокмортонам очень поздно. Грязный и уставший после дня, проведенного в поисках итальянцев на пристанях и в людных лондонских переулках, он вернулся домой, где обнаружил, что забыл сгрести угли в кучу и огонь погас. Ушло немало времени на то, чтобы немного нагреть воду, умыться и побриться, а потом пришлось идти на бал пешком, поскольку он потратил все выданные Шарлоттой деньги на поиск информации. Когда он поднимался на крыльцо дома Трокмортонов, в желудке урчало. Он вознес благодарственную молитву за то, что сплетники нашли новый предмет для пересудов и теперь он вновь считается уважаемым джентльменом, пусть и чисто номинально.

В бальном зале было полно народа, и он не видел ни Шарлотты, ни Уэра. Прошел сквозь толпу, обшарил террасу и игорную комнату, но безрезультатно.

Стюарт договорился со всеми друзьями, пользовавшимися хорошей репутацией, попросив их сделать все, чтобы Шарлотта чувствовала себя защищенной от сплетен. Стюарт знал, что знакомство с ним вряд ли будет говорить в ее пользу, но Уэр был выше всяких подозрений.

Наконец он увидел ее, великолепную и неотразимую в льнувшем к ее телу шелке сапфирового цвета. Она играла с веером и кокетливо улыбалась кому-то, не разжимая губ, что придавало ей таинственности и делало влекущей и невероятно соблазнительной! Она была так прекрасна, что Стюарт едва не опустился перед ней на колени.

– Стюарт Дрейк! Наконец-то звезды привели вас в Лондон!

Его пальцы сжала женская рука, и Стюарт едва сдержал проклятие. Леди Эмили Бертон прижалась теснее, словно позволяя кому-то пройти, но потом не отстранилась. Стюарт вздохнул и, убрав ее пальцы от своего рукава, поднес их к губам в коротком поцелуе.

– Добрый вечер, Эм.

Бывшая любовница улыбнулась:

– Удивительный вечер, учитывая все скандалы! Во-первых, Эксетер и Сюзанна Уиллоуби вот-вот обвенчаются. Сюзанна объявила, что станет следующей герцогиней Эксетер.

– Возможно, ей следовало подождать, пока Эксетер сам об этом объявит, – пробормотал Стюарт, все еще наблюдая за Шарлоттой. Ее игру с веером можно было назвать коварной. Этой женщине просто нельзя позволять держать что-либо подобным образом!

– Эксетер скорее предложит удочерить ее, чем женится! Я думала, что он останется последним холостяком в Лондоне, – заметила Эмили, пальцы которой снова стали красться по его рукаву. – Если не считать тебя.

– Ты, как всегда, богатый источник информации, Эмили.

Стюарт снова убрал ее руку. Подумать только, когда-то он находил ее развязность волнующей! Как же он был глуп!

– Да, но ты еще не слышал куда более интересные новости, – проворковала она.

Стюарт слишком поздно понял, почему ее глаза так блестят. В них было торжество. И желание. Господи!

Он вовсе не хотел возобновлять эту связь. Мало того, ему не терпелось поскорее от нее уйти.

– Как-нибудь в другой раз. У меня поздняя встреча.

– Нет, подожди, позволь мне все рассказать, – настаивала Эмили. Она схватила его за руку, когда он попытался удрать. – Клянусь, тебе будет очень интересно. Та итальянская графиня, с которой ты не сводишь взгляда, на самом деле мисс Шарлотта Траттер, дочь сэра Генри Траттера. Помнишь напыщенного старого джентльмена, приятеля твоего отца? Возможно, и нет, ведь это происходило несколько лет назад, когда тебе было не до них.

Она послала ему горящий взгляд, который Стюарт проигнорировал. Теперь он был весь внимание, хотя вовсе не по тем причинам, которые предполагала Эмили.

– Так или иначе, дочь пустилась во все тяжкие, и говорили, что отец выгнал ее, чтобы избежать полнейшего унижения.

– Откуда тебе известно?

Шарлотту с позором выгнали? Стюарт предполагал, что это она сама сбежала из дома, что этот выбор был ее собственным. Конечно, произведя простые подсчеты, он вдруг осознал, что она, наверное, была очень молодой, когда уехала в Европу. Так ее выгнали из дома или она удрали сама?

– Ее узнал мистер Хайд-Джонс! Где же он? А... вот!

Она подняла руку, и к ним немедленно направился элегантно одетый джентльмен. У него был вид поблекшего ангела. Когда-то красивый мужчина стремительно терял волосы и привлекательность. Фальшиво улыбаясь, он поцеловал Эмили руку.

– Джереми, вы знаете мистера Дрейка? Стюарт, дорогой, мистер Хайд-Джонс знал вашу графиню, когда она была обычной мисс Траттер. Не правда ли, мир тесен?

– Да.

Стюарт наконец узнал Джереми Хайд-Джонса, хотя удивился, увидев его здесь: этого человека почти не принимали в порядочных домах. Джентльмен по рождению, Хайд-Джонс женился не на одной, а на двух наследницах, но обе после свадьбы не прожили и нескольких лет. Стюарт порывался в памяти и извлек обрывки сплетен об обеих миссис. Одна погибла на последнем месяце беременности, подозрительно упав с лестницы, и после ее смерти Хайд-Джонс женился с неприличной поспешностью. Вторая его жена сломала шею в прошлом году, когда перевернулся экипаж. Лошадьми правил сам Хайд-Джонс, отделавшийся несколькими царапинами. После этого его перестали принимать, но не везде. Были и другие дома, куда он был вхож благодаря гигантскому состоянию, унаследованному от жен.

Но он знал Шарлотту, когда та была молода. Любопытство победило отвращение, и он поклонился:

– Мистер Хайд-Джонс.

– Добрый вечер, мистер Дрейк. – Улыбка мужчины стала снисходительной: – Полагаю, вы не удивлены, узнав, что ваша итальянка на самом деле родилась в Англии.

– Не удивлен. Мне давно это известно. Вы знали ее девочкой?

Возможно, Хайд-Джонс был другом ее отца или брата. Он казался слишком старым, чтобы знать Шарлотту в то время, когда она была дебютанткой.

Хайд-Джонс, казалось, развеселился.

– Да, – ответил он, взглянув на Эмили, все еще цеплявшуюся за руку Стюарта. – Знал.

– Джереми, какой вы загадочный! – рассмеялась Эмили. – Что общего может быть между таким человеком, как вы, и девочкой вроде нее? Она, наверное, была тогда совсем ребенком.

– Уверяю вас, – ответил он с той же странной улыбкой, – она не была ребенком. И уж конечно, не в то время, когда наше знакомство прервалось.

Стюарт представил семнадцатилетнюю Шарлотту и с подозрением глянул на Хайд-Джонса. Да ему лет сорок, если не больше! Есть очень мало вещей, которые мужчина может хотеть от девочки на десять лет моложе! Впрочем...

Стюарт вдруг подумал о том, чего вообще может хотеть мужчина от девушки, и сжал кулаки.

– Уверен, что вы найдете ее сильно изменившейся, – заметил он. – Ее не было в Англии двенадцать лет.

– Стюарт, дорогой, ты не должен выдавать возраст дамы! – Эмили шутливо ткнула его в бок: – Тем более дамы определенного возраста.

– Но некоторые леди с возрастом только улучшаются, как хорошее бренди, – механически ответил он, не обращая на нее внимания.

Хайд-Джонс наблюдал за Шарлоттой со слишком большим интересом. Услышав замечание Стюарта, он обернулся:

– Абсолютно согласен. Она стала настоящей красавицей. Никак этого не ожидал.

– Верно, – осторожно ответил Стюарт. – Простые, неуклюжие девушки часто превращаются в редких красавиц.

Ему не нравился этот человек и не нравилось, как он смотрит на Шарлотту.

– Наверное, вы не видели ее настолько часто, чтобы судить о ее возможностях.

Мужчина беззвучно рассмеялся:

– Я видел ее достаточно часто. И едва на ней не женился.

– Едва?

Стюарт пропустил мимо ушей крайне раздраженный смешок Эмили. Она потянула его за руку, но он бесцеремонно ее оттолкнул.

– Какая неудача, что она уехала, не правда ли?

Тревожные колокола в голове Стюарта звучали все громче, предостерегая его от этого человека, смотревшего на Шарлотту, как голодный лис на наседку.

– Ну, не такая уж это неудача, – лукаво усмехнулся Хайд-Джонс. – А граф Гриффолито тоже в Лондоне?

– Он умер, – процедил Стюарт, страстно желая добавить, что подобная судьба ожидает самого Хайд-Джонса, если тот попытается снова причинить Шарлотте боль.

Когда они ехали в экипаже в Лондон, Стюарт спросил, кто разбил ее сердце. Шарлотта тогда не ответила. Он задал этот вопрос, чтобы вывести ее из равновесия, и предположил, что она промолчала ему назло, но что, если он невзначай задел ее за живое? Что если Джереми Хайд-Джонс бросил ее и она в отчаянии сбежала в Европу?

– Неужели? – довольно ухмыльнулся Хайд-Джонс. – Какая трагедия!

– Еще бы! Потерять спутника жизни! Кстати, мои соболезнования по поводу смерти вашей жены.

Стюарт в который раз оторвал пальцы Эмили от своей руки и, бесцеремонно толкнув плечом Хайд-Джонса, ушел. Тот вскинул брови, но Стюарт и на это не обратил внимания, спеша прямо к Шарлотте, которая в этот момент танцевала с лордом Робертом Фэрфилдом, одним из его лучших друзей. Он смотрел на парочку, пока не встретился взглядом с Робертом. Стюарт коротко ему кивнул. Тот ответил кивком и продолжил кружить Шарлотту по залу.

Стюарт сложил руки и стал нетерпеливо ждать. Вальс только начался, и пройдет несколько минут, прежде чем музыка смолкнет. Если бы не омерзительный Хайд-Джонс, Стюарт уже держал бы Шарлотту в объятиях. И это еще одна причина впредь избегать этого человека. Что бы он ни сделал с Шарлоттой, Стюарт хотел увериться, что она предупреждена о его появлении и вновь пробудившемся к ней интересе. Когда в следующий раз их дороги пересекутся, Стюарт просто сломает негодяю нос.

– Прошу прощения, мистер Дрейк. – Лакей Трокмортон поклонился и протянул ему серебряный поднос. – Это только что прибыло. Говорят, срочно.

Стюарт пробормотал несколько слов благодарности и развернул записку. Содержание его обрадовало. Питни нашел не только мальчишку, принесшего письмо от Сьюзен, но и след похитителя. Иностранец, испанец или итальянец, путешествовал с молодой девушкой, предположительно овдовевшей сестрой, которая постоянно носила густую вуаль. Правда, она была англичанкой, и последние несколько дней они жили в маленькой квартирке на окраине Кларкенуэлла. Питни хотел знать, что делать дальше.

Стюарт глянул в сторону танцующих. Роберт и Шарлотта все еще вальсировали. Шарлотта будет вне себя, когда услышит новости. Она также потребует, чтобы он тут же ответил.

Стюарт поколебался, но все же вышел из зала. Уйдет всего несколько минут на то, чтобы послать записку, и он придет к Шарлотте с хорошими новостями. Сьюзен совсем близко.

После второго вальса Шарлотта решила отдохнуть. Партнер, лорд Роберт, повел ее с танцпола, и она открыла веер, чтобы охладить лицо.

– Спасибо, лорд Роберт, – улыбнулась она.

– О, это я должен вас благодарить, – поклонился он, но тут же, нахмурившись, оглядел зал: – Дрейк был здесь всего минутой назад. Выглядел так, словно ему насыпали в туфли горячих углей. Я ожидал, что он украдет вас посреди вальса.

Шарлотта рассмеялась, но ей вдруг стало тепло при мысли о Стюарте, похищающем ее на глазах у собравшихся. Он наконец пришел!

Ей не терпелось сказать ему – и показать, – как она благодарна за все то, что он сделал для того, чтобы она прекрасно провела время сегодня вечером. Пусть кому-то это покажется пустяком, но Стюарт подумал о том, что она может чувствовать в бальном зале, полном незнакомых людей.

Лорд Роберт с извиняющейся улыбкой покачал головой.

– Он не имеет права винить меня в том, что я воспользовался его отсутствием! Не сделаете мне честь пройти по залу в моем обществе?

– Спасибо, но нет, – сухо улыбнулась она. – Я бы хотела постоять здесь и немного остыть.

– Конечно. Принести вам вина?

– О, это было бы очень любезно с вашей стороны.

Он с поклоном удалился, но скоро вернулся с бокалом. Шарлотта с наслаждением сделала глоток красного вина. Музыканты заиграли, возвестив начало следующего сета. Лорд Роберт с сожалением извинился, сказав, что этот танец у него занят, и отошел. Шарлотта с улыбкой попрощалась с ним. Она была уверена, что Стюарт скоро вернется, поэтому отступила от танцующих. Женщина жалела, что не заколола волосы повыше. Тяжелые пряди словно одеялом укрывали ее шею. Когда Стюарт вернется, она настоит на прогулке по террасе.

При мысли об этом Шарлотта счастливо вздохнула. Одна, со Стюартом, в темном саду.

– Добрый вечер, графиня. Или мне следует сказать «дорогая Шарлотта»?

При звуках этого цинично-ленивого голоса, в котором явственно слышались веселые нотки, от ее лица мгновенно отлила краска. Медленно, нерешительно, словно боясь сломаться, она повернулась.

И увидела человека, разрушившего ее жизнь.

– Вы, конечно, помните меня, – с понимающей улыбкой продолжил Джереми Хайд-Джонс. – Я вас помню. Хотя, естественно, не такой.

– Мой жизненный девиз: «Учись на своих ошибках, а потом забудь их», – холодно ответила Шарлотта. – Добрый вечер, сэр.

Она тут же отвернулась, пытаясь наблюдать за танцующими, хотя уже ничего не видела. Почему, во имя господи, она не учла возможности новой встречи с ним? Ей вообще не следовало появляться в обществе. Насколько было бы лучше нанять сотню сыщиков. Один вид Джереми заставлял ее чувствовать себя глупой и опозоренной.

– Бросьте, Шарлотта, – продолжил он, придвигаясь ближе. – После всего, что мы друг для друга значили?

– Полагаю, я значила для вас не больше, чем пять тысяч фунтов, – процедила она, глядя прямо перед собой.

Где Стюарт?

– Вы всегда были горячей штучкой, – заявил Джереми, с неприкрытым интересом взирая на ее грудь. – Хотя теперь вам есть, чем удержать внимание мужчины. Ваше очарование возросло.

На этот раз она взгляделась в него и заметила, что его золотистые волосы сильно поредели, а на висках заметны залысины. Когда-то он был настоящим красавцем с густой светлой гривой.

– А ваше, к сожалению, поубавилось.

Он так сильно сжал губы, что они превратились в тонкую ниточку.

– Вижу, нрав у вас прежний. Всегда восхищался женщинами с острым язычком. Интересно, усвоили вы что-то полезное с тех пор, как были молоды? Вы так много обещали.

– Я научилась убивать змею, вместо того чтобы играть с ней. Потому что была больно укушена.

– Я помню вкус твоей кожи, – прошептал он. – Позволь мне укусить тебя снова.

Не веря своим ушам, Шарлотта отпрянула:

– Как вы смеете...

– Но, Шарлотта, чего же ты от меня ожидала? Твой отец навел на меня пистолет.

– Жаль, что не выстрелил.

– Но теперь никто не помешает мне, – ухмыльнулся он. – Я знаю, Дрейк трется у твоих юбок. Надеюсь, у тебя хватит ума прогнать его. У него нет и фартинга. Родные вышвырнули его из дома.

Шарлотта широко открыла глаза:

– Как странно! Разве не ты пел ту же жалобную песню, когда обманом заставил меня поверить, что ты джентльмен?

– Успокойся же, – потребовал он, сложив руки. – Нет никакой нужды разыгрывать возмущенную и оскорбленную старую деву. За эти годы я кое-что слышал о тебе. Прежде ты не была так разборчива в любовниках. Ходили слухи, что ты даже наслаждалась двумя одновременно. Или они наслаждались тобой? Тебе повезло, что я, как порядочный человек, делаю выгодное предложение. Женщина твоей репутации не продержится долго в обществе, независимо от того, кто ее представляет. И эта репутация будет окончательно очернена, если кое-что из вашего прошлого станет достоянием гласности...

Он протянул руку и щелкнул по ее темному локону.

– На этот раз я даже готов содержать тебя. Договоримся о почасовой оплате или выдать всю сумму сразу? Теперь я могу себе это позволить.

Шарлотта стояла не шевелясь и молчала, хотя душа ее корчилась в агонии. Как она может опровергнуть ложь, которую он грозит распространить?

Она заранее предвидела, какие распутные оргии с ее участием он начнет описывать! Даже если никто ему по-настоящему не поверит, все равно люди будут с наслаждением передавать друг другу сплетни. Достаточно скверно уже одно то, что ее осудят за прошлое, но страдать за грехи, которых не совершала...

А Стюарт?

Ее колени едва не подогнулись при мысли о том, что подумает Стюарт, когда все это услышит. Его отец будет в ярости из-за того, что Стюарт привел в дом такую женщину, и окончательно его выгонит и лишит наследства... Стюарту придется бежать из дома. Бедняге не хватало только еще одного скандала. Он больше никогда не осмелится к ней подойти, если хочет сохранить хотя бы намек на респектабельность. Скорее всего, Стюарт быстро женится на милой девушке с безупречной репутацией из порядочной семьи, характер и воспитание которой быстро оправдают его в глазах общества. Такая жена даст ему жизнь, которой он заслуживает.

Будь Шарлотта одна, она непременно рухнула бы на пол. Хотя она твердила себе, что рано или поздно потеряет Стюарта, но все же не представляла, что конец будет таким быстрым и резким. Невозможно представить, что он навсегда уйдет из ее жизни. Он дал ей так много... она уже и не думала, что когда-нибудь получит от жизни что-то хорошее.

Шарлотту снедала ненависть. Ухмылявшийся ей мужчина однажды разрушил ее жизнь и теперь собирается сделать это снова. Встреча с ним будет стоить ей Стюарта, шанса на спокойную жизнь в Англии и даже Сьюзен.

При этой мысли боль пронзила ее с новой силой. Она потеряет Сьюзен. Даже если ее найдут. Шарлотта никогда не позволит, чтобы ее опозоренная репутация повлияла и на Сьюзен. Придется оставить племянницу с нанятой компаньонкой и вернуться в европейскую ссылку. Племянница вечно будет помнить ее как злобную тетю Шарлотту. Проведя десять лет вдали от дома, она надеялась на мирную жизнь в Англии и теперь, покрытая еще большим, чем раньше, позором, будет вынуждена вернуться к кочевой жизни.

– Скажите, – произнесла она медленно и бесстрастно, – неужели вы воображаете, будто я приму вас после того, как вы бессовестно мне лгали? Или считаете, что глупое дитя, которое вы соблазнили, не поумнело за все эти тринадцать лет? Что заставляет вас думать, будто женщина с моим опытом захочет человека вроде вас? – Шарлотта презрительно рассмеялась. – Для вас это было забавой! Сельское приключение, чтобы скоротать время, или быстрый путь к богатству. И вам было не важно, чем все это обернется.

– Не вини меня, – отпарировал Джереми. – Ты хотела меня так же сильно, как и я тебя. Согласен, твое приданое было очень привлекательным. Но и ты была красивой молодой женщиной и отнюдь не ребенком.

– Мне едва исполнилось семнадцать.

Он сжал зубы, но тут же расслабился.

– Это было, как ты сказала, тринадцать лет назад. Теперь ты, по собственным словам, выросла, а у меня появилось свое состояние. Подумай, что было бы, если бы все закончилось иначе, если бы твой отец не...

– Не спас меня, – перебила она. – При следующей встрече у меня с собой будет пистолет. И я не наделена такой сдержанностью, как отец.

С этими словами Шарлотта выплеснула содержимое бокала ему в лицо. Она была слишком взбешена, чтобы насладиться недоверчивой яростью, исказившей его черты.

– Гори ты в аду!

Она швырнула бокал к его ногам, повернулась и ушла.

Идя к выходу из бального зала, Шарлотта не заметила Стюарта. Не заметила лорда Роберта или герцога Уэра и вообще не узнала никого. Она едва соображала, куда идет. Каким-то образом она оказалась у выхода и спустилась по ступеням, а когда добралась до дома Дрейков, так и не поняла, как туда попала.

На ее стук дверь открыл лакей. Казалось, он был удивлен тем, что она так быстро вернулась. А может, и нет: Шарлотта не обратила на него особого внимания, просто прошла мимо, игнорируя недоуменный взгляд, которым он ее окинул, когда понял, что она не приехала в экипаже и не накинула ротонду. Отупляющий шок, позволявший держаться на ногах, постепенно проходил, и ее единственным желанием было добраться до спальни, прежде чем слезы польются рекой.

Тяжело дыша, Шарлотта кое-как поднялась по лестнице. Горло перехватило как тугой повязкой, и она дергала за ожерелье, пока не разорвала нить. Она уничтожена и погублена, безвозвратно погублена!

Нога зацепилась за ступеньку, и она упала на одно колено и прижалась к стене.

Все, что было для нее дорого, навеки пропало. Все надежды и мечты рассыпались в прах. Все покаяния и сожаления пропали втуне. Когда она впервые покинула Англию, она была слишком молода и глупа, чтобы учесть последствия своих поступков. Немного опомнившись после изгнания из дома, она поклялась жить одним днем, наслаждаясь тем, что посылает ей судьба. Шарлотта не намеревалась вести распутную жизнь. Это случилось само собой, постепенно, и она почти не замечала, насколько далеко ушла от тех принципов, которые ей внушали происхождение и воспитание. А потом... было почти невозможно вернуться.

Известия о смерти Джорджа и о назначении ее опекуном Сьюзен отрезвили Шарлотту. Это случилось почти сразу же после кончины Пьетро, когда она уже была вдовой. И Шарлотта увидела в этом шанс начать сначала. Благодаря доверию брата к ней вернулись дом и семья, а также на ее плечи легла огромная ответственность. Но хотя она старалась изо всех сил, с тех пор она не совершила ни одного верного поступка.

Охваченная отчаянием, Шарлотта прислонилась лбом к перилам. Она хотела быть любящим и добрым опекуном для Сьюзен, но девушка презирала ее и ненавидела, а потом сбежала. Она хотела быть уважаемой и целомудренной, но вместо этого завела роман со Стюартом, не делавшим тайны из своих планов жениться как можно скорее. Она хотела жить спокойной, безупречной жизнью, а теперь Джереми Хайд-Джонс снова обольет ее грязью.

В этот момент подбежали две горничные и стали встревожено над ней ахать. Шарлотта не обратила на них внимания: какая разница, смято ли платье или нет, когда вся жизнь трещит по швам!

Слишком потрясенная, чтобы протестовать, она позволила им помочь ей встать, после чего отослала, отказавшись от чая, бренди и горячей ванны.

Когда горничные ушли и в комнате стало тихо, она села и стала обдумывать, что делать. Нельзя уехать, не найдя Сьюзен и не убедившись в ее безопасности. Но она не может и дальше позволять Стюарту помогать ей. Чем раньше она с ним расстанется, тем лучше. Если повезет, он может объявить, что он в ней ошибся, что это она обманула его и сбила с толку. Люди поверят всему, как только Джереми распространит слухи о ее предполагаемом распутстве. Она знала, что Стюарт сам вряд ли согласится на такие меры, значит, следовало его убедить, а на это понадобятся все ее силы.

Стюарт протолкнулся сквозь толпу к тому месту, где в последний раз видел Шарлотту и Фэрфилда. Оглядевшись, он увидел Роберта среди танцующих и подумал, что Шарлотта, должно быть, с герцогиней. Но нет, ее светлость по-прежнему стояла в одиночестве. Куда пропала

Шарлотта, черт возьми? В двадцати шагах от него виднелась дверь террасы. Он шагнул в том направлении. Сердце забило сильнее при мысли о том, что сейчас он перехватит Шарлотту в саду и сообщит новости от Питни.

Но прежде чем он успел сделать еще шаг, его внимание привлекло что-то иное. Двое слуг суетились, помогая гостю стереть вино с лица и одежды. Гостем был Джереми Хайд-Джонс, которого трясло от ярости. Еще один лакей сидел на корточках у его ног, замечая что-то в совок. Кровь Стюарта похолодела. Но в этом совсем не обязательно может быть замешана Шарлотта. Этот негодяй мог оскорбить кого угодно в зале. Но Шарлотты нигде не было видно, а она когда-то едва не вышла замуж за Джереми.

– Дрейк! Вот ты где!

К нему подошел Роберт. При виде необычной сцены он замер.

– Что-то случилось? Где леди Гриффолино?

– Я задавал себе тот же вопрос.

Стюарт с каменным лицом наблюдал, как к Хайд-Джонсу спешит лорд Трокмортон, лицо которого выражало вежливое сожаление. Рассерженно жестикулируя, Джереми что-то ему говорил, но скоро успокоился, хотя продолжал говорить. Трокмортон слушал и хмурился и наконец, кивнув, вернулся туда, откуда пришел.

– Я оставил ее здесь, Дрейк, – тихо сказал Фэрфилд. – Думал, что вы вот-вот вернетесь. И она позволила мне уйти.

– Неважно. Попробуйте найти ее и оставайтесь рядом, пока я вас не отыщу.

Фэрфилд кивнул и исчез в толпе. Стюарт глубоко вздохнул, расправил плечи, чтобы ушло напряжение, и неторопливо направился к Хайд-Джонсу, на жилете которого до сих пор краснело винное пятно.

– Я сказал бы, совершенно зряшная трата прекрасного бургундского, Хайд-Джонс.

Тот вскинул голову. При виде Стюарта лицо его разгладилось. Он даже улыбнулся. Рука Стюарта сама собой сжалась в кулак, поэтому он сунул ее в карман.

– А, Дрейк, вы вовремя. Ваша графиня показала свой истинный цвет. Альф.

Он показал на пятно и последний раз промокнул лицо полотенцем, прежде чем швырнуть его одному из слуг.

– Впрочем, вы, возможно, не знаете ее омерзительной истории.

Брови Стюарта взлетели вверх:

– Омерзительной? Вы, должно быть, шутите.

Хайд-Джонс тихо рассмеялся.

– Решили, что нашли богатую вдову? Возможно, она богата, но помяните мои слова, она насквозь черная, внутри и снаружи.

– Послушайте, – запротестовал Стюарт, – вы не должны говорить подобные вещи о леди.

Хайд-Джонс пристально на него посмотрел.

– Признаю, у нее есть прошлое, – добавил Стюарт, – но чтобы омерзительное? Черна внутри и снаружи? Должно быть, вы преувеличиваете.

Хайд-Джонс откинул голову, чтобы лучше его рассмотреть:

– Ах, да, ваш отец – человек строгих нравов, – пробормотал он. – Вряд ли ему понравится, если в семье появится шлюха!

Стюарт даже не подумал скрыть изумление:

– Простите?

– Шлюха, – со злорадным удовольствием повторил Хайд-Джонс. – Не знаю, что она рассказала вам, но правда в десять раз хуже!

– Боже. Я понятия не имел! – Стюарт показал на двери террасы: – Может, прогуляемся?

– Конечно! – ухмыльнулся Хайд-Джонс.

Он пошел вперед. Стюарт последовал за ним, на секунду встретившись взглядом с герцогом Уэром. Рядом с ним стоял Роберт Фэрфилд. Стюарт осторожно закрыл за собой дверь террасы.

– Мне в самом деле жаль вас, – продолжал Джереми тем же покровительственным тоном. – Какое разочарование, должно быть, узнать, что она перешла все границы!

Стюарт досчитал до пяти.

– Но у нее есть другие очаровательные черты, конечно.

Джереми поднял глаза к небу и кивнул, словно вспомнив нечто приятное:

– Совершенно восхитительные черты. Мужчина в моем положении не может быть слишком разборчивым. Вы, разумеется, понимаете.

– Абсолютно, – снова ухмыльнулся Хайд-Джонс. – А ее прелести стали куда более аппетитными, чем раньше. Я и сам когда-то наслаждался ими. – Он поднял руку ладонью вверх. – Но если вам не нравится делить их...

Стюарт не мог скрыть проявившейся на его лице ярости. Он был превосходным лгуном, но тут не сумел себя сдержать. Хайд-Джонс, однако, искренне веселился:

– Но больше ни за что, – он широко улыбнулся. – Хотя она, похоже, признавала такую возможность и не была против... если понимаете, о чем я. Если она решится, мы оба могли бы...

Челюсти Стюарта онемели, так сильно он их стискивал. Хайд-Джонс подступил ближе. Его глаза злобно поблескивали в лунном свете.

– Она продавала себя, чтобы как-то прожить за границей все эти годы, – тихо продолжил он. – Иначе как еще опозоренная женщина может содержать себя в такой роскоши?

– А каким образом она была опозорена? – процедил Стюарт, краем глаза заметив, что Уэр вышел на террасу и тоже закрыл за собой дверь.

Глаза Хайд-Джонса перебегали с герцога на собеседника:

– Даже тогда она была аморальной распутницей. Ее отец узнал обо всем и выгнал ее из дома.

– А вы, вне всякого сомнения, были в отчаянии, потеряв свою невесту, – кивнул Стюарт, сжимая и разжимая пальцы. – До чего же вам не везет! Постоянно лишаетесь невест и жен!

Лицо его собеседника стало жестким.

– Мне не нравятся ваши намеки! Я говорил с вами как один джентльмен с другим, намереваясь спасти вас от позора! Представьте, каким глупцом вы можете выглядеть из-за нее!

Он повернулся, собираясь вернуться в бальный зал, но оказался лицом к лицу с Робертом Фэрфилдом, стоявшим перед ним со сложенными на груди руками. Хайд-Джонс поколебался, бросил быстрый взгляд на герцога и стал спускаться по ступенькам в сад.

– Как вы обнаружили ее истинную натуру? – допытывался Стюарт, следуя за ним.

Хайд-Джонс оглянулся и нахмурился.

– Это отец графини вам что-то рассказал, когда изгонял ее? Вряд ли человек будет распространять сплетни о дурном поведении собственной дочери.

Хайд-Джонс остановился у подножия лестницы:

– Сразу стало ясно, что случилось, когда она исчезла и больше не вернулась.

Стюарт вскинул бровь:

– В самом деле? Не хотите услышать, как ваша нареченная защищалась? Возможно, все это было недоразумением.

В глазах Хайд-Джонса блеснул гнев:

– Никакого недоразумения, – отрезал он. – Она соблазнила меня. Я знал, что собой представляет эта женщина.

– Соблазнила вас? Семнадцатилетняя девушка соблазняет мужчину тридцати с лишним

лет? – Стюарт шагнул к нему. – Вы меня за дурака держите? Полагаю, ваша первая жена споткнулась о край ковра, а вторая – выпрыгнула из экипажа на полном ходу, и все по собственной воле?

– Как вы смеете? – прошипел Хайд-Джонс. Его трясло то ли от бешенства, то ли от страха. Но Стюарту было все равно. Тошнота, одолевавшая его с той минуты, как он понял, что Шарлотта исчезла, сменилась яростью, и больше он не желал ничего слышать. Он мог убить этого ублюдка только за то, что он погубил Шарлотту, когда та была молода, доверчива и так же романтична и глупа, как и Сьюзен.

Его первый удар свалил обоих на землю. Они покатались к ближайшему кусту. Хайд-Джонс был хорошо сложен, но был высоким и худым. Стюарт, никогда не претендовавший на подобную элегантность, был шире в плечах и массивнее, да к тому же на десять лет моложе. Он почти не ощущал ударов, которые умудрялся наносить ему Хайд-Джонс. Когда Уэр оттащил Стюарта, его противник лежал на земле, держась за живот. Из носа и рта хлестала кровь.

– Довольно, – пробормотал Уэр, поднимая Стюарта. Тот оттолкнул его, но не двинулся с места. Только одернул фрак, приводя себя в порядок.

– Предлагаю вам насладиться красотами Европы, – бросил он лежавшему на земле человеку. – Если еще раз попадетесь мне на глаза, вполне возможно, мне придет в голову проверить, не смогу ли и я увернуться от казни за убийство.

Хайд-Джонс что-то прорычал, но продолжал лежать. Стюарт глянул на Роберта, который покачал головой, и посмотрел на Уэра:

– Вы не...

Герцог кивнул и мрачно уставился на Хайд-Джонса. Уэр позаботится о том, чтобы негодяй либо покинул город, либо получил все, что заслуживает. Стюарт без всякого зазрения совести расскажет людям, как Хайд-Джонс признался ему в убийстве обеих жен: распространение сплетен не преследуется законом. Кроме того, это почти наверняка правда. И Хайд-Джонс не мог ее опровергнуть без того, чтобы не возродить интерес к тем событиям, которые, по его мнению, следует забыть как можно скорее. Он сам попадет в яму, которую рыл Шарлотте, угрожая рассказать о ее прошлом.

Стюарт пробормотал Уэру какие-то извинения и направился в зал.

Двадцать минут спустя Стюарт Дрейк уже колотил в двери родительского дома.

– Леди Гриффолино вернулась?! – рявкнул он, протискиваясь мимо Фрейкса.

Один из лакеев Трокмортон видел, как Шарлотта уходила пешком и без ротонды. Стюарт был вне себя от беспокойства: если ее здесь нет, он не знал, где искать дальше.

– Да, сэр. Она ушла к себе. Сэр! Мистер Дрейк! – потрясенно воскликнул дворецкий, когда Стюарт побежал вверх, перепрыгивая через ступеньку.

Он постучался и тут же распахнул дверь.

Она стояла у окна, спиной к нему, все еще одетая в синий шелк. Но Стюарт видел, как напряжены ее плечи и рука, сжимавшая край шторы.

– Шарлотта!

Она вздрогнула и обернулась:

– Мистер Дрейк! Что подумают люди? – с издевкой осведомилась она. Он замер.

– Я ложусь спать, – продолжила Шарлотта, вновь повернувшись к окну. – Доброй ночи.

– Я должен был видеть тебя, – выдохнул он, прикрыв дверь и снимая шляпу. – Как ты?

– Должен был? – усмехнулась Шарлотта. – Приходите, когда сможете платить за мои услуги, мистер Дрейк. Я выполнила условия пари.

Стюарт молча смотрел на нее. Это была не его Шарлотта. Перед ним стояла женщина с

каменным сердцем, распустившая сплетни, которые выгнали его из Кента, обвинившая его в том, что он пользуется своей внешностью и обаянием. Женщина, которая выводила его из себя и воспламеняла своим презрением.

– Я здесь не из-за этого. Хочу поговорить...

– Я знаю, чего хотят мужчины, – холодно отрезала она. – Не делайте вид, будто не желаете того же самого.

– Прекрати, – тихо попросил он. – Ты мне нужна не только в постели, а для гораздо большего.

Шарлотта вскинула брови и брезгливо скривила губы:

– Большого? Какие претензии! Постарайтесь жениться на очень богатой женщине, которая сможет удовлетворить ваши потребности в «большем».

Должно быть, Хайд-Джонс причинил ей ужасную боль, если она сейчас ведет себя так. Дразнит его, пытаясь заставить что-то открыть. Она и раньше вела себя так – в библиотеке Килдеров. Но чего она добивается сейчас? Ведь теперь она должна понять, что перед ней человек, который стремится не только забраться ей под юбки.

– Почему? Сколько денег для этого потребуется? – спросил он, внимательно наблюдая за ней.

Она даже не вздрогнула. И не пошевелилась, только грудь нервно вздымалась.

– Больше, чем есть у Сьюзен. И я не шутила. Я скорее пристрелю вас, чем позволю жениться на ней.

Он напомнил себе, что она сердится, что все это из-за Джереми Хайд-Джонса, что это следствие напряжения из-за исчезновения Сьюзен. Но все было без толку: ее слова по-прежнему жалили.

Пытаясь выиграть время, сдержаться и не дать себе взорваться и тоже в отместку начать хлестать ее словами, Стюарт стянул перчатки и сбросил пальто.

– Дело в том, – медленно выговорил он, – что я не хочу ее. Сейчас уже не хочу.

– Рада слышать, что здравый смысл взял верх, хотя и немного поздно.

Шарлотта снова повернулась к окну. Ее фигура отражалась в стекле. Только лицо было скрыто тенью от штор. Он не мог понять, что она думает или чувствует. Что у нее на душе. Все, что он видел, – роскошное женское тело в элегантном платье.

«Сколько мужчин видели в ней только оболъстительную женщину? – внезапно подумал он. – Много ли мужчин пытались обнаружить истинную Шарлотту за маской сирены?»

Он неспешно пересек комнату, встал у нее за спиной, как всадник, приближавшийся к испуганной лошади, и осторожно положил руку ей на плечо. Хотя она казалась спокойной, мышцы были каменными, тело – оцепеневшим. Он подобрался еще ближе, слегка надавил на ее плечо. Но она по-прежнему не шевелилась.

«Не сердись на меня, – хотелось прошептать Стюарту. – Скажи, что тебя так расстроило, и я убью драконов и утешу тебя».

Но кто поверит Стюарту Дрейку, беспечному, никчемному повесе, вечно попадавшему в беды и скандалы? Даже сам он не мог себе поверить.

– Лучше поздно, чем никогда, – сказал он вместо этого, неуклюже пытаясь разрядить атмосферу. Но Шарлотта дернулась, сбросив его руку.

– Не нужно меня уговаривать! – прорычала она. – Я не ребенок, которого так легко улестить. Как вы смеете смеяться надо мной только потому, что у меня сохранились понятия о чести, позволяющие удержать Сьюзен подальше от таких, как вы.

– Шарлотта, – бесстрастно ответил он, хотя терпение, несмотря на все его усилия, было на исходе, – успокойся. Я не смеюсь над тобой.

Ее глаза сузились и заблестели. Но не от слез.

– Идите домой, Стюарт. Я не желаю видеть вас здесь.

– Я знаю, сегодня вечером ты виделась с Хайд-Джонсом, – произнес он, делая последнюю попытку ее урезонить. – Много лет назад вы были знакомы.

– Мне нечего сказать на этот счет.

Стюарт тихо выругался.

– Что прикажешь делать? Оставить тебя в тоске и унижении зализывать раны и гадать, что он с тобой сделал и почему после этого ты набрасываешься на меня подобным образом? Думаешь, я могу бросить тебя после того, что было между нами?

– Между нами ничего не было, – отрезала она. – Ничего!

Стюарт застыл как громом пораженный. Для него это не было ничем. Скорее наоборот. Всем. Для него стало жизненно важным видеть Шарлотту, смешить ее, по достоинству оценивать ее язвительное остроумие и юмор. Он предпочел бы находиться здесь и продолжать ссориться с ней, чем лежать в постели с любой другой женщиной. И она говорит неправду: это не может быть для нее ничем. Он твердо знал, что между ними есть нечто...

– Не стоит лгать себе, Шарлотта.

– Как вы смеете думать, что я лгу себе? Я не романтик, Стюарт. У меня есть желания, как у любой женщины. Но я не из тех, кто верен одному мужчине. Прошлой ночью были вы, завтра будет кто-то другой. Мужчины для меня все одинаковы, – издевательски заявила она.

Почему он не уходит? Чем дольше Стюарт стоит здесь с таким благородным и терпеливым видом, такой порядочный и непоколебимый, тем труднее ей держаться. Чем скорее он поймет, что заслуживает лучшей женщины, и покинет Шарлотту, тем легче будет им обоим.

Он выслушал ее молча. Только лицо потемнело. Еще секунда – и он шагнул к ней. Шарлотта отскочила, сохраняя расстояние между ними.

– Только не говори, что для тебя это ничего не значит, – взмолился он. – Не говори, что я ничего не значу.

– Это всего лишь развлечение на одну ночь, – выпалила она, отступив еще на шаг.

Стюарт последовал за ней. Гнев его, очевидно, рос с каждой секундой. Она встала за стул и поставила его между ними.

– Лгунья! – воскликнул он, отбросив стул. – Мужчины все для тебя одинаковы, так? Значит, я могу быть любим, любим из десятков, которых ты укладывала в свою постель, чтобы удовлетворить свои желания?

Он говорил таким свирепым тоном, что Шарлотта ахнула и швырнула в него первое, что попало под руку: фарфоровую статуэтку с туалетного столика. Стюарт увернулся, и статуэтка разбилась о стену.

– Лицемер! Сколько женщин ты затащил в постель по той же причине?

– Хочешь услышать, что ты ничего для меня не значишь? Так? Если я признаюсь, что ты женщина, которую я хочу сейчас, просто женщина, привлекающая мое внимание на этой неделе, тебе будет легче повернуться ко мне спиной?

Он наступал на нее. Раньше она никогда не видела Стюарта по-настоящему рассерженным, настолько мрачным и пугающим. Только улыбающимся, шутящим, флиртующим. Но сейчас он был в ярости.

Шарлотта снова отступила, балансируя на грани истерики, и обнаружила, что очутилась в углу.

– Не дожدهшься, Шарлотта. Если решила вышвырнуть меня, придется доказать, что я ничего для тебя не значу.

Шарлотта попыталась протиснуться мимо него, но Стюарт обхватил ее за талию.

– Отпусти меня! – вскричала она, вырываясь.

– Без борьбы не отпущу.

Он с размаха опустил ее на туалетный столик и при этом совсем не был нежен. От удара у Шарлотты перехватило дыхание.

Угрюмый Стюарт воспользовался моментом, пока она была не в силах отбиваться, и завел ее руки за спину. Свободной рукой сжал ее подбородок и вынудил посмотреть на него. Шарлотта ответила вызывающим взглядом.

– Признаю, – бросил он тихо и резко, – что когда-то хотел тебя такой. Ты ранила мою гордость, публично унизила, и я желал мести. Я не святой, но и не беспринципный негодяй без чувства чести. Я никогда бы не воспользовался твоим положением, я не требовал большего, чем ты была готова дать. И сделал все, чтобы помочь тебе найти племянницу.

Она отвернула голову, пытаясь изобразить холодное безразличие или, по крайней мере, создать его иллюзию, но он заставил ее снова смотреть на него.

– А теперь скажи, что делает меня таким же подлецом, как остальные мужчины в твоей жизни? Карлос, который использовал тебя, чтобы удрать от французов, и который оставил тебя в Италии без единого пенни? Пьетро, который использовал тебя для удовлетворения своих извращенных желаний?

– Удивлена, что столь благородный человек способен хотеть такую женщину, – парировала она, в душе понимая, что он сказал правду.

Стюарт был одним из немногих порядочных мужчин, которые встретились на ее пути. Поэтому ей трудно было поверить, что он будет хотеть ее дольше, чем несколько ночей: ведь другие не хотели. Джереми Хайд-Джонсу были нужны ее деньги. А остальным – ее тело.

– Я бесстыдна и неразборчива! Моя низкая натура преобладает над здравым смыслом и ведет меня по дороге разврата. Следует быть благодарным за то, что я бросаю тебя сейчас, а не позже, когда ты привыкнешь ко мне. Обычно я люблю терзать свою жертву до того, как избавиться от нее, но, поскольку ты так восхитителен, позволю тебе уйти сейчас.

– Верно, – ответил он. – Значит, выберем трудный путь.

Он снова приподнял ее подбородок, и Шарлотта покрепче сжала губы, предвкушая грубый поцелуй. Но не тут-то было. Его губы коснулись ее виска, ненадолго там задержались. Его дыхание легко пошевелило ее волосы. Она прикусила губу, чтобы не сдаться сразу. Шарлотта была полностью готова к борьбе, но как бороться, когда он так нежен?

Стюарт поцеловал ее в висок, переносицу, изгиб щеки. Она пыталась отвернуться, но он крепко держал ее подбородок.

– Отпусти, – умоляюще прошептала она. – Облегчи расставание для нас обоих.

Уголок его губ дернулся.

– Облегчить для тебя, возможно. Но не для меня.

Он продолжал осыпать ее лицо легкими, нежными поцелуями, медленно спускаясь вниз. Шарлотта вздрогнула, когда он нашел чувствительное местечко за ее ушком.

– Стюарт... даже если я признаю... что нас влечет друг к другу... это не означает, что...

Он поцеловал ямку у основания шеи, обводя языком то место, где встревоженно бился пульс.

– Это ничего не означает, – dokonчила она, задыхаясь. – Остановись!

– Если я остановлюсь, – пробормотал он между поцелуями, которыми осыпал обнаженный

изгиб ее плеча, – ты заставишь лакеев выволочь меня за дверь. А потом, готов побиться об заклад, я никогда больше тебя не увижу.

– Так и следовало бы.

Было трудно думать теперь, когда он выпустил ее подбородок и принялся ласкать ее свободной рукой. Так же бережно, как прошлой ночью, сквозь шелк платья обвел ее лопатки. Неужели только вчера она лежала с ним в постели, чувствуя себя желанной и бесценной?

– И я так и сделаю!

– Сделала бы, если бы могла, – поправил он, поднимая голову, чтобы взглянуть ей в глаза. – Но я тебе не позволю.

– Я закричу! – пригрозила Шарлотта, хотя не была уверена, что сделает это. В горле так саднило, что она едва могла шептать. Если она закричит, прибегут слуги и застанут их в такой позе, и тогда Стюарта навсегда выгонят из дома и лишат наследства.

Шарлотта подозревала, что его отец только и ждет предлога, а изнасилование гостьи послужит ему великолепным предлогом. А Шарлотта не хотела, чтобы Стюарту причинили еще больше боли. Именно поэтому и пыталась разорвать с ним отношения.

Легкая улыбка озарила его лицо.

– Закричишь, – согласился он. – Но только когда я тебе позволю. Только когда заставлю тебя кричать.

Его ловкие пальцы стянули платье с ее плеч. Оказалось, она и не заметила, как он расстегнул пуговицы на спине.

– А я не сделаю этого, пока не признаешь, что между нами есть нечто большее, чем просто желание.

– Я считаю тебя другом, – яростно прошипела она, когда он прижался губами к внезапно обнажившейся коже.

– Прекрасно, – ответил Стюарт, одним пальцем стягивая рукав.

Шарлотта снова попыталась оттолкнуть его, но он держал ее крепко. Расстегнутое платье медленно ползло вниз, но зацепилось за кант сорочки. Он отвел платье в сторону, потянул за другой рукав и через секунды лиф сполз на колени.

Шарлотта тихо, встревожено вскрикнула.

– И наперсником, – выпалила она.

Но он подтолкнул ее. Она противилась, пока не потеряла равновесие и не упала спиной на столик. Стюарт по-прежнему удерживал ее руки. Необходимо было остановить это, остановить его, пока все не зашло слишком далеко. И без того ее тело реагировало на его прикосновения, как цветок на солнечные лучи.

Шарлотта пыталась сохранить ясность мыслей.

«У тебя с ним нет будущего, – напомнила она себе. – Ваши отношения были обречены с самого начала».

Было ошибкой вообще начинать этот роман.

– Очень хорошо, – весело объявил он. – Мне нравится роль доверенного лица. Превосходное начало.

– И... и надежный верный друг, – бормотала она, пытаясь увернуться от становившихся чересчур интимными поцелуев.

Его волосы упали на лоб, соблазнительно касаясь ее груди, и его губы накрыли сосок.

– Ты был так добр, так заботлив и героически помогал мне искать Сьюзен, хотя я ужасно обращалась с тобой в самом начале, но ты простил меня...

– Шарлотта.

Он поднял голову. Она не заметила, что он встал на колени на сиденье стула, так что сейчас

они смотрели друг другу в глаза.

– Перестань нести чушь.

– Но я не могу сказать тебе все, что ты желаешь слышать.

– Не можешь или не хочешь? – покачал Стюарт головой. – Тогда убеди меня, убеди, что тебе все равно. Я больше не стану ложиться с тобой в постель только ради удовлетворения твоих желаний. Я не твоя игрушка, Шарлотта. Я мужчина.

Он обхватил ее лицо ладонями, чтобы помешать смотреть в сторону.

– И ты не шлюха. Ты женщина. С такими же потребностями и желаниями, как у остальных женщин, включая желание быть любимой. Это желание не покидало тебя всю жизнь. Ты хочешь любить и быть любимой. Ты позволила Сьюзен вести себя, как избалованному ребенку, страстно желая, чтобы она полюбила тебя так же сильно, как ты ее.

Шарлотта потрясенно приоткрыла рот. Но Стюарт неумолимо продолжал. Его синие глаза были серьезными.

– Это и побуждало тебя ложиться со всеми этими мужчинами, верно? Неужели ты когда-то занималась любовью с кем-то, в кого не надеялась влюбиться? Карлос, тот романтик, из-за которого ты потеряла голову? Все мужчины, которые могли принести тебе счастье в фарсе, которым был твой брак с Пьетро? – Он понизил голос: – Джереми, неотразимый щеголь, который ослепил молодую девушку, жаждавшую приключений?

Шарлотта снова принялась вырываться:

– Отпусти меня! Ты ничего не знаешь! Как ты смеешь вспоминать мою жизнь, изображая ее серией жалких любовных неудач? Мои отношения с другими людьми – не твое дело! И кто бы говорил! Твой отец не выносит одного твоего вида, а мать – самого худшего о тебе мнения, хотя тебя и обожает. Я не принимаю советов от того, кто живет на взятые займы деньги в одолженных займы домах...

Стюарт заглушил ее поцелуем, жестким, требовательным поцелуем, которого она так боялась раньше. Теперь Шарлотта была ему рада, потому что Стюарт дал ей возможность не думать о чересчур правдивых его словах и ее собственной жесткой реакции на них. Когда Стюарт целовал ее, из ее глаз текли слезы. Что она наделала, бросив ему в лицо напоминание о неприязни отца? Что же она за человек, если защищает собственное раненое сердце, разрывая в клочья его? И что хорошего будет в том, если она оттолкнет единственного мужчину, с которым так отчаянно желала близости?

Стюарт резко отстранился и снова сжал ее лицо, вынуждая взглянуть на него.

– Я не похож на других мужчин, – сказал он не своим голосом – слишком много эмоций теснилось в душе. – Я не пытаюсь соблазнить тебя ради развлечения на один вечер. Я не использую тебя. Хочу, чтобы ты была счастлива, черт возьми! Даже если не со мной. Я уйду, если ты этого хочешь, но не говори, что ты, даже ты так плохо обо мне думаешь. Ради всего святого, я люблю тебя!

Шарлотта ошеломленно уставилась на него. Дыхание вырывалось из груди короткими, болезненными выдохами. Он любит ее? Стюарт любит ее?

Стюарт неожиданно моргнул. Хватка его ослабла, словно он только сейчас понял, что сказал. Опустив руки, он отступил.

– О боже! – пробормотал он, отворачиваясь. – Прости. Я не хотел...

Плечи его опустились. Стюарт, не оглядываясь, схватил и натянул пальто, нагнулся, чтобы взять шляпу и перчатки. Шарлотта поняла, что он сейчас уйдет.

Она балансировала на грани мучительной нерешительности. Если признаться ему и себе, что любит его, она рискует остаться с разбитым сердцем. Тринадцать лет она не позволяла себе такой уязвимости. Но если она промолчит, он уйдет, и ей останется всю оставшуюся жизнь

гадать, что могло бы быть, если... Что хуже – вечная боль или жестокий удар?

– Стюарт?

Он не остановился. Она покачнулась и упала спиной на столик.

– Стюарт, подожди! Не уходи! – Шарлотта спрыгнула со столика и побежала за ним. – Я люблю тебя! Люблю! Не покидай меня сейчас.

К тому времени, как она оказалась рядом с ним, ее уже слепили слезы. Стюарт схватил ее в объятия.

– Не говори того, чего нет на самом деле, – прошептал он. – Я не хочу ни к чему тебя принуждать.

Шарлотта покачала головой и спрятала лицо у него на плече:

– Меня пугает осознание того, до чего все это правдиво!

Он коротко, неуверенно рассмеялся.

– Значит, мы квиты. Я никогда ни к кому не чувствовала чего-либо подобного.

– Прости, – выдохнула она, поднимая голову. – За то, что я сказала раньше. Я не думаю о тебе так плохо, и с моей стороны было жестоко сказать...

– Жестоко, – согласился он. – Но я понимаю. Ты не была бы собой, если бы не сражалась всем имеющимся в твоём распоряжении оружием.

Он смахнул ее слезы и стал целовать мокрые щеки. Несколько секунд они просто обнимали друг друга. Наконец Шарлотта, ощутив, как оживает его плоть, подняла голову:

– Ты...

– Да, – кивнул он, нежно целуя ее в губы. – Да.

Ее платье соскользнуло на пол. Ладони Стюарта легли на ее бедра.

– А ты?

– Да.

Она положила руки ему на грудь, провела по плечам, чтобы сбросить пальто. Стюарт, не отрываясь от нее, стянул один рукав, потом другой, умудрился стащить с нее нижние юбки и ослабить завязки корсета. Вскоре корсет и юбки упали на пол рядом с платьем.

– Позволь мне подарить тебе наслаждение, – прошептал он, проводя пальцами по ее спине.

– Ты уже делаешь это, – заверила его Шарлотта, вздрогнув.

Он нежно улыбнулся, поднял ее и понес к кровати, осыпая сладостными поцелуями. Но тут же коварно улыбнулся:

– Я люблю тебя.

Стюарт развязал и сорвал с себя галстук.

– Но я у тебя в долгу. – Он снял с нее сорочку и стал ласкать плечи. Глаза его потемнели и загорелись. – Смотри, как ты прекрасна.

Стюарт нагнул голову, и Шарлотта увидела себя в стоявшем прямо напротив них огромном зеркале.

Она завороченно наблюдала, как темная голова Стюарта опускается к ее груди, и увидела желание, озарившее ее лицо, когда он стал дразнить ее сосок языком. А потом стал сосать. Его руки скользнули к ее коленям, стали гладить бедра, одновременно их раздвигая.

Шарлотта ловила ртом воздух, наблюдая, как его пальцы касаются ее, усиливая физические ощущения. Раньше она наблюдала, как другие люди занимаются любовью, но себя никогда не видела.

Не отрывая глаз от зеркала, Шарлотта стала возиться с одеждой Стюарта. Ей не терпелось увидеть обнаженным и его. На этот раз она следила за лицом Стюарта. Его глаза горели яростно-нежным светом, рождавшим отклик у нее внутри.

Положив ладонь на ее живот, он опустил ее на кровать и встал между широко

расставленными ногами. Полная восхитительного предвкушения Шарлотта прерывисто вздохнула. Его ладони скользнули под ее бедра, поддерживая ее и поднимая. Теплое дыхание овеяло ее лоно, и все же первое движение его языка заставило Шарлотту вскрикнуть.

– Ш-ш-ш-ш, – прошептал Стюарт. – Я не стану продолжать, если не будешь молчать.

Шарлотта прижала руку к губам. Когда он снова опустил голову, ее тело беспомощно задергалось.

– Перестань! – сдавленно прохрипела она. – Я не могу молчать. Прекрати!

– Можешь, – возразил Стюарт. – И будешь.

На этот раз он не останавливался. Шарлотта едва не задохнулась от рвущихся изнутри криков наслаждения. Ее сердце было переполнено, тело пело. Так вот каково это: быть с мужчиной, который любит ее, мужчиной, который не покинет ее посреди ночи, не будет обращаться, как с безмозглой безделушкой. Мужчиной, который хочет одного: подарить ей наслаждение.

Продолжая ее гладить, Стюарт присел на корточки. Палец раскрыл складки лона, скользнул внутрь, медленно растирая крошечный бугорок, и Шарлотта подняла бедра, отчаянно желая большего.

Стюарт тихо рассмеялся и убрал руку. Она снова подняла бедра, словно моля, но он продолжал играть с ней. Вошел в нее, но не до конца. Но тут же вышел и стал двигаться, искушая ее. Шарлотта, жаждавшая завершения, протестующе приподнялась на локтях.

Стюарт снова вошел в Шарлотту. Она шевельнулась, но Стюарт тут же поднял голову:

– Наблюдай, – приказал он, но голос его был таким хриплым, что понять его было почти невозможно.

Стюарт чуть откинулся и резко вонзился в нее. Шарлотта едва не потеряла равновесие, ощутив его в себе. Наконец, он снова откинулся, чтобы она могла увидеть расстояние между ними, и снова вонзился.

Ее руки подогнулись, и она упала. Стюарт навис над ней, накрывая своим телом. Поймал ее руки и вытянул по бокам, продолжая двигаться, делая долгие, уверенные выпады. Пока он вонзался в нее, вдавливая в матрас, Шарлотта едва могла дышать. В ее мире не осталось никого, кроме Стюарта, и она, больше не сдерживаясь, обвила ногами его бедра.

– Шарлотта! – охнул он. Его глаза так потемнели, что стали почти черными.

– Боже... я не знал... никогда не мечтал...

– Я люблю тебя, – повторила она, опустив бедра, чтобы увеличить трение между ними. – Только тебя.

Больше ей ничего не было нужно. Шарлотта содрогнулась и с приглушенным воплем запрокинула голову. Рука Стюарта скользнула под ее выгнутую спину, и он тоже застыл, охваченный тем же экстазом. Секунду спустя он, все еще сжимая объятия, опустил на нее.

Стюарт осторожно собрал длинные спутанные локоны Шарлотты и прижал губы к ее шее.

– Именно это он сказал о тебе? – прошептал Стюарт. – Все ужасные вещи насчет того, что у тебя нет ни сердца, ни стыда?

Шарлотта лежала под ним, не в силах шевельнуться.

– Не только он. Все. Я боялась, что это правда.

– Неправда.

Она устало повернула голову:

– Но все, что говорил ты, было правдой. Я действительно слишком легко влюбляюсь, по крайней мере, влюбилась однажды. И никогда больше не хотела испытать это чувство.

Стюарт словно окаменел. Шарлотта смотрела куда-то в пространство и, казалось, видела не его, а кого-то другого.

– Он был джентльменом из Лондона и навещал друзей в деревне. Мы встретились на пикнике, а через две недели он сказал, что любит меня. Сказал, что хочет жениться. Когда отец отказал ему от дома, я по ночам вылезала из окна спальни, чтобы увидеть его. Я была так наивна! Отец никогда не разговаривал со мной, просто приказывал, что делать. Но я не желала его слушать. А когда этот человек сказал, что уезжает, и попросил меня поехать с ним, я согласилась.

Шарлотта понизила голос.

– Мы успели добраться только до гостиницы в десяти милях от нашего городка. Не знаю, как отец выследил нас и что говорил ему этот человек в надежде вырвать согласие на свадьбу. Но папа застал нас в постели.

Стюарт едва не застонал:

– Он взял твою невинность.

Шарлотта даже не поморщилась.

– Мой отец предложил ему пять тысяч фунтов за немедленный отъезд. Мы все еще лежали в постели. Я не могла встать, чтобы одеться. Отец даже не отвернулся. А когда он предложил ему деньги, этот человек стал торговаться, прося больше. «Десять тысяч, ни фартингом меньше», – подчеркнул он.

У отца оказался пистолет. Он вынул его и прицелился.

«Либо соглашаешься на пять тысяч, либо так и останешься здесь», – прорычал отец.

Поэтому мой возлюбленный встал, оделся, взял банковский чек, протянутый отцом, и ушел, даже не взглянув на меня.

Тут Стюарт понял, почему в самом начале она ненавидела его с такой яростью. Шарлотта действовала на основании собственного тяжелого опыта. Теперь он знал всю правду. Трудно винить ее за все случившееся. Что должно было твориться в ее голове, когда она поняла, что та же история повторяется с ее племянницей?

– Отец в полном молчании потащил меня домой. Я была уничтожена осознанием, что неверно судила о том человеке, и тем, что папа даже не смотрел на меня.

Когда мы добрались до дома, он отослал меня в спальню и велел собрать вещи. Я была очень испугана, но сделала, как он велел: слишком боялась не подчиниться. Отец позвал меня через час и...

Шарлотта закрыла глаза.

– Отец сказал, что я извращенная, неблагодарная, неуправляемая и аморальная особа, – продолжила Шарлотта так же бесстрастно. – Моя репутация погублена, он видел это собственными глазами и не может вынести даже вида такой дочери. Я должна была ехать в Париж, к дальнему родственнику матери, и оставаться там, пока не получу приказ вернуться.

– Но он так и не послал за тобой?

Сердце Стюарта разрывалось от жалости.

– Он умер четыре года назад. Я так и не получила от него ни единого слова. Мой брат Джордж, правда, писал и всегда сообщал мне новости о папе. Но сам отец молчал. Но к тому времени я стала именно такой, какой он меня себе представлял: извращенной, неблагодарной, неуправляемой и аморальной, буйной и распутной. Все, о чем говорили сплетники, возможно, правда.

– Нет, – мягко ответил Стюарт. – Неправда.

– Я надеялась, что вернувшись в Англию под новым именем, смогу предать прошлое забвению. Подумала, что, если буду вести респектабельную жизнь, люди забудут обо всем и не станут связывать мое имя со скандалами. Я никому не рассказывала об этом, даже Люции. Отец уж точно молчал, и Джордж никогда бы и словом не обмолвился. Единственный, кто мог бы

рассказать...

– Хайд-Джонс, – закончил Стюарт, когда она остановилась. – Черт!

Шарлотта вздохнула.

– Я не позволяла себе думать о том, что снова могу встретиться с ним. Как могла я позволить своим страхам встать на пути поисков Сьюзен? И прошло столько времени! Мне казалось, что ему все равно. Что он просто не узнает меня. Но теперь, даже если я найду ее, она тоже будет погублена. Уничтожена. О, что я наделала?! Почему на меня сыпется столько бед?

– Тут нет твоей вины. – Стюарт снова прижал ее к себе, уложил ее голову на сгиб своего локтя. – У всех найдутся в прошлом свои тайны.

Снова ощутив потребность защитить эту женщину, он поцеловал ее в висок. Что же за жизнь ей пришлось вести? Годами она считала себя неисправимо порочной и нелюбимой.

Стюарт подумал о всех мужчинах, которые использовали ее и бросали, и живо представил, как их четвертуют и колесуют, а потом выставляют головы на пиках на Лондонском мосту.

И он первый, кому Шарлотта все рассказала. Целых тринадцать лет она никому не исповедовалась, кроме него.

– Ты, должно быть, заметила, что Теренс ненавидит меня, – неожиданно для себя выпалил Стюарт.

Шарлотта не двигалась, но стала дышать ровнее.

– Должно быть, ты гадала о причинах.

– Можешь не рассказывать, – пробормотала она.

Он ждал, собираясь с мыслями.

– Но я действительно гадала.

– Я сам не знаю точно, – медленно начал Стюарт, – но у меня есть версия. Когда я был ребенком, мы жили в Барроуфилд, поместье деда. Моя мать и сейчас живет там по десять месяцев в году. Она приезжает в Лондон только на сезон. Дед обожает ее и всегда обожал, насколько я могу припомнить. Я тоже там жил, пока не пришло время ехать в школу. Тем летом Теренс приехал в Барроуфилд, что для него было крайне несвойственно. Я едва знал отца. Почти все время его место занимал дед. Но Теренс приехал и взял меня на прогулку верхом. Я как раз получил от деда мерина и гордился своим умением держаться в седле. И тогда мне не терпелось показать отцу свое искусство. Помню, он почти все время молчал, пока мы не достигли узкой тропы, которая вилась вокруг оврага. Обрыв был очень крутым, и отец заставил меня спешиться и подойти к самому краю. Я бывал там много раз, конечно, и неоднократно это проделывал, как и все озорные мальчишки. Но Теренс заставил меня стоять там долго. Он заявил, что, по его мнению, я должен называть его не отцом, а по имени. Я не хотел... это мне казалось неестественным, и спросил почему. Он оглядел меня с головы до ног, поскольку с его прошлого визита я немного подрос, и сказал, что не может иметь такого высокого сына. Я посчитал это неудачной шуткой, но с того самого дня, когда бы я ни назвал его отцом, он меня поправлял.

Шарлотта слушала, не задавая вопросов, но теперь подняла голову:

– Ты так и не узнал, в чем дело? Что сказали твои мать и дед?

– Так и не узнал, – пожал плечами Стюарт. – Каждый раз, когда спрашивал мать, она старалась от меня отделаться, пока я не сообразил, что она просто не хочет отвечать. Дед же воздевал руки к небу и что-то бормотал насчет «несговорчивого» Теренса, но и только. Окружающие не находили ничего необычного в том, что я зову отца по имени, так что вскоре я вполне привык.

Но как-то перед отъездом в школу я подслушал болтовню горничных. Они хихикали над тем, что вытворял дед: он велел каждый день ставить матери в комнату живые цветы, часто дарил подарки, причем иногда очень дорогие. Одна горничная заявила, что Белмейн – мой дед, –

любит мою мать больше, чем Теренс. Остальные смеялись. Другая предположила, что так было всегда, и поэтому Теренс так не любит меня.

– Не хотели же они сказать... – нахмурилась Шарлотта.

– Я заподозрил, что хотели. Что заставляет мужчину невзлюбить собственного сына настолько, что он даже не позволяет мальчику называть его отцом? Что, если я сын его отца?

Шарлотта тихо ахнула:

– Так... Так ты его брат?

Он снова пожал плечами, старательно избегая ее взгляда:

– Доказательств у меня нет. Но это объясняет, почему мать живет с Теренсом только во время сезона, и то ради приличий, и почему дед души в ней не чает. Не могу сказать, соблазнил он ее до или после свадьбы с Теренсом: я родился почти через девять месяцев. И как ни стараюсь, не могу решить, что Теренс считает большим грехом, но считаю, что все произошло после свадьбы, и Белмейн просто не мог заполучить ее сам.

Мысли Шарлотты пришли в смятение. Вполне приемлемое, хоть и ужасное объяснение.

– О, Стюарт...

Он слегка отстранился и погладил ее плечо:

– Не жалею меня, Шарлотта. Несмотря ни на что, меня растили любящие родители.

– Но гадать... Знать, что все подозревают, будто ты...

Хотя она осеклась, он прижал палец к ее губам.

– Так или иначе, я наследник Белмейна, а он никогда не позволит Теренсу помешать отдать мне наследство. – Он отнял руку и нежно поцеловал Шарлотту. – Прошлое не изменит тебя, каким бы ты ни был. Оно может повлиять на твой характер, но не будет диктовать, каким должно быть твое будущее. Если ты, конечно, сам ему этого не позволишь.

Стюарт натянул одеяла повыше и прижал Шарлотту к себе. Несколько секунд оба молчали, наслаждаясь взаимной близостью и полным доверием. Старые раны уже не ныли так сильно, словно рваные края ее боли соединились с рваными краями его боли, и они сумели утешить друг друга.

– Стюарт... – нерешительно начала Шарлотта, – расскажи об Оуквуд-парке.

Его рука надолго легла на ее плечо.

– Это в Сомерсете.

Его пальцы снова скользнули по ее руке.

– На самом деле это тихая маленькая ферма. Едва насчитывает сто двадцать акров. Я купил ее у шотландца, который так и не нашел времени туда съездить. Ферма перешла его семье по брачному контракту, но на ней десятилетиями никто не жил. – Он рассказал о земле, описывая ее акр за акром. – Там очень плодородная почва, которая за эти годы превратилась в целину. Но она может быть вспахана уже следующей весной и подготовлена к севу овса и ячменя.

Затем Стюарт рассказал о доме, нуждавшемся в ремонте, но все еще крепком, если не считать восточного крыла, крыша которого некоторое время назад обвалилась.

– Мы уже почти его снесли, – спокойно добавил он, но Шарлотта расслышала в его голосе нотки гордости и энтузиазма. – На этом месте можно построить прекрасную оранжерею, как у матери в Барроуфилде. И я хотел бы разбить сад, в котором были бы не только старые дубы, но и фруктовые деревья. Вот и вся ферма...

Стюарт замолчал, и она поняла, что он думает о труде и времени, которые вложил в Оуквуд-парк. Он любил это поместье. И в этот момент Шарлотта вознесла молитву о том, чтобы ему удалось сохранить усадьбу, хотя она боялась думать, что для этого потребуются. Стюарт заслужил куда большего. Как она могла отказать ему во втором шансе, возможности начать новую жизнь, когда она сама хотела для себя того же самого?

Он снова притянул Шарлотту к себе и беззвучно вздохнул, овеяв ее шею теплым дыханием.

– Тебе нужно уходить, верно? – прошептала она.

Он пригладил ее локоны:

– Не сейчас.

– Спасибо, – пробормотала Шарлотта, помолчав. – За то, что сказал мне.

Стюарт улыбнулся сладостно-горькой улыбкой.

– Я сам очень рад.

Странно, но это было так, хотя этот разговор убедил его в необходимости продать Оуквуд-парк. Рассказ о времени и усилиях, потраченных на поместье, о планах и надеждах только подчеркнул разницу между участком земли и женщиной в его объятиях. Он любил их. Но не мог получить все сразу, поэтому выбрал ту, которая ответила ему любовью. Шарлотту.

Сейчас он не ощущал потери, хотя это еще придет, когда он подпишет бумаги на продажу. Исповедь Шарлотте была словно последней прогулкой по поместью. Прощальным визитом. Он не мог заставить себя сделать то, что требуется для сохранения поместья. Завтра он тайно наведет справки и, если все пойдет гладко, получит такую цену, что сумеет полностью заплатить Баркли. А потом... Возможно, Уэр нуждается в еще одном управляющем или смотрителе одного из поместий. В конце концов, его с юности учили хозяйничать в Барроуфилде, и он с успехом применил знания в Оуквуд-парке. Он вполне способен управлять поместьем, и это обеспечит ему крышу над головой и доход, достаточный, чтобы содержать жену.

И тут он кое-что вспомнил.

– Шарлотта, – тихо начал Стюарт, – сегодня я получил записку от Питни.

Она вздрогнула и перевернулась. Ее лицо в свете свечи казалось бледным и встревоженным.

– Хорошие новости, – поспешил заверить он, прежде чем рассказать, что узнал сыщик. – Сьюзен скоро будет дома.

Она нежно и сладостно его поцеловала. Стюарт подумывал рассказать ей о своем решении по поводу Оуквуд-парка, но слова не шли с языка, и он решил подождать, пока не поговорит с Уэром и не завершит продажу поместья. Это настолько важное решение, что ему необходимо больше, чем ощущение, больше, чем слепая уверенность в том, что все будет хорошо. Ему необходим план, нечто определенное, то, что он сможет предложить Шарлотте.

Он держал Шарлотту в объятиях, пока ее дыхание не стало ровным. Уверившись, что она спит, Стюарт сел. Он все еще не желал уходить. Но при мысли о том, какие неприятности их ждут, если Теренс найдет его здесь, ему стало не по себе. Когда Шарлотта перевернулась на живот, освободив его руку, Стюарт неохотно выскользнул из постели. Шарлотта снова перевернулась на спину.

Он порывлся в гряде сброшенной одежды, оделся и положил вещи Шарлотты на шезлонг. Снова оглянулся, собрал осколки статуэтки и спрятал в карман, чтобы их не увидела мать. Потом лучше укутал Шарлотту одеялом и в последний раз коснулся губами ее виска. При виде едва заметных следов слез на ее щеке сердце его заныло. Вряд ли она часто плачет...

Стюарт осторожно открыл дверь и, увидев, что в коридоре никого нет, вышел.

– Какого черта ты делаешь в моей постели, Дрейк?

Стюарт повернулся и сонно моргнул. Над ним со сложенными на груди руками стоял лорд Филипп Линдевилл. Сейчас он был очень похож на своего брата-герцога, разве что волосы у него были потемнее.

– Пип, – пробормотал он, – добро пожаловать домой.

– Здравствуй! Я слышал, что толпа разъяренных папаш изгнала тебя из Лондона.

– Не совсем.

Стюарт сел и потер глаза, прогоняя сон.

– Уэр дал мне ключ.

– Неважно, – отмахнулся Филипп, – живи, сколько хочешь. Только в гостевой комнате.

Он плюхнулся в кресло и откинулся на спинку.

– Итак, кто она?

– Она?

Стюарт потянулся к халату. Из коридора донесся шум шагов: очевидно, вернулись слуги. Уже через час они уберут и проветрят для него одну из спален. Стюарт привык к тишине и уединению, но Филипп, разумеется, не сможет обойтись без слуг.

– Женщина, из-за которой ты вернулся в город, – ухмыльнулся Филипп. – Наследница? Или обольстительница. – Он повертел над головой шелковый зонтик и кокетливо похлопал ресницами.

Стюарт насупился.

– Где ты это взял?

Филипп закрыл зонтик и поднес к носу:

– Лежал в холле, под вешалкой для шляп. Интересно, как леди могла уронить там зонтик и не заметить? Хотя пахнет она божественно.

Противясь желанию тоже его понюхать, Стюарт выхватил зонтик из рук друга. Шарлотта ничего не говорила о пропавшем зонтике. Должно быть, это произошло, когда они ездили кататься.

Он поспешно сунул изделие из шелка и проволоки под мышку.

– Не обращай внимания.

– Кстати, я приглашал тебя пожить здесь, – заявил Филипп, вставая, – но не навсегда. Внизу топчется Бентон с четырьмя фургонами, груженными ящиками, и сомневаюсь, что они здесь поместятся. Я привез с собой кое-что из вещей и...

– Бентон здесь?

Стюарт вынул из гардероба чистую одежду.

Филипп заботливо кинул в его сторону подвернувшийся под руку сапог.

– Я послал его на кухню. Жаль, что не могу быть более гостеприимным, но когда придет мой багаж...

– Ты более, чем гостеприимен, Пип, – заверил Стюарт, рассеянно проводя рукой по волосам.

«Четыре фургона! Что, во имя господ, привезла с собой из Италии Шарлотта?»

Стюарт вспомнил тигровую шкуру и содрогнулся.

– Я пошлю Бентона вместе с фургонами в Клапем-Клоуз. Нужно как можно скорее все распаковать.

– В дом твоего отца? С ума сошел! – воскликнул Филипп. – Да тебе даже входить туда не

позволено!

– Мать всегда меня примет, – пожал плечами Стюарт. – Спасибо, Филипп.

Филипп по-прежнему смотрел на него с изумлением.

– Да что все это значит?

Стюарт открыл, было, рот, чтобы объяснить, хотя бы частично, но передумал и покачал головой:

– Когда-нибудь я расскажу тебе. Слишком длинная история.

– В которой, надеюсь, полно экзотических красоток, – заметил Филипп, сурово глядя на друга.

– Да разве может быть иначе? – подмигнул Стюарт.

– Лючия!

Подруга с улыбкой вплыла в гостиную:

– Дорогая! Как рада вновь увидеть тебя! Но ты выглядишь такой бледной и усталой!

Шарлотта смущенно улыбнулась, сознавая, что за спиной маячит встревоженная миссис Дрейк.

– По меркам Лондона, еще совсем рано!

Лючия посмотрела на нее с сомнением, и Шарлотта поспешила представить подругу хозяйке. Миссис Дрейк вежливо, хоть и немного нервно поздоровалась, но тут же извинилась и ушла.

Лючия посмотрела ей вслед:

– Миссис Дрейк недовольна моим появлением, – вздохнула она, садясь в кресло. – Итак, что случилось?

– С тех пор как я в последний раз тебе писала, многое. Сыщик обнаружил, где скрывалась Сьюзен, хотя где она находится сейчас, неизвестно.

– Значит, тебе не нужна коллекция Пьетро?

Лючия закатила глаза.

– Я знала, что так и будет. Целых три дня паковала все, что уже успела распаковать, терпела команды камердинера твоего мистера Дрейка, затем мчалась в Лондон в убогом экипаже! И все это, чтобы узнать, что ты не нуждаешься в моей помощи.

– Нет, нам по-прежнему нужны ящики, – заверила ее Шарлотта. – Стюарта убедили, что похититель следит за домом. Если он увидит, что прибыли фургоны с вещами Пьетро, он будет знать: то, чего он хочет, – здесь. Будем надеяться, что он снова попытается проникнуть в дом в отчаянной попытке раздобыть желаемое.

– Вот как? – хитро усмехнулась Лючия. – Стюарт?

Шарлотта вспыхнула:

– Он мне очень помог.

– Прекрасно, – кивнула подруга. – Стюарт знает, что хочет женщина.

Шарлотта укоризненно уставилась на нее. Лючия с довольным видом пожалала плечами.

– Я не ожидала твоего приезда, – сменила тему Шарлотта. – Думала, ты наслаждаешься своим положением в Кенте.

Лючия прищелкнула языком и потянулась за портсигаром. При виде этого Шарлотта не смогла сдержать вздоха.

– Я, разумеется, приехала помочь тебе. Кент становится все скучнее. Мистер Уитли решил вернуться в Лондон, так что в Кенте не осталось ничего привлекательного. Не то чтобы меня так уж влекло к мистеру Уитли! Какую ошибку я сделала, позволив тебе убедить меня не добиваться твоего мистера Дрейка! Я сразу поняла, что он человек действий, а не слов!

– Так ты приехала с мистером Уитли?

Лючия с недовольным видом кивнула:

– Я послала его снять номер в приличном отеле. Он чересчур разговорчив и, если повезет, будет договариваться с владельцами отелей весь день, пока не сорвет голос.

– О господи!

Шарлотта прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Лючия с отвращением фыркнула.

Прежде чем Шарлотта успела придумать, что еще сказать, в холле началась суматоха. А через минуту дверь распахнул широко улыбающийся Стюарт.

– Доброе утро. Надеюсь, ты уже готова начать распаковывать ящики?

Шарлотта невольно улыбнулась. Как трудно не улыбнуться Стюарту!

– Доброе утро. Ты знаком с моей подругой, Лючией де Понто? Лючия, это мистер Стюарт Дрейк!

Лючия встала. Стюарт поклонился.

– Синьора.

– Очень рада, – проворковала Лючия. – Я совсем мало о вас слышала.

Стюарт поколебался, потому что смотрел на Шарлотту.

– Полагаю, мы это очень скоро исправим, – ответил он, показав на дверь. – Простите мои дурные манеры, но я уверен, что все понимают необходимость спешить. Если мы расставим ящики в холле, сможем приносить вещи сюда. У вас есть полный список содержимого ящиков?

Шарлотта покачала головой.

– В таком случае необходимо его составлять по мере того, как в гостиной будут расставлять вещи.

– Я этим займусь, – вызвалась Лючия, снова садясь. – В жизни не желаю больше дотрагиваться до соломы!

Шарлотта последовала за Стюартом в холл, куда два лакея уже несли первый ящик.

– О боже! – выдохнула она, выглядывая из двери и пытаясь сосчитать ящики в фургоне. – Я уже и забыла, как их много.

Стюарт взял ее руку и поднес к губам:

– Хорошо спала? – тихо спросил он.

Она залилась краской:

– Да.

– Сожаления?

Шарлотта покраснела еще гуще, но не отвела глаз:

– Нет.

Стюарт улыбнулся, и она с облегчением поняла, что он не был уверен в ее ответе.

Прежде чем выпустить ее руку, он снова коснулся губами костяшек ее пальцев.

– Переоденься! Мне очень нравится это платье. И я предпочел бы, чтобы оно не превратилось в пыльную тряпку.

Когда Шарлотта снова спустилась вниз, Стюарт разговаривал с матерью. Амелия ломала руки, наблюдая, как медленно, но неуклонно растет в холле гора ящиков и сундуков.

Шарлотта остановилась, осознав, как много поставлено на кон. Вряд ли они могут сделать что-то существенное, и все же ее вновь охватил страх. Что, если похититель ищет что-то, чего у нее нет? Все аргументы Стюарта были достаточно логичны: итальянец, который ищет что-то в ящиках, наверняка хочет найти что-то итальянское. Но что это может быть? Похититель открыл каждый ящик, но не нашел желаемого. Может, где-то спрятано нечто маленькое, но очень ценное? Как они могут надеяться найти это, если он так и не смог?

Но тут Шарлотту заметил Стюарт и, словно одурманенный, несколько мгновений не сводил с нее глаз. Наконец он опомнился, что-то сказал матери и поспешил подняться по лестнице. К Шарлотте. Его взгляд успокоил ее так, как не смогла бы успокоить тысяча слов. Ей не придется оставаться наедине со своими страхами. Он рядом, и они будут вместе, пока не отыщут Сьюзен.

– Мне следует извиниться перед твоими родителями, – прошептала Шарлотта. – Я доставляю им столько неудобств!

Но Стюарт, еще не дослушав, покачал головой:

– Похититель следит за домом. Мы хотим, чтобы он увидел прибытие фургонов и понял, что сокровища уже совсем близко. Здесь много места, и мать понимает, как важно найти твою племянницу.

Шарлотта прикусила губу:

– Боюсь, мы его не найдем.

– Найдем, – заверил Стюарт, сжимая ее руку.

– Но как? Вор даже не намекнул, что ищет, а я понятия не имею, что ему нужно. Что будем делать, если не отыщем ничего ценного? Какая-то вещь из этих ящиков стоила мне потери племянницы, но какая именно?!

Она закрыла глаза и ощутила его губы на своем виске.

– Какая-то вещь из этих ящиков вернет тебе племянницу, – мягко поправил Стюарт. – Ты должна думать только об этом.

Шарлотта тяжело вздохнула и открыла глаза.

– Тогда давай начнем.

Они работали несколько часов. Вазы, статуи, скульптуры и картины вынимались из соломы, и, прежде чем Бентон уносил все в гостиную, Лючия вносила каждую вещь в список. В поисках чего-то необычного Шарлотта тщательно осматривала каждый экспонат, но все выглядело так же, как в Италии. Она всем сердцем пожелала узнать, что запаковала не все. Завещание Пьетро было так странно сформулировано: он просил сохранить каждый экспонат. Неужели знал, что какой-то из них причинит столько бед?

Ко второму завтраку один фургон был пуст, второй опустел наполовину, а в гостиной осталось совсем мало места. К полудню, когда разгрузили третий фургон и принялись за четвертый, в гостиной яблоку было негде упасть. Лючия жаловалась на истертые пальцы, Шарлотта была готова вывалить остальные вещи прямо на тротуар и там оставить, и даже хорошее настроение Стюарта испарилось.

– Я слышала Марчеллу Раскати в опере, – сообщила Шарлотта Лючии, чтобы немного отвлечься, хотя урна, которую она вытащила, была очень тяжелой, а пол, усыпанный соломой, несмотря на усилия постоянно подметавших его горничных, был очень грязным.

Лючия удивленно вскинула брови:

– Марчелла Раскати? La porcellina?

– La porcellina? Как это переводится? – невинно осведомилась Амелия.

Она стала им помогать, как подозревала Шарлотта, чтобы ускорить процесс и уберечь ковер в гостиной. Но потом она принялась все громче восхищаться вещами, и теперь была занята, как все они. В волосах даже застряла солома.

– Поросенок, – объяснила Лючия. – Потому что у нее пяточок вместо носа и визг вместо самых высоких нот. Что она пела?

– Сюзанну из «Женитьбы Фигаро».

– Сюзанну? – пренебрежительно отмахнулась Лючия. – Полагаю, ее ошкарки и прогнали со сцены.

– Нет, ее очень хорошо приняли.

Шарлотта отдала урну Бентону и глянула на Стюарта.

– Как вам понравилась опера?

Он пожал плечами и оторвал ломом крышку с очередного ящика.

– На мой слух, она пела прекрасно.

– Ба! – фыркнула Лючия. – Ваш английский слух!

– У Шарлотты такой же английский слух, как у меня, – подчеркнул Стюарт.

– Она была в Милане и Венеции и слышала то, что принято называть настоящей оперой.

– Англичанам приходится довольствоваться тем, что они имеют, – вздохнула Шарлотта. –

Здесь не так много оперных певцов.

– Их и во всем мире не так много. Это дар. Дар исполнять оперные арии, и никакой жалкий поросенок не имеет права открывать рот и визжать, называя это пением!

– Конечно, нет. Но если все, что могут получить люди, – это поросенок... – Шарлотта пожалала плечами, доставая из ящика статую, оказавшуюся очень тяжелой. Шарлотта поволокла ее по полу, ногой отбрасывая солому. Статуя зацепилась за угол ящика, вырвалась из ее рук и стала падать. Шарлотта едва успела ее поймать, прежде чем та ударилась о пол. Край статуи врезался в исцарапанные руки, и Шарлотта со стуком поставила статую, которая тут же опасно покачнулась.

– Смотри, что делаешь! – недовольно воскликнула Лючия. – Что хорошего во всей этой работе, если начинаешь бить вещи? А вдруг это и есть сокровище?

Потная, запыленная, мучившаяся от боли в руках и спине Шарлотта посмотрела на статую, оказавшуюся той, которую она особенно ненавидела: ухмыляющийся Меркурий. От выражения его физиономии ей было не по себе и создавалось ощущение, что статуя исподтишка за ней следит. Пьетро держал ее в спальне, а иногда и разговаривал с ней. Как с живой. Даже сейчас казалось, что Меркурий насмехается над их усилиями. И она поняла, что больше такого не вынесет.

– Это не сокровище, Лючия. Это подделка. Как и все остальные вещи.

– Что?! – воскликнули остальные хором. Даже бесстрастный Бентон остановился и уставился на нее.

Слишком уставшая, чтобы держаться на ногах, Шарлотта почти рухнула на нижнюю ступеньку.

– Пьетро был поддельвателем предметов искусства, – утомленно пробормотала она, обводя рукой скопление статуй и картин. – Все это фальшивки.

– Уверены? – допытывался Стюарт. – Откуда вы знаете?

– Он сам признался.

Шарлотта прислонилась к столбику перил. Как приятно сидеть, не держа что-то в руках! Хватит обращаться с подделками Пьетро, как с бесценными шедеврами! Она вообще никогда не хотела возиться с ними. Каждое «творение» только напоминало ей о годах и месяцах ее жизни, когда она была так одинока. Прошлой ночью Стюарт сказал чистую правду: Пьетро использовал ее для осуществления своих фантазий. Взамен он содержал ее в роскоши, но Шарлотте пришлось всячески ему угождать. Только теперь, после того как Стюарт показал ей, что такое быть любимой, она поняла, как одинока была в Италии.

Но больше она не станет защищать имя умершего мужа. Пьетро заставил ее поклясться хранить тайну и пыжился от гордости, позволяя людям верить, что его коллекция – подлинная. Возможно, он именно поэтому и оставил ее Шарлотте, что всякий другой узнал бы правду и объявил его мошенником. До сих пор Шарлотта молчала только из благодарности за все, что он сделал для нее, когда она отчаянно нуждалась в помощи. Но это было раньше. Теперь она опасалась, что ее уважение к просьбе усопшего одурачило слишком много людей и стоило ей

слишком дорого.

– Какого черта!

Стюарт с грохотом уронил лом.

– Все это?

– Все, – кивнула Шарлотта.

– Не может быть, леди Гриффолينو, – запротестовала Амелия, прижимая к груди маленький мраморный бюст, словно пытаюсь его защитить. – Они так красивы!

Шарлотта мрачно улыбнулась:

– У него был талант, но не хватало воображения. Подмастерья учатся ремеслу, копируя шедевры, а Пьетро просто не мог остановиться. Он копировал все прекрасные вещи, которыми хотел владеть, но не мог, – либо потому, что они были слишком дороги, либо потому, что были слишком хрупки или слишком хорошо известны... Он просто копировал их, чтобы доставить себе удовольствие.

Она показала на статую, которую перед этим едва не уронила:

– Любимая вещь Пьетро. Стояла в его спальне.

Сведя брови, Стюарт перебрался через груды соломы и ящиков, чтобы поближе взглянуть на статую, изображавшую молодого человека с лирой в руке. Второй рукой он перебирал струны. Увенчанная лавровым венком голова была наклонена к инструменту, но взгляд был обращен на окружающих. Чувственный рот кривила хитрая улыбка.

– Я бы никогда не заподозрил! Почему он создавал все эти подделки? Эта выглядит прекрасно.

Шарлотта показала на руку бога:

– Вот только левая рука длиннее правой. Нога выщерблена в том месте, где он не позаботился заполировать статую как следует, а лира слишком мала.

Лючия отбросила перо.

– Боже! Старый мошенник! Подумать только, он дарил мне много подобных вещей!

Шарлотта вяло пожала плечами:

– По крайней мере, он ничего тебе не продал.

– Значит, вы с самого начала знали, что грабитель никогда не найдет чего-то ценного, – медленно выговорил Стюарт, мрачней на глазах. – И он постоянно вламывался в дом, а вы ничего не предпринимали. О чем вы только думали, Шарлотта?! Что, по-вашему, искал вор?

– Не знаю! Я подозревала, что ему нужно что-то поменьше, то, что легко унести с собой. Золотая тарелка или усаженный драгоценными камнями реликварий. Но почти все, что в ящике, – громоздкие вещи, картины в рамах и статуи. Очень трудно пронести Меркурия по улицам и остаться незамеченным, независимо от того, подделка это или нет.

Стюарт продолжал неодобрительно хмуриться.

– Вы ужасно рисковали.

– Пока вы не встали у него на пути, он не делал ничего такого, что могло угрожать нашей жизни, – резко сказала она, снова терзаясь угрызаниями совести из-за того, что не обращала внимания на грабителя, пока не стало слишком поздно. Его не одурачили подделки Пьетро, но он украл единственное сокровище Шарлотты – ее племянницу. И если она не сможет найти нечто настоящее, кто знает, вдруг Сьюзен никогда не вернется...

– Так что нам делать со всем этим? – спросил Стюарт, вздевая руки к потолку.

– Если вы говорите, что все это ничего не стоит, как мы будем торговаться с похитителем?

– Вели оценить все это, дорогой Стюарт, – вставила Амелия, с грустью оглядываясь и все еще прижимая к груди бюст Купидона. – Будем надеяться, что какая-то вещь окажется подлинником.

– Не окажется, – бросила Шарлотта с отвращением, и встав, потянулась, но задела статую, недостатки которой только что описала. В раздражении и гневе она толкнула изображение Меркурия, срывая злость на ни в чем не повинном мраморе. Статуя покачнулась, наклонилась и с ужасным грохотом упала на пол. Голова бога оторвалась и расколосась надвое. Одна половина, проскользив по паркету, врезалась в охапку соломы, другая замерла у подножия лестницы.

Стюарт перевел дыхание, словно намеревался упрекнуть Шарлотту. Но вместо этого вздохнул:

– Одной меньше в списке, – махнул он рукой, наклоняясь, чтобы поднять безголового Меркурия. Схватил его за шею и снова поставил.

– Да этот парень внутри полый, – с удивлением заметил он.

– Скареда, – презрительно бросила Лючия. – Истинный скульптор никогда бы не использовал дешевый камень.

– Что же, вполне естественно, – заметил Стюарт, пытаясь придвинуть покореженную статую к стене. – Полый бог для мошенника-скульптора.

Он снова толкнул статую к стене, и на пол посыпалось еще больше мраморной крошки. Стюарт стряхнул с себя сор, и к нему тут же поспешила горничная с метлой. Но он не трогался с места:

– Шарлотта...

– Что там?

Она взглянула ему в лицо, бросилась к статуе и заглянула внутрь. Как и сказал Стюарт, статуя была полый, очевидно, с какой-то целью. Края полости были гладкими и ровными. Женщина наклонилась ближе:

– Статуя... Внутри что-то есть!

В холле раздались удивленные крики. Все сгрудились вокруг статуи. Стюарт осторожно извлек туго свернутый бумажный рулон, очевидно старый и пожелтевший, разорванный по краям и смятый.

– Знаете, что это? – спросил Стюарт Шарлотту.

– Нет, – покачала головой та.

– Что это, Стюарт? – спросила раскрасневшаяся от волнения Амелия.

Шарлотта неожиданно поняла, что в молодости она, вероятно, была очень красива.

– Пока не понимаю, матушка.

Стюарт отнес рулон в столовую и осторожно развернул. Бумага была тонкой, но не порванной, если не считать краев, участки которых местами обратились в пыль.

– Это эскизы, – поняла Шарлотта, прижимая бумагу к столу.

Листы поменьше сворачивались снова, и ей приходилось ловить края. Подобные рисунки художник делает перед тем, как перенести изображение на холст. Но изображения буквально рвались с бумаги, особенно потому, что были в натуральную величину. Обезумевшие лошади сцепились друг с другом, а их всадники сошлись в смертельной битве. Мужчины в военной одежде пронзали друг друга дротиками и скрывались за щитами, лежа под копытами разъяренных коней. Здесь были оруженосцы с копьями, солдаты, сжимавшие рукояти мечей, корчившиеся в смертных судорогах безголовые изуродованные фигуры.

– Очень жестокие сцены, – констатировал Стюарт, просматривая изображения отрубленных конечностей. – Но почему они были спрятаны? Их нарисовал Пьетро?

Шарлотта беспомощно покачала головой.

– Он был скорее скульптором. Правда, иногда писал картины. Но у него никогда не хватало терпения делать эскизы.

Стюарт склонил голову набок, изучая профиль человека, явно призывавшего войско к

наступлению.

– Возможно, он собирался написать шедевр? И в порыве вдохновения сделал эти эскизы?

– Кто посчитает это сокровищем, кроме самого Пьетро? – фыркнула Шарлотта.

Но тут Лючия протянула руку и ткнула пальцем в герб геральдического штандарта.

– Ангиари.

– Что такое Ангиари?

– Ангиари, – пояснила Лючия, многозначительно глядя на Шарлотту. – Как знает всякий флорентиец, знаменитая битва древних времен, в которой Итальянская лига, возглавляемая Флорентийской Республикой, победила миланскую армию.

Шарлотта насторожилась. Пьетро, как и Лючия, тоже был флорентийцем и очень этим гордился.

– Магистрат заказал две фрески в честь победы: одна – битва при Ангиари, вторая – битва при Кашине. Вторую должен был создать Микеланджело, но он написал только этюды. Леонардо, тоже флорентийцу, поручили изобразить битву при Ангиари, но из-за того, что да Винчи выбрал не те краски, фреска была утеряна.

– Что вы хотите этим сказать?

– Утеряна безвозвратно. – Лючия щелкнула пальцами. – Утеряна. Краски отсырели и попросту сползли со стены.

Все четверо снова повернулись к рисункам. На них поражали тщательно проработанные детали, даже набухшие вены в ноздрях коней были как реальные.

– Думаете, это он? Леонардо? – тихо спросила Шарлотта.

Лючия пожала плечами.

– Не знаю. Его эскизы копировали многие художники. Даже в те времена Леонардо считался великим.

– Так это и есть сокровище? – Вцепившаяся в руку сына Амелия благоговейно воззрилась на рисунки. – Боже, сколько это может стоить?

– Если это Леонардо, он бесценен, – ответила Лючия, садясь.

– Это возможно? – спросил Стюарт Шарлотту.

Та поколебалась.

Мог ли Пьетро наткнуться на бесценные эскизы и спрятать их, чтобы не пришлось делиться? На последнее он вполне способен, а Меркурий – идеальный тайник. Но каким образом он мог отыскать эскизы самого Леонардо? Вряд ли можно просто зайти к антиквару и приобрести их.

– Не знаю, – выговорила она наконец. – Но мне трудно в это поверить. Когда я была его женой, в коллекции не было ни одного подлинника. Одни подделки.

– Что же, это объясняет историю с вашими драгоценностями, – пробормотал Стюарт, отнимая руку.

Рисунки тут же свернулись в рулон.

– О чем вы? – поразились Шарлотта.

Жалея о том, что проболтался, Стюарт неловко переминался с ноги на ногу.

– Вы не знали, что некоторые ваши драгоценности могут оказаться... э... подделкой?

Рука Шарлотты взлетела к горлу, хотя на ней не было ожерелья.

– Нет!

– Э... да. Э... Ожерелье из бриллиантов и изумрудов...

Она продолжала смотреть на него во все глаза. Стюарт откашлялся и снова занялся рисунками.

– Откуда ты знаешь, Стюарт? – спросила мать.

– Проверил, когда его украл, – сообщила Лючия.

Стюарт раздраженно уставился на нее. Сейчас ему было не до шуток.

– Украл?! – ахнула Амелия.

– Не совсем, – промямлил Стюарт. – Я вернул его. – Он снова развернул рисунки. – Думаю все же, что они – подлинники. Все это очень подходит под описание сокровища. И кроме того, рисунки были надежно спрятаны в тайнике, о котором никто не мог подозревать, поскольку, как сказала мадам де Понто, большинство скульпторов используют в работе цельные мраморные глыбы. Никому и в голову бы не пришло, что внутри этой статуи что-то есть.

– Значит, вы нашли сокровище, – заключила Лючия. – И конечно, не должны отдавать его безумцу.

Амелия вновь заломила руки:

– В таком случае кому они принадлежат?

– Жителям Флоренции, – отрезала Лючия. – Это их битва. Три века назад они заплатили за рисунки.

– А вот я сомневаюсь, что это подлинники, – возразила Шарлотта. – Просто поверить не могу. Возможно, это сделанные с оригинала копии, и Пьетро мог спрятать их, чтобы тоже скопировать и выгодно продать. Я всегда подозревала, что он занимался подделкой древностей и произведений искусства, хотя никогда не признавался в этом. И даже если мои драгоценности – фальшивка, это только прибавляет мне уверенности. Он был законченным мошенником.

Стюарт принялся сворачивать рисунки:

– Нам следует все проверить. Продолжайте распаковывать вещи. Может, найдете что-то интересное.

– Что будете делать? – спросила Шарлотта, принимаясь ему помогать.

– Посмотрю, можно ли определить подлинность или доказать, что это подделка.

Он собрал листы и вышел в холл. Шарлотта последовала за ним.

– Возможно, это не удастся, – предупредила она. – Хорошая подделка...

Стюарт остановился и вытянул руку:

– Очень может быть, – согласился он. – Но мы должны попытаться. Если это фальшивки, можно попробовать отдать их похитителю, как подлинники. Похоже, он сам не знает, что представляет собой сокровище. Он уже видел большую часть вещей, когда обыскивал ваш дом. И кстати, у меня есть что сказать по поводу вашего преступного пренебрежения визитами грабителя. Но, похоже, он не был одурачен. Ни одна вещь его не заинтересовала. Но рисунки он увидеть не мог.

– Почему же мы не можем воспользоваться ими, чтобы выманить его прямо сейчас? – нетерпеливо вскричала Шарлотта. – Если это не имеет значения...

– Имеет, – ответил Стюарт, беря шляпу у дворецкого. – Если это подлинники, значит, они принадлежат Италии, и ни один человек, особенно грабитель, не должен ими владеть. И нам следует знать, с чем мы имеем дело, прежде чем рисковать гипотетическими сокровищами.

– Разумеется, но... – Шарлотта стиснула руки, жадно глядя на рисунки: – Не могли бы мы дать ему знать? На всякий случай? Сколько времени займет установление подлинности?

– Есть настоящий эксперт в подобных делах, – заверил Стюарт. – Я учился у него в Кембридже.

– Я еду с вами, – немедленно вызвалась она.

– Я так и знал, – ухмыльнулся он.

Шарлотта повернулась к Лючии и Амелии, которые тоже вышли в холл:

– Мы едем к человеку, который может сказать нам, подлинники ли это, – сообщила она.

– Поезжайте, – отмахнулась Лючия. – Нам продолжать?

– Да-да, – кивнула Шарлотта, взяв у подбежавшего лакея шляпку и перчатки. – Скоро вернемся.

Лакей открыл дверь, и Шарлотта, уже выходя, услышала вопрос Лючии:

– Может, лучше просто разбить каждую статую?

Амелия испуганно охнула.

Дверь захлопнулась. Стюарт остановил кэб и помог Шарлотте сесть.

– О, Стюарт, ты уверен, что он ищет именно это? – спросила она, когда лошадь тронулась.

– Будем надеяться, что сумеем его убедить. Если он следит за домом прямо сейчас, грабитель увидит, что мы в спешке уехали, как только фургоны были разгружены. При определенном везении он скоро свяжется с нами.

Горя от едва скрываемого возбуждения, они посмотрели друг на друга.

– Вероятно, мы скоро найдем Сьюзен, – тихо сказала Шарлотта. – О, как я надеюсь, что твой друг дома!

Как оказалось, дома его не было. Почти больная от разочарования Шарлотта позволила Стюарту усадить ее в экипаж. Он уже хотел сесть рядом, но внезапно отступил.

– Минуту, – попросил он и поспешил назад, на крыльцо, чтобы вновь постучать в дверь молотком.

Шарлотта видела, как он что-то сказал только что разрушившему ее надежды дворецкому, после чего сошел вниз с широкой улыбкой на лице.

– Старина Шерри поехал в клуб! – объявил он, садясь в экипаж. Затем наклонился вперед и назвал кучеру адрес. – Попытаюсь найти его там.

– Я тоже хочу поехать.

– Тебя туда не пустят, – покачал головой Стюарт. – Завезу тебя домой и поеду сам.

– Но...

– Нет, – тихо, но твердо ответил он, целуя ее. – Я не позволю тебе сидеть целый час одной в экипаже. Шерри хороший парень, но он очень рассеян. Возможно, ответ из него придется вытягивать долго.

Шарлотта пробормотала крайне грязное итальянское ругательство, но не стала протестовать.

У дома Дрейков Стюарт помог ей выйти и задержал ее руку несколько дольше необходимого.

– Насколько я понимаю, мы отыскали то, что ему нужно. Независимо от того, подлинные рисунки или нет, мы близки к тому, чтобы найти Сьюзен. Но требуется немало терпения. Слишком резкое движение – и он запаникует. Пообещай, что будешь ждать моего возвращения.

– Пообещай, что приедешь в течение часа, – отпарировала она.

– Шарлотта! – остерег он, хотя глаза его смеялись.

– Хорошо-хорошо! Но ты должен поспешить.

– Ради тебя поспешу.

Он повернул ее руку ладонью вверх и поцеловал. Жар его губ проник сквозь кожу перчатки.

– Ради тебя подожду, – выдохнула она.

Всего одним взглядом Стюарт сумел напомнить ей о прошлой ночи. Обо всем, что он сказал и сделал.

Словно все поняв, он подался вперед. Теперь его синие глаза весело сверкали.

– Я люблю тебя, – прошептал Стюарт.

Шарлотте все это по-прежнему казалось невероятным. Она улыбнулась и качнулась к нему, на мгновение забыв обо всем: о таинственных рисунках, о напряжении прошлой недели, о том, что следующий час ей предстоит ждать вестей, о чувстве вины, сожаления, о терзавших ее сомнениях...

Она смотрела вслед кэбу, и по ее лицу блуждала неопределенно-глуповатая улыбка. На углу Стюарт высунулся в окно и помахал рукой. Шарлотта махнула в ответ, и он исчез.

Она поднялась на крыльцо. У открытой двери уже стоял лакей.

В холле было тихо. Солому убрали, а поддельные шедевры по-прежнему оставались на своих местах, даже обезглавленный Меркурий. Несколько секунд Шарлотта рассматривала статую. Вполне подходящий конец жалкого маленького слизняка, решила она.

Вошедшая в холл Амелия при виде Шарлотты остановилась как вкопанная:

– Что вы узнали?

– Ничего. Джентльмена не было дома, – вздохнула Шарлотта, снимая шляпку и перчатки. –

Стюарт отправился в клуб мистера Шеридана. Попробует найти его там.

– О боже, – помрачнела Амелия. – Он точно в клубе. Джентльмены всегда пропадают в клубах.

– Будем надеяться, – произнесла Шарлотта. – Лючия уехала?

Амелия кивнула:

– Вернулась в отель, отдохнуть, поскольку мы решили, что бессмысленно распаковывать остальные вещи.

Шарлотта повернулась и отправилась в гостиную, где Бентон снова укладывал в ящики коллекцию Пьетро, на этот раз не так осторожно и медленно.

– Можете идти, – сказала Шарлотта. – Это подождет. Вы заслужили отдых после того, как столь быстро привезли все в Лондон.

– Да, мадам, – поклонился Бентон. – Рад был услужить. Как неприятно, что все это оказалось бесполезным.

Шарлотта подумала над словами лакея. Все это окажется полезным, если приведет к возвращению Сьюзен. По крайней мере, больше не будет помехой. Интересно, что, по мнению Пьетро, должна была сделать Шарлотта со скульптурами? Неужели он считал, что рано или поздно она сумеет отыскать сокровище? Он не оставил ей ничего ценного. Хотя она не рассчитывала получить от Пьетро какие-то деньги, она всегда считала, что на черный день у нее есть драгоценности, которые можно продать. Мать завещала ей наследство, дававшее скромный доход, но Шарлотта истратила много денег на поиски Сьюзен. Собственно говоря, если она не начнет тратить деньги племянницы, то скоро останется такой же нищей, как Стюарт.

Губы Шарлотты искривила грустная улыбка. Что они за парочка! Оба без единого пенни! С того момента как Стюарт признался ей в любви, она надеялась... мечтала... что у них все будет хорошо. К сожалению, она так и не поняла, каким образом это у них получится. При таких трагатах к концу недели у них на двоих останется пара шиллингов.

Как бы там ни было, Шарлотта была реалисткой. Независимо от того, чем она сама готова пожертвовать ради любви, вряд ли она могла ожидать, что Стюарт откажется не только от Оуквуд-парка, но и от всякого шанса стать богатым. Он сам сказал, что не хочет всю жизнь зависеть от родных. Как бы сильно они ни любили друг друга, она боялась того, что может сделать с ними благородная бедность. Не кончится ли тем, что Стюарт начнет жалеть, что не женился на богатой? Даже если он не станет винить ее, сможет ли она вынести его разочарование?

Вряд ли.

Но ведь он ей ничего и не предлагал! Да, признался в любви, но это вовсе не означает, что он хочет на ней жениться! Ей бы давно следовало знать, что страсть не обязательно приводит к свадьбе. Нужно ценить столь редкую близость между ними и не надеяться на нечто большее. Если она потеряет Стюарта, ее жизнь не закончится, зато она вернет Сьюзен, и, возможно, это произойдет скоро. А обязанности опекуна займут ее время и мысли. Кроме того, в сердце навсегда останется уголок, где она будет хранить память о любви. Что же, с остальным она смирится. В отличие от других любовных неудач, эта стоит всех страданий.

В комнату торопливо вошла Амелия, за которой следовала горничная с чайным подносом.

Шарлотта была рада возможности отвлечься. Но, к сожалению, Амелия в основном хотела поговорить об ужасном трюке, который проделал с ней Пьетро, от которого она всего-навсего получила коллекцию подделок. У Шарлотты было что сказать о Пьетро и его мошенничестве, но вряд ли стоило откровенничать с миссис Дрейк. Если бы хотя бы несколько картин или скульптур оказались подлинниками, у нее было бы достаточно денег, чтобы жить спокойно и в достатке, не заботясь о будущем. Достаточно даже, чтобы выйти замуж за человека, которого она

любит.

– Письмо, миледи.

Вошедший дворецкий протянул Шарлотте записку, и она с облегчением ее схватила.

– Это от Стюарта! – воскликнула она, увидев знакомый почерк. – Он просит меня приехать, но ничего не говорит о том, что узнал.

– Совсем ничего? – изумилась Амелия. – Как такое возможно?

Шарлотта, нахмурившись, продолжала изучать записку.

– Здесь указан не тот дом, в который мы приезжали сегодня днем!

Стюарт сказал, что едет в мужской клуб, куда ее не пустят. Если в записке указан не адрес дома мистера Шеридана и не его клуба, тогда какой же?

– Интересно, куда он поехал.

Амелия с тихим вздохом села на диван.

– Неужели это все подделки? – в который раз спросила Амелия с сожалением. Бюст Купидона, который она вынула из ящика, стоял на каминной доске, ангельски улыбаясь, словно бог любви наслаждался шуткой, которую сыграл с ними.

Шарлотта продолжала хмуриться. Что-то в этой записке казалось странным, но она не могла понять, что именно. Возможно, она всего лишь злится на то, что Стюарт ничего ей не сказал. В послании не было ничего подозрительного. Просто оно слишком короткое. Досадно короткое.

«Немедленно приезжай», – говорилось в нем. И больше ничего, кроме адреса. Как все другие записки Стюарта, эта была подписана большой буквой «С» с сильным наклоном.

– Миссис Дрейк, – медленно выговорила Шарлотта, – эта записка не кажется вам странной?

Она протянула записку Амелии. Та подалась вперед и взгляделась в текст.

– Что вы хотите сказать? Странной? Правда, здесь ничего существенного не сказано, но...

Она внезапно осеклась и вновь перечитала послание.

– Что? – встревожилась Шарлотта, мгновенно уловив перемену в поведении хозяйки.

– Видите ли... это не похоже на руку Стюарта.

Шарлотта резко вскинула голову.

– Впрочем, я редко вижу его почерк, – при виде потрясения на ее лице Амелия мгновенно отступила. – Он мог измениться. Стюарт нечасто мне пишет. Возможно, он торопился, когда писал, или... Господи!

– У меня есть записка, которую он прислал вчера, – вспомнила Шарлотта. – Давайте сравним.

Амелия с облегчением согласилась, и Шарлотта побежала вверх по лестнице в свою комнату. Но не смогла найти записку. Куда она пропала? Шарлотта была совершенно уверена, что положила ее в ящикек прикроватной тумбочки прямо под окном.

Мгновенно пришедшая в ее голову мысль заставила Шарлотту посмотреть на выходившее в сад окно. Она медленно и осторожно отодвинула штору. Окно было не заперто и бесшумно отворилось при одном прикосновении. Человек, легко взбирающийся на стены, подобно проникавшему в ее дом грабителю, без труда проберется в комнату. В точности, как пробрался в спальню Сьюзен.

Шарлотта снова развернула записку. Это писал не Стюарт! Похититель!

Она снова порылась в ящике, на этот раз в поисках его записки. Она тоже пропала. Там, где раньше лежали три письма, осталось только жизнерадостное послание Сьюзен.

Шарлотта застыла, каждый удар собственного сердца казался ей раскатом грома. Вор прокрался в ее комнату и снова рылся в вещах. Он не только вытворял нечто подобное в Кенте, не только украл ее племянницу, не только следил за Шарлоттой в Лондоне, но и вломился в

чужой дом! Неужели она никогда от него не избавится?

Трясущимися руками Шарлотта открыла гардероб, вынула пистолет, умело его зарядила и спустилась вниз.

– Вы нашли... о!

При виде пистолета Амелия широко раскрыла глаза.

– Что вы делаете?

– Эта записка... – Шарлотта взмахнула листочком – ...от похитителя. Последняя записка от Стюарта исчезла вместе с запиской похитителя. Он вломился в ваш дом и украл их. А теперь пытается заманить меня к себе фальшивым посланием.

– Но дорогая...

Лицо Амелии побелело.

– Вы должны дождаться Стюарта! Он никогда не простит меня, если с вами что-то случится.

– Вы должны сказать ему, куда я еду.

Стюарта нет всего с полчаса. Она не может ждать. И не может позволять ему вечно действовать за нее! Если она немедленно не отправится по этому адресу, похититель поймет, что не сумел ее одурачить, и может сорвать злость на Сьюзен.

Шарлотта снова перечитала записку, запомнила адрес и только потом отдала ее Амелии:

– Я не могу ждать. Человек, который удерживает мою племянницу, похоже, способен на все, и я не пошлю Стюарта вместо себя, тем более что ему может грозить опасность.

– Но для вас это в такой же степени опасно!

– Не столько для меня, сколько для похитителя, – заверила Шарлотта. – А если я не поеду, он может причинить зло Сьюзен.

Она вышла в холл и едва не столкнулась с входившим в дом мистером Дрейком.

– Прошу прощения, сэр, – бросила Шарлотта, протискиваясь мимо. Отдала пистолет потрясенному дворецкому и стала надевать плащ.

– Нахальная девчонка, – проворчал мистер Дрейк. – На кой черт вам это понадобилось?

– Пистолет принадлежал моему отцу, – вскинув подбородок, спокойно пояснила Шарлотта. Она сделала вид, будто не поняла сути вопроса. – Я унаследовала его от брата. Сейчас взяла, чтобы пристрелить злодея, похитившего мою племянницу. – Спрятав пистолет в складках плаща, она кивнула мистеру Дрейку: – Доброго вам дня, мистер Дрейк.

С этими словами Шарлотта повернулась и вышла из дома, успев услышать рев мистера Дрейка, зовущего жену. Лакей поспешил за ней, чтобы нанять экипаж, в который Шарлотта незамедлительно села. Холодное, мертвенное спокойствие снизошло на нее. Больше не нужно ждать и волноваться. Так или иначе, все идет к завершению.

Экипаж остановился перед зданием Кембриджского общества антикваров, клуба, состоявшего из выпускников Кембриджа, чьей главной страстью была любовь к истории и предметам искусства – чем старше, тем лучше. Человек, которого искал Стюарт, был одним из основателей и ревностно искал бывших студентов, чтобы завербовать их в ряды общества. Стюарт, естественно, предпочитал другие виды деятельности, но все же питал к искусству некоторый интерес.

Он миновал ряд просторных, не слишком хорошо освещенных комнат. В столовой яростно спорили два члена общества. Один то и дело поднимал руку с зажатой в ней вилкой, словно собираясь ткнуть ею в оппонента, расставлявшего серебро в подобии военного строя и энергично трясаемого головой. По мере приближения Стюарта спор стал еще более жарким. Мужчина с вилкой принялся ожесточенно тыкать в серебро на столе, а второй вскочил и стал

лихорадочно разбрасывать приборы вокруг тарелок.

– Главное, Шерри, не позволяйте ему забрать ваш бокал, – хмыкнул Стюарт. – Он задумал обходной маневр вокруг солонки.

– А, юный Дрейк!

Глаза Джаспера Шеридана загорелись.

– Приехали вступить в наше общество?

Стюарт улыбнулся. Коренастый крепкий коротышка Шерри ужасно напоминал ежика, что и стало его прозвищем среди студентов Кембриджа. Вокруг его круглой физиономии с румяными щечками-яблочками неряшливыми прядями торчали теперь уже сильно поседевшие волосы. Стюарт припомнил, как он носился по залу на носочках, слегка подавшись вперед, словно под порывами сильного ветра. Он был чудачком, это правда, но он считался лучшим знатоком римской истории и интересовался искусством.

– К сожалению, нет. У меня для этого нет способностей.

– Вздор! Нам достаточно энтузиазма! – фыркнул Шерри, откладывая вилку.

Он извинился перед собеседником и показал Стюарту на свободные кресла.

– И мы никогда не устраиваем экзаменов, хотя ты прекрасно умеешь создавать видимость усердия, по крайней мере большую часть времени.

Стюарт вспомнил, как ему не удалось стать первым студентом по истории потому, что накануне он пил с друзьями, а наутро явился на последний экзамен к Шерри с фонарем под глазом и ужасной головной болью. Тогда это не слишком его волновало, поскольку он не думал, что придется зарабатывать на жизнь знаниями. Но, если честно, Стюарт давно уже жалел, что не может вернуть ту ночь пьяного разгула.

– Боюсь, у меня действительно нет на это способностей.

– Лицемер. Все у вас есть, только дисциплина отсутствует, – буркнул Шерри и, вынув трубку, стал ее набивать. – Но, заметьте, я не в обиде. Очень немногие из ваших товарищей обладали необходимой дисциплинированностью, чтобы стать учеными. Припоминаю, что молодой Филдинг и тот парень Кейтборо были весьма трудолюбивы. Жаль только, что мозгов у них было, как в пудинге на свином сале. Ладно! Довольно об этом! Что привело вас в общество?

Шерри зажег трубку и с довольным видом откинулся на спинку кресла.

– Я привез кое-что, что может вас заинтересовать, – объявил Стюарт. – Мой друг недавно нашел рисунки самой необычной природы и хочет знать об их происхождении.

– Вот как? Авторство и подлинность рисунков, как вы можете помнить из моих лекций, очень сложно установить.

– Я ничего не забыл, Шерри, – ухмыльнулся Стюарт. – Но эти рисунки... необычны.

– Вы это уже говорили, – заметил Шерри, затянувшись. – Ну что же, давайте посмотрим.

Он выудил из кармана очки, насадил их на нос и подождал, пока Стюарт осторожно развернет рисунки на низком столике. Несколько секунд Шерри просто хмурился, склоняя голову то на левый, то на правый бок.

– Знаете, это действительно что-то любопытное, – пробормотал он и, не касаясь рисунка, пальцем обвел в воздухе контуры. – Мускулатура... Перспектива... Прорисовка волос...

Он стал перебирать рисунки, изучая один за другим.

– Где вы это взяли? – вскинулся Шерри, неожиданно напрягшись и пристально глядя на Стюарта.

– Были спрятаны в статуе Меркурия.

Брови Шерри взлетели к самым волосам. Стюарт кивнул:

– Да, знаю, бог воровства. Предыдущий владелец статуи был известным фальсификатором. Меркурий почти наверняка его работа. Когда статуя упала, ее голова отлетела, потому что шея

была полой. Вот это было внутри.

– В самом деле? – рассеянно пробормотал Шерри, изучая рисунок, не замеченный ранее Стюартом. Встав, он нахмурился и похлопал себя по карманам: – Погодите, где зеркало?

– Зеркало?

Шерри потянул за шнур сонетки.

– Зеркало. Здесь что-то написано, но буквы совсем бледные. Похоже, слова написаны задом наперед, но в зеркале их можно прочитать.

К ним подошел слуга.

– Принесите маленькое ручное зеркало и лупу, – велел Шерри. – И попросите Бингли присоединиться к нам.

– Шерри, – поспешно произнес Стюарт, – это личное дело. Прежде чем консультироваться у других, я хотел бы узнать ваше мнение.

Но Шерри только отмахнулся и наградил его жестким взглядом:

– Вздор! Если эти рисунки – то, что подозреваю я, и то, что подозреваете вы, а вы, молодой человек, всегда были немного умнее, чем стараетесь показать, мнение Бингли – именно то, что вам надо. Бингли жизнь посвятил итальянскому искусству.

– Хорошо, – покорно пробормотал Стюарт, почувствовав себя так, словно все еще был учеником Шерри. Тот продолжал изучать рисунки, пока не появился слуга с маленьким зеркальцем и лупой. За ним шествовал Бингли.

– Что такое, что такое? – вопрошал он, вертя головой, болтавшей на тощей шее: – Что-то новенькое?

Шерри показал на рисунки.

– Странные работы, Бингли. Что скажете об этом?

Бингли так быстро нагнулся над столом, что едва не ткнулся в рисунки носом. А Стюарт едва не протянул руку, чтобы его поддержать.

– Чудо, старина. Чудо, – благоговейно бормотал Бингли. – Хорошо, даже очень. Зеркало есть?

– Принесли.

Шерри тоже нагнулся над столом, и Стюарт стал наблюдать, как они под разными углами наклоняют зеркало и подносят к верхнему рисунку лупу, говоря друг с другом на каком-то странном языке, которого он не понимал.

– Да это просто невероятно! – провозгласил Бингли, подняв глаза на Стюарта. – Где, господи боже, вы это отыскиали?

Стюарт снова рассказал историю о полой статуе. Голова Бингли все это время бессильно болталась. Если Шерри – еж, Бингли – настоящий кузнечик, длинноногий, тощий и постоянно готовый к прыжку.

– Меркурий? Как чудно, – пробурчал наконец Бингли. – Забавно, забавно. И кому это принадлежит?

– Меркурий – собственность моего друга.

Стюарт поколебался, прежде чем подвинуться к краю кресла и, понизив голос, произнести:

– Ее шантажируют, требуя отдать неизвестное итальянское сокровище. Она знала, что Меркурий ничего не стоит, и считает, что эти рисунки тоже подделка. Но если не найти сокровище, ей грозит беда. Мне нужно знать, подлинники ли это, а если нет, можно ли их выдать за сокровище. Что скажете, Шерри? Бингли?

Шерри снова затянулся.

– По-моему, подлинники. Я не слишком разбираюсь в живописи, но кое-что повидал, а эти эскизы просто невероятно похожи на другие рисунки Леонардо.

Бингли потирал подбородок.

– О боже, боже! – бормотал он. – Думаю, это Леонардо, но не уверен. Если отнести другим экспертам, можно получить более точное представление.

– У меня нет времени, – отрезал Стюарт. – Нужно выяснить немедленно. На карту поставлена человеческая жизнь.

– Во что вы впутались, молодой человек? – спросил Шерри, пронизательно глядя на Стюарта. – Женщина, шантажисты, таинственные рисунки, чья-то жизнь в опасности?

Стюарт отмахнулся:

– Значит, рисунки достаточно хороши, чтобы даже эксперт посчитал их подлинными? Полагаю, этого достаточно. Спасибо, Шерри, мистер Бингли.

Стюарт потянулся к рисункам.

– Но послушайте, мы обязаны узнать правду! – воскликнул Бингли.

Стюарт помедлил, после чего вынул один рисунок и протянул ему.

– Возьмите этот. Я не могу отдать все. Если этот окажется настоящим, принесу на экспертизу остальные.

Стюарт очень осторожно свернул рисунки.

– Они, скорее всего, бесценны, – остерег Шерри. – Обращайтесь с ними бережно, мистер Дрейк.

Чтобы скрыть собственные опасения, Стюарт бесшабашно улыбнулся. Ему придется рискнуть этими рисунками, и это, похоже, неизбежно. Если только не существует еще одна полая внутри подделка, которая тоже заполнена утерянными шедеврами. Он намерен сделать все, чтобы спасти рисунки, но нужно думать и о безопасности Сьюзен. Стюарт знал, что выберет. Что такое эскизы, на несколько веков потерянные для мира, против жизни девушки?

– Сделаю все, что могу, Шерри.

– Я надеялся на что-то более убедительное, – сухо заметил тот.

– Это лучшее, что я могу предложить, – кивнул Стюарт. – Приеду через несколько дней, узнать, что вы выяснили.

Покинув немного успокоенных Бингли и Шерри, он, обуреваемый тяжелыми мыслями, отправился в родительский дом. Им нужно каким-то образом сообщить похитителю, что они нашли нечто, похожее на сокровище. Стюарт решил не пояснять, что именно найдено. Пусть грабитель гадает. Тогда они сумеют выманить его из укрытия туда, где можно будет его схватить. Но грабитель будет настороже и, даже если его поймают, вряд ли откроет, где Сьюзен. А поимка грабителя сама по себе мало значит, если Сьюзен не вернется.

Когда Стюарт подъехал к родительскому дому, в его голове вертелись только обрывки и части плана. Осторожно держа свернутые рисунки, он выпрыгнул из экипажа. Им необходим очень надежный тайник. Возможно, Уэр сможет их сберечь.

Стюарт взбежал на крыльцо и, к своему изумлению, увидел стоящую на пороге мать. Она была бледна и встревожена.

– О, Стюарт, дорогой! – воскликнула она. – Слава богу, ты приехал! Я знала, что ты так скоро вернешься! Умоляла леди Гриффолино подождать, но она не захотела и ушла, как только прочитала записку. Оставила ее тебе, чтобы ты последовал за ней.

Стюарт сунул рисунки лакею:

– О чем ты, матушка? – спросил он, схватив ее за плечи. – Что сделала Шарлотта?

– Ушла. – Мать икнула. – Получила записку якобы от тебя. Только мы поняли, что не ты ее писал, потому что почерк был не похож на твой. Потом она взяла свой пистолет и ушла.

Миссис Дрейк принялась неуклюже разворачивать листочек бумаги. Стюарт выхватил его и быстро прочитал.

– Дьявол! – выругался он, смяв записку. – Дьявол! Она мне обещала!

– Но я пыталась ее убедить, – плакала миссис Дрейк, сжимая руки. – Ты должен немедленно ехать. Ей может грозить опасность... Стюарт!

Но Стюарт уже исчез.

Дом был самым обычным: респектабельно выглядевшее здание в тихой части города. Шарлотта поразились коварству похитителя. Если бы она не разгадала его уловку, то, ничего не подозревая, поднялась бы на крыльцо и постучала.

В полной уверенности, что за ней наблюдают, Шарлотта сделала вид, что именно это и собирается сделать. Только вместо того чтобы постучать, повернула ручку двери, которая немедленно открылась. Шарлотта скользнула внутрь, сжимая в руке рукоять пистолета.

Дом казался пустым. Стены были голыми, на полах не было ковров, а на перилах лежал тонкий слой пыли. Чтобы ступать неслышно, Шарлотта скинула туфельки и осторожно пошла вперед, заглядывая за углы, чтобы избежать нападения. Одновременно она настороженно прислушивалась.

Шарлотта обыскала первый этаж. Ничего и никого. Дом выглядел покинутым, словно здесь давно никто не жил. На пыльном полу виднелись следы, но было трудно идти по ним, поскольку шторы были сдвинуты.

Глубоко вздохнув, Шарлотта приподняла юбку и поспешила наверх. Поднявшись, она распласталась по стене и подождала, пока дыхание выровняется. Теперь она со страхом оглядывалась по сторонам. Коридор шел в направлении улицы, по обе его стороны виднелось множество закрытых дверей. За любой из них могло скрываться все, что угодно, и Шарлотте не хотелось их открывать.

Но тут она услышала тихий шум. Чьи-то шаги. Не сводя глаз с лестницы, Шарлотта шагнула вперед. Свернув за угол, она увидела свет, льющийся из открытой двери почти в конце коридора. Ожидая ловушки, она пошла еще медленнее и подняла пистолет.

Наконец она приблизилась к большой, светлой, выкрашенной в жизнерадостный желтый цвет комнате. Там кто-то есть. Ходит по комнате. Стук, стук, стук, пауза. Стук, стук, стук, пауза. Мерит шагами комнату и наверняка устроил засаду.

Едва смея дышать, Шарлотта подобралась ближе и заглянула в комнату.

Сьюзен!

Шарлотта невольно охнула, и племянница с выжидающей улыбкой обернулась. При виде тетки, а возможно, при виде пистолета ее глаза округлились. Девушка порывисто прикрыла рот рукой.

Шарлотта прижала палец к губам и, поспешно заглянув внутрь, с колотящимся сердцем вошла в комнату. И сразу почувствовала опасность.

Но Сьюзен была здесь одна. Как и весь остальной дом, эта комната не была обставлена, если не считать низкого столика, на котором, как ни странно, был накрыт чай для двоих. Шарлотта прикрыла дверь и отняла палец от губ.

– Тетя Шарлотта! – выпалила изумленная девушка. – Что вы здесь делаете?!

– Сьюзен, нам нужно уходить, – твердо, но тихо велела Шарлотта. – Пойдем. Мы сможем поговорить позже.

– Нет! – запротестовала племянница.

Шарлотта встревожено ее осмотрела. Девушка выглядела совершенно здоровой и невредимой. Одежда довольно поношена, но если единственное, что сделал с ней злодей, – это лишил горничной, Шарлотта будет на коленях благодарить бога.

– Ни за что! Дэниел будет беспокоиться, куда я исчезла. Я не ожидала так скоро тебя увидеть, но раз ты уже здесь, ты должна остаться и познакомиться с ним. Он чудесный, правда, тетя Шарлотта! Мы должны скоро пожениться, и мы станем жить в этом доме. Что ты думаешь?

Он не слишком...

– Расскажешь позже, – перебила Шарлотта. – Я так тревожилась за тебя! Как ты могла уехать, не объяснив мне, в чем дело? Он не тот человек, за которого ты его принимаешь.

Сьюзен вскинула подбородок:

– Неправда! О, ты не можешь так думать! Подожди, вот увидишь сама. Он пошел купить печенье к чаю. Мы хотим проверить, каково будет завтракать в этой комнате. Она будет моей. Правда, романтично?

Щеки Сьюзен порозовели.

С Шарлотты было довольно услышанного. Этого человека нет дома.

– Мы скоро вернемся, – заверила она, решив прибегнуть к прямой лжи, лишь бы благополучно вывести отсюда Сьюзен. – Я просто жажду увидеть его, но сначала должна рассказать всем, что нашла тебя! Боже, ты так меня напугала, когда исчезла, оставив только таинственную записку! Так ты выходишь замуж? Как волнующе!

– Ты... Ты не сердисься? – пробормотала Сьюзен и изумленно открыла рот.

Шарлотта с невинным видом пожалала плечами:

– Да нет, конечно! Ты преподавала мне урок: кто я такая, чтобы стоять на пути любви? Я была так одинока и несчастна с тех пор, как ты уехала. Пожалуйста, пойдем со мной, хотя бы ненадолго! Отныне я сделаю все, чтобы ты была счастлива. Простишь меня?

– О! – воскликнула сбитая с толку племянница. – Полагаю, что так.

– Я так рада видеть тебя снова! – продолжила Шарлотта. – Тебе понадобится подвенечное платье, мало того, приданое. Подобные вещи требуют времени, и мы должны заказать все немедленно, иначе не получим ни одной вещи до конца сезона.

– Ну... – поколебалась Сьюзен. – Может, мне оставить записку для Дэниела?

– Я немедленно пошлю записку, как только мы приедем домой, – пообещала Шарлотта, готовая на все, лишь бы убраться из этого дома. Как только Сьюзен будет в безопасности, она позволит мистеру Питни и Стюарту проследить за этим Дэниелом. – Я нашла отличную модистку, но она очень разборчива и принимает новых посетителей поздно вечером. Если не поспешим, она закроет магазин до следующего дня.

– Хорошо, я пойду с тобой. Но, по-моему, я видела здесь клочок бумаги...

Сьюзен повертелась, оглядывая пустую комнату.

– Мне действительно стыдно за то, что я покинула Кент таким образом. Но я знала, что ты этого не одобришь, хотя чувствовала, что мне нужно самой что-то делать с собственной жизнью. Как ты, когда, покинув Ниццу, уехала в Италию. Иногда кардинальные перемены жизненно необходимы и...

– Сьюзен, пожалуйста! – взмолилась Шарлотта, беря племянницу за руку и буквально таща к двери. – Я не видела тебя несколько недель, и скоро ты вернешься. Это платье просто необходимо сменить, а горничную уволить.

Она продолжала болтать, пытаясь заставить упирившуюся девушку двигаться быстрее. Все еще нерешительно кусая губы, Сьюзен сделала несколько шагов к двери, но тут же остановилась. На ее лице расцвела радостная улыбка.

– Дэниел! – вскричала она. – Тетя Шарлотта наконец нашла нас! И ты обрадуешься, узнав, что она совсем не сердится и готова нам помочь!

– В этом я сомневаюсь.

В дверях стоял стройный мужчина с вьющимися волосами. В руке он держал пистолет. Темные глаза, оливковая кожа, величественная осанка: худой и красивый молодой человек с надменным лицом. Очень похож на покойного мужа Шарлотты, только моложе на сорок лет. При виде него Шарлотта задохнулась. Неприятная тайна мгновенно прояснилась.

Мужчина ступил в комнату и захлопнул за собой дверь.

– Положите пистолет, графиня, – велел он.

Шарлотта медленно, не сводя с него немигающих глаз, положила пистолет на маленький чайный столик.

– Господи боже, Дэниел! – игриво воскликнула Сьюзен. – Пистолет тебе больше не нужен!

Тетя Шарлотта даст нам свое согласие. Правда, чудесно? Скоро мы сможем пожениться.

Он глянул сначала на Сьюзен, потом на столик:

– Вы не выпили чай.

– Я ждала тебя, – пробормотала она, надувшись. – Дэниел...

– Где оно? – перебил он, в упор глядя на Шарлотту.

– Понятия не имею... Данте.

Он слегка дернулся, услышав свое настоящее имя, но не возразил.

– Его зовут Дэниел Олбрайт, тетя Шарлотта, – поправила Сьюзен, мгновенно растеряв всю жизнерадостность. – Вы встречались раньше?

– Нет, – ответила Шарлотта, по-прежнему глядя в глаза врагу. – Но я его видела. Это не Дэниел Олбрайт, по крайней мере, не это имя было дано ему при рождении. Это Данте д'Алабрини, внучатый племянник Пьетро де Гриффолоино. Однажды, год или чуть больше назад, он приезжал на виллу.

– Английская шлюха, – спокойно бросил Данте, переходя на итальянский. – Он все отдал тебе, а мне ничего не оставил. Где мое сокровище?

– У меня нет твоего сокровища, – заявила Шарлотта на английском. – Все, что оставил мне Пьетро, – ничего не стоящая коллекция подделок, как ты, несомненно, знаешь, поскольку несколько раз проникал тайком в мой дом, чтобы обыскать ящики.

– Я хочу его вернуть, – процедил Данте. – Оно мое, и я не отпущу ее, пока не скажешь, где оно.

Шарлотта шагнула в сторону, ближе к Сьюзен.

– Я не скажу ничего, пока она не окажется в безопасности. Как ты посмел похитить мою племянницу, чтобы заставить меня отдать сокровище, которого у меня даже нет? Как посмел уверять ее, что любишь и хочешь жениться?

– О чем ты, тетя Шарлотта? – ахнула Сьюзен и, не дожидаясь ответа, повернулась к Данте: – Дэниел, какое сокровище?

Он бесстрастно глянул на нее:

– Тебе следовало выпить чай, – сказал он по-английски, очень правильно, но с явным иностранным акцентом.

– Туда, скорее всего, подсыпано какое-то зелье, – остерегла Шарлотта.

– О, нет! – запротестовала Сьюзен. – Дэниел никогда бы такого не сделал!

– Вот как? – спокойно спросила Шарлотта. – В таком случае где печенье, которое он хотел купить?

В руке у Данте был только нацеленный на Шарлотту пистолет.

– Пожалуйста, опусти оружие, Дэниел, – медленно проговорила Сьюзен, не сводя глаз с пистолета и осторожно вкладывая ладонь в руку Шарлотты.

Данте с пренебрежением посмотрел на нее и усмехнулся:

– Твоя тетка должна немедленно принести мое сокровище. А ты останешься здесь и, как послушный ребенок, выпьешь чай.

Улыбка его была ледяной, и Сьюзен поежилась:

– Ты, – прошипел он, злобно взирая на Шарлотту, – к вечеру привезешь сюда сокровище. Нас тут не будет. Когда его доставят мне, я отпущу ее к тебе. Ты прикажешь своему любовнику и

его наемному псу оставаться ночью дома. С твоей стороны было умно сидеть на месте и позволить обыскивать Лондон им. Я много дней провел в ожидании, надеясь похитить тебя прямо с улицы. Но ты всегда умела подчинять мужчин своей воле, не так ли?

– Я не уйду без Сьюзен, – отрезала Шарлотта, стараясь говорить как можно громче в надежде, что Стюарт придет и услышит ее. – А если убьешь меня, никогда не узнаешь, где сокровище. Если сокровище действительно существует. Все, что Пьетро оставил, не стоит и пенни, включая драгоценности. Нас обоих одурачили. Пьетро был поддельвателем предметов искусства и лжецом. Что мешало ему дразнить тебя каким-то мифическим сокровищем, если собственной жене он дарил фальшивые драгоценности!

– Лгунья – это ты! – рявкнул он, шагнув к ней. Его глаза пылали ненавистью. – Оно у тебя! Он сам признался, что завещает все тебе, минуя меня! Плевать мне, если он осыпал тебя тысячей стекляшек вместо бриллиантов! Сокровище предназначалось мне! Я знаю, оно у тебя! Сам видел прибывшие из Кента фургоны.

– Я даже не знаю, о чем ты, – заявила Шарлотта, хотя втайне начала думать, что, возможно, рисунки все-таки были подлинниками. – Когда он сказал тебе о сокровище? Откуда ты знаешь, что оно существует на самом деле?

– Он украл его у коллекционера в Зальцбурге. Тот хотел все отреставрировать. Пьетро так и сделал. Потом скопировал сокровище и подменил оригиналы копиями, – презрительно рассмеялся Данте. – Поддельватель и вор! Пусть старый мошенник горит в аду вместе с Мастером Адамом^[1]!

Он снова стал абсолютно серьезным:

– Принеси его сегодня. Если его не будет к полуночи, она исчезнет вместе со мной.

– Никуда ты ее не увезешь! – объявила Шарлотта. Сьюзен, дрожа, вцепилась в нее. – Мы немедленно уходим. А если застрелишь меня, знай, что полученное от Пьетро наследство будет расколото, разрезано и сожжено. Я больше не позволю никого одурачить его подделками!

– Я пристрелю не тебя, а ее, – пообещал он, поводя дулом пистолета из стороны в сторону, словно выбирая, в кого пустить пулю.

Сьюзен, бормоча что-то неразборчивое, схватила Шарлотту за плечо.

Шарлотта обняла ее и ответила на итальянском:

– Если причинишь ей боль, скормлю тебе твои яйца. Миру нужны новые кастраты.

Он прищурился и злобно рассмеялся:

– Все стараешься защитить свою сучку! Мать из тебя никудышная! Она сбежала со мной, стоило прочитать ей пару стихотворений! Такое слабое, ничтожное создание! Как все англичанки! Простой намек на романтику, и их можно срывать, как цветы с куста.

Шарлотта ничего не ответила. Сьюзен со страхом глазела на Данте поверх ее плеча. Он склонил голову набок, изучая их. На его губах застыла жестокая улыбка:

– Как она ненавидела тебя! Ты была так несправедлива, так лицемерна! Благодарю вас, графиня, ее стремление сбежать от вашей тирании облегчило мне задачу. Я не ожидал, что она сама соберет вещи, чтобы пойти со мной. Неужели все англичанки отдаются так легко? Именно это дядюшка любил в тебе?

Шарлотта стояла неподвижно, хотя его слова наполнили ее сознанием вины и яростью. Все это правда. Она подвела Сьюзен, поскольку была несправедлива и лицемерна. Племянница даже не знала, насколько, если учесть историю со Стюартом.

Но спорить с ним не стоит. Как не стоит показывать слабость. Нужно быть спокойной и сохранять ясную голову.

Данте неожиданно развернулся и взмахнул пистолетом, понуждая их отойти от двери и встать у столика.

– Я получу свое сокровище, графиня, – пообещал он. – Посмотрим, чем можно вас убедить.

Стюарт буквально летел по улицам, время от времени безуспешно пытаясь нанять экипаж. Казалось, прошла вечность, прежде чем он добрался до тихой респектабельной улочки, куда, по словам матери, отправилась Шарлотта.

«Будь проклята эта женщина, – гневно думал он. – Не могла подождать и часа! Помчалась справляться с безумцем самостоятельно! Дай только добраться до нее! Я хорошенько ее встряхну, потом прижму к себе, потом снова тряхну и снова прижму к себе».

Поднявшись на крыльцо, он остановился перевести дыхание. Дверь была приоткрыта, и Стюарт скользнул внутрь, стараясь успокоить взбудораженные нервы. Несколько секунд он прислушивался: сверху доносился слабый шум голосов. Стюарт бесшумно взбежал по лестнице, двигаясь так тихо, как только позволяли обстоятельства. От верхней площадки вел коридор, по обе стороны которого тянулись двери. Готовый в любой момент побежать, Стюарт осторожно пробирался вперед и едва не выдал себя, когда свернул за угол и увидел фигуру, маячившую за приоткрытой дверью.

– Теренс?!

Отец повернулся и прижал палец к губам. Стюарт, послушно замолчав, встал рядом с ним и прислушался. Голос Шарлотты, четко произносивший звонкие английские слова. И мужской голос, мягкий, с чужеземным акцентом.

«Итальянец!» – подумал Стюарт со смесью тревоги и возбуждения. Они нашли похитителя! И Шарлотта сейчас с ним, в той комнате!

Теренс взмахнул рукой, и Стюарт подался вперед.

– Там две дамы, – прошептал Теренс в ухо Стюарта, едва двигая губами. – Он, похоже, им угрожает. Твоя приятельница говорит вполне отчетливо, но я не понимаю, что отвечает мужчина.

– Он итальянец, – выдохнул Стюарт. – Как долго ты здесь?

– Я проследил за твоей приятельницей от нашего дома.

Стюарт мысленно велел себе расспросить отца позже.

– Не знаешь, он вооружен?

– Я видел, как он пришел. Пистолет.

Стюарт кивнул.

– Нужно вытащить его оттуда. Только как мы уведем его подальше от дам?

– Ты принес оружие? – перебил Теренс.

Стюарт поморщился и покачал головой. Теренс нахмурился, но в его глазах не было раздражения.

– Что мы будем делать, когда он выйдет?

Стюарт глянул вниз. Теренс, как всегда, опирался на трость черного дерева; длинные костлявые пальцы сжимали рукоять в виде львиной головы.

– Там спрятана шпага?

Теренс проследил за его взглядом:

– Да.

– Я подниму шум. На лестничной площадке стоят высокие часы. Я могу спихнуть их вниз. Спрячься за дверью. Когда он выйдет в коридор и направится ко мне, ударь его шпагой в спину. Матушка сказала, что у Шарлотты есть пистолет. Если она сумеет, несомненно, пустит его в ход.

– У него тоже пистолет, – резко напомнил Теренс. – Что, если он просто пустит в тебя пулю?

– Ударь его шпагой в спину, – повторил Стюарт. – Только это сделай! Я сам о себе

позабочусь. Постарайся, чтобы он не вернулся в комнату.

Теренс почти неверяще уставился на него. Стюарт вдруг понял, что сейчас нормально говорил с отцом. Впервые за много лет.

Выведенный из равновесия, он кивнул в сторону двери.

«И об этом подумай позже», – сказал он себе, потихоньку подкрадываясь к старым часам. Они давно остановились. Маятник был неподвижен. Исцарапанная спинка была прислонена к стене. Он сумел просунуть туда руки и наклонил часы к себе. Если повезет, он перекинет их через перила, и они с грохотом свалятся на пол первого этажа. В самом худшем случае они просто рухнут здесь же, в коридоре, с таким же грохотом.

Стюарт напрягся и поднял голову, чтобы дать Теренсу сигнал...

И в ужасе увидел, как отец распахнул дверь комнаты и переступил порог, вытянув руку с тростью.

– Немедленно перестань!

К полному потрясению Шарлотты, в комнату ворвался Теренс Дрейк. Глаза у него были дикие, седые волосы стояли дыбом. Он замахнулся тростью на Данте. В солнечном свете сверкнуло острие шпаги.

– Как ты смеешь угрожать этим женщинам?!

Несколько мгновений Данте в изумлении глазел на него, прежде чем поднять пистолет и выстрелить. Грохот почти заглушил вопль Сьюзен, которая тут же мешком свалилась на пол, увлекая за собой Шарлотту. Теренс вскрикнул. Трость покатила по полу. Больная нога подогнулась, и он тоже рухнул на пол. Стоявшая на коленях и пытавшаяся успокоить рыдающую племянницу Шарлотта не могла разглядеть, куда его ранило. Данте опустил пистолет и язвительно ухмыльнулся:

– Старый дурак!

– Какого...

В дверях появился Стюарт. Он окинул взглядом сцену и, выкрикнув проклятие, кинулся на Данте, хотя тот поднял пистолет, чтобы ударить им противника в лицо. Шарлотта рванулась вперед, схватила чайник и метнула в итальянца. Чайник ударил его в плечо, выбив из руки пистолет. Послышался звон разбитого фарфора, и в эту секунду Стюарт ударил Данте в живот. Оба повалились на пол.

Сьюзен снова вскрикнула, и Шарлотта толкнула ее за столик, а сама принялась искать свой пистолет.

Мужчины продолжали бороться. Внезапно Шарлотта заметила блеск ножа, поднятого над спиной Стюарта. Одним ловким движением она взвела курок, прицелилась и выстрелила. Отдача едва не сломала ей запястье. Уши заложило. Откуда-то издалека донесся крик мужчины. Она уронила пистолет и повернулась к распростертой на осколках посуды Сьюзен.

– Ты ушиблась? – ахнула Шарлотта.

Сьюзен, лежавшая с широко открытыми глазами, слегка качнула головой. Но Шарлотта, подскользываясь на осколках блюдца и задыхаясь от пороховой вони, уже пробиралась к Стюарту и Данте.

Данте, всхлипывая, свернулся калачиком и держался за руку. Кровь сочилась между пальцами. Превосходно! Она попала в него!

Маленький, убийственно острый кинжал отлетел на другой конец комнаты. Не обратив на него внимания, Шарлотта продолжала идти.

Стюарт лежал на спине, широко раскинув руки и закрыв глаза. Подойдя к нему, Шарлотта замерла как вкопанная.

– Стюарт! – охнула она. – Стюарт, нет!

Шарлотта положила его голову себе на колени и, наклонившись ниже, чтобы посмотреть, дышит ли он, принялась лихорадочно дергать за его фрак и жилет, чтобы проверить, бьется ли его сердце. Но ее руки слишком сильно тряслись.

– Нет! – заплакала Шарлотта.

Его веки дрогнули и поднялись.

– Иисус, Мария и Иосиф, у тебя железные нервы, – прохрипел Стюарт.

Шарлотта всхлипнула и крепко его поцеловала. Хотя Стюарт по-прежнему не шевелился, он все же вернул поцелуй. Но Шарлотта отстранилась, чтобы снова всхлипнуть:

– Я думала, что убила тебя!

– Нет, – заверил Стюарт, садясь и потирая затылок. – Хотя, возможно, оглушила. До этого момента никто не стрелял из пистолета в фуते от моей головы.

– Не смейся надо мной сейчас! – заплакала Шарлотта, цепляясь за него. – Я этого не вынесу...

Выражение его лица мгновенно изменилось:

– Ш-ш-ш-ш, – прошептал Стюарт, крепко ее обнимая. – Все хорошо. Ты всем принесла удачу.

– Вовсе нет, – рыдала Шарлотта, уткнувшись лицом ему в плечо. – Не будь я так строга к Сьюзен, она бы не доверилась ему так легко! Если бы я прислушалась к тебе, вокруг дома стояли бы охранники, и Данте не посмел бы ворваться в дом и увести ее! Не подозревай я тебя во всех грехах...

– Никогда бы не похитила меня, угрожая оружием, не привезла бы в Лондон, и мы никогда бы ее не нашли, – докончил Стюарт за нее. – Напомни поблагодарить тебя позже за то, что не пристрелила меня по пути в столицу. Не думал, что у тебя хватит храбрости стрелять, но готов немедленно признать свою ошибку.

– О!

Шарлотта разом обмякла, но почти немедленно села:

– Сьюзен! Сьюзен! Где...

– Я здесь, – откликнулась Сьюзен с другой стороны.

Сьюзен была все еще бледна и избегала смотреть в сторону продолжавшего всхлипывать Данте. Шарлотта обняла племянницу, а Стюарт, с трудом поднявшись, подошел к мистеру Дрейку и о чем-то с ним заговорил.

– Тетя Шарлотта? Прости меня, – попросила Сьюзен едва слышно. – Представить не могу, что была так глупа, что поверила ему. И прости, что так плохо думала о тебе.

– Молчи! Все это неважно.

Дрожа от запоздалого ужаса, Шарлотта прижала ее к себе. Краем глаза она видела, как Стюарт переворачивает Данте и перетягивает чем-то его руку.

С лестницы доносились шаги и громкие голоса. Комнату медленно наполняли люди: соседи, услышавшие выстрел, стражник, которого они позвали, и врач, живший по соседству.

Стюарт каким-то образом все разъяснил, а затем избавился от любопытных и соседей. Послал стражника за помощью, чтобы увести Данте в тюрьму, и попросил врача заняться ранеными. Все это время Шарлотта крепко обнимала племянницу, которая, казалось, больше никогда от нее не отойдет.

Когда вся суматоха улеглась, Стюарт вернулся к ним, скрипя каблуками по разбитой посуде.

– С вами все в порядке? – спросил он, становясь перед ними на колени.

Шарлотта кивнула, приглаживая волосы Сьюзен.

– Теперь да.

Шарлотта смотрела на него – живого, здорового и невредимого. Обессиленная Сьюзен

почти висела на ней, отчего спина Шарлотты начала ныть. Ее уши до сих пор болели. Запястье пульсировало. Она не помнила, когда еще была так счастлива. Слезы жгли глаза.

– Теперь все прекрасно.

Стюарт посадил Шарлотту и Сьюзен в один кэб, а отца вместе с хирургом – в другой. Сам он остался, чтобы дожидаться стражников. Шарлотта могла поблагодарить его только взглядом: вокруг было слишком много людей, чтобы сказать что-то вслух.

– Скоро увидимся, – пообещал Стюарт, постучав по крыше экипажа.

Шарлотта улыбнулась в ответ, и кучер щелкнул кнутом. Стюарт позаботится об этом точно так же, как заботился обо всем. Она надеялась, что мистер Дрейк убедился в том, что его сын хорошо справляется со сложными ситуациями.

К тому времени, как они прибыли, мистера Дрейка уже унесли в спальню. В доме раздавались тревожные крики миссис Дрейк и топот ног суетящихся слуг. Холл был пуст, и Шарлотта просто повела Сьюзен по лестнице в свою комнату. Пока все, что им нужно, – мир и покой.

Когда шум большого дома остался за закрытой дверью, Сьюзен наконец отпустила Шарлотту и огляделась.

– Тетя Шарлотта! Это... Это дом мистера Дрейка?

– Его родителей, – кивнула Шарлотта. – Мы приехали в Лондон, как только я поняла, что ты исчезла. Его мать пригласила меня остановиться у них.

– Вот как?

Сьюзен искоса взглянула на нее, словно не была уверена в том, что правильно это поняла.

– Я думала, он тебе не нравится.

Шарлотта покраснела:

– Я обвинила его в том, что он сбежал с тобой. Решила, что после того как ты пришла к нему на балкон во время бала у Мартинов... – Она помедлила, чтобы успокоиться. – Я обвинила его в твоём исчезновении, а когда поняла свою ошибку, он показал себя куда более благородным, чем я ожидала.

«И куда более порядочным человеком, чем я заслуживаю», – добавила Шарлотта про себя.

– Что же... – Сьюзен откашлялась и села на шезлонг, подальше от Шарлотты. – Ужасно быть неправым по отношению к кому-то, верно?

– Да.

Они немного помолчали. Шарлотта твердо решила пока что не требовать от Сьюзен объяснений. Она прошла через ад не затем, чтобы племянница снова ее возненавидела.

– Ты действительно невредима? – нерешительно спросила Шарлотта наконец. – Дэниел... Дэниел ничего тебе не сделал?

Сьюзен потеряла складку юбки.

– Нет. Мы говорили людям, что я его овдовевшая сестра. – Она прерывисто вздохнула: – Но он ничего мне не сделал. Ничего.

Шарлотта закрыла глаза:

– Слава богу!

– Тетя Шарлотта!

Сьюзен дрожащими пальцами комкала юбку.

– Ты ужасно на меня сердита? – жалобно и тихо выговорила Сьюзен и нерешительно подняла глаза. В этот момент она казалась одинокой, отчаявшейся девочкой.

– Нет, – покачала головой Шарлотта. – Ты поступила, как юная, неопытная девушка. Я слишком хорошо знаю, каково это – быть молодой и чувствовать себя так, словно тебя никто не понимает и не уважает. Я знаю, как легко поддаться очарованию человека, который предлагает

увезти тебя от спокойной, размеренной жизни и показать волнующий и чудесный мир. – Шарлотта тяжело вздохнула: – Себя я виню куда больше. Мне бы в голову не пришло, что грабитель может использовать тебя, чтобы добиться цели. Я получала предупреждение за предупреждением, знала, что ему нужно что-то, и все же игнорировала это, потому что не могла вынести мысли о том, чтобы открыть эти ящики и выпустить на волю призраков прошлого, которых хотела забыть. Я никогда... – Ее голос дрогнул. – Я даже не предполагала, что Дэниел посмеет дотронуться до тебя.

– От твердил, что ты отошлешь меня в школу, – шмыгнула носом Сьюзен. – Подслушал, как мы спорили той ночью. После твоего ухода поднялся по шпалере и сказал, что путешествовал по Италии и слышал про тебя много историй. Что ты женщина с ледяным сердцем, которая не терпит тех, кто посмел тебе возражать. Я начала бояться, потому что наговорила тебе много всего недоброго, а ты так рассердилась на меня, когда мы были у Мартинов. Дэниел очень мне сочувствовал и был так участлив! Когда я сказала, что не хочу ехать в школу, но мне больше некуда идти, он сказал...

Ее голос задрожал.

– Он сказал, что я самая прелестная девушка из всех, кого он видел в Англии, и чувствует себя ужасно из-за того, что меня запрут в какой-то кошмарной школе, где от девушек требуют весь день вышивать и варить мыло. Он описывал все это так, словно меня запрут в тюрьме, а я... я была так жестока с тобой... – бормотала Сьюзен, растирая глаза. – Я не знала, как снова встречусь с тобой после всего, что наговорила, и была уверена, что ты накажешь меня за грубость. Он был очень красив и знал все реплики Ромео, и не успела я оглянуться, как уже вылезала вместе с ним в окно.

– О, Сьюзен, – прошептала Шарлотта, нерешительно протягивая руку. – Я бы никогда не смогла отослать тебя! Ты не представляешь, как это жутко: остаться одинокой в мире, когда ты молода. Я никогда бы не сделала с тобой то... что сделал со мной отец.

– Что? – спросила Сьюзен, подняв на нее покрасневшие глаза.

Шарлотта прикусила губу, но все же решилась:

– Когда я была в твоём возрасте, со мной случилось почти то же самое, – призналась она. – Красивый, очень элегантный и обаятельный мужчина сделал мне предложение. Пообещал увезти меня от сурового отца в Лондон, где мы будем жить в роскоши. Но когда мой отец предложил ему деньги, он покинул меня и ушел не оглядываясь. А отец пришел в такое бешенство, что отослал меня в Париж, наказав, чтобы я не возвращалась, пока он не разрешит.

– Но папа сказал... – пробормотала сбитая с толку Сьюзен, – сказал, что ты любила путешествовать.

Шарлотта поколебалась.

– Полагаю, я просто привыкла путешествовать. И иногда невероятно наслаждалась каждой минутой. Но сама бы не выбрала подобную жизнь. Больше я никогда не видела моего отца и брата.

Сьюзен ахнула, глаза ее округлились.

– Неужели никогда?

Шарлотта покачала головой. По щекам Сьюзен покатались слезы.

– Ты правда не собиралась отослать меня? Даже после того, как я была такой злокой и убежала, причинив тебе столько бед? Ты не хочешь вернуться в Италию или Францию и избавиться от такого бремени, как я?

– О, Сьюзен, никогда! – страстно объявила Шарлотта. – Я оставила все это ради тебя в ту минуту, как узнала о смерти твоего отца. Все, что я хотела, – быть тебе доброй тетушкой и, если повезет, твоим другом.

– Прости. Мне очень жаль. Мне в голову не приходило, что ты останешься. Когда Дэниел сказал, что ты отправишь меня в школу, я поверила. Потому что все время думала, что ты устанешь от меня и вернешься в Париж или Рим либо еще в какое-то волнующее место, а меня оставишь с гувернанткой или отошлешь в какой-нибудь скучный пансион!

– Я остаюсь, – поклялась Шарлотта, снова ее обнимая. – Даже если мы не всегда будем ладить.

Сьюзен снова шмыгнула носом и вытерла глаза тыльной стороной ладони.

– Ты действительно похитила мистера Дрейка, угрожая ему оружием, когда посчитала, что он сбежал со мной?

Шарлотта слегка улыбнулась:

– О, да! Но его оказалось очень трудно напугать.

Сьюзен ответила нерешительной улыбкой.

– Представляю. Он был очень зол на тебя?

Шарлотта откашлялась. Ну как она скажет Сьюзен о Стюарте? И что она должна сказать о нем?! Возможно, это лучше оставить до другого раза.

– Полагаю, он уже успокоился.

– Но ты выстрелила в Дэниела, когда тот хотел ударить мистера Дрейка кинжалом.

Сьюзен сильно побледнела и притихла.

– Спасибо, тетя Шарлотта. За то, что искала меня.

Шарлотта вскочила и порывисто ее обняла.

– Тебе не нужно меня благодарить.

Потребовалось некоторое время, чтобы все уладить. Данте наконец увезли: он стрелял в джентльмена и теперь будет наказан.

Стюарт не знал, обвинит ли Шарлотта Данте в похищении теперь, когда Сьюзен вернулась живая и здоровая. Возможно, лучше не поднимать шума: приходится думать о репутации девушки.

Данте, который по-прежнему не знал, что именно ищет, принялся рвать и метать, пытаясь поведать властям об украденном сокровище, но Стюарт заявил, что все это бред безумца. Как только констебли увели Данте, Стюарт побрел через весь город назад, к Шарлотте.

Когда он добрался до родительского дома, никто не открыл дверь. Стюарт позвонил дважды, потом постучал. Наконец дверь распахнула запыхавшаяся горничная.

– О, мистер Дрейк, сэр! – воскликнула она, приседая. – Мистер Брамбл не велел пускать никого, кроме вас.

– Думаю, опасность миновала, – заверил Стюарт, закрывая за собой дверь. – Как мой отец?

– О, сэр, все хорошо. Миссис Дрейк уже допросила хирурга, который сказал, что рана не смертельна.

Девушку резко окликнули, и она, покраснев, снова присела:

– Простите, сэр, но мне нужно принести отвар.

Она поспешила на кухню, а Стюарт поднялся наверх и нерешительно остановился на лестнице. Его отец ранен. Ему следует справиться о его здоровье.

Дверь открылась, и он услышал решительный голос матери, отдававшей приказы слугам. Стюарт, немного подумав, повернул к спальне Шарлотты. Теренс в хороших руках, и вряд ли ему понадобится помощь сына.

– Войдите.

Когда он открыл дверь, Шарлотта с племянницей сидели рядом в шезлонге.

– Пришел удостовериться, что с вами все хорошо, – сказал он и замер.

Шарлотта обнимала Сьюзен. Та казалась уставшей и притихшей, но счастливой оттого, что вернулась к тетке. У него сжалось сердце. Шарлотта больше в нем не нуждается. Что, если радость от возвращения Сьюзен вытеснила ее чувства к нему? Что, если присутствие Сьюзен сделает все их отношения ненужными и неловкими? Если ей потребуется выбирать между ним и Сьюзен...

– Все хорошо, – ответила Шарлотта с ослепительной улыбкой. – Благодаря вам.

Все следы волнений и тревог исчезли. Она была на седьмом небе и просто сияла. И Стюарт понял, что сделает все, чтобы завоевать ее. Потому что хочет до конца жизни видеть ее рядом.

Он смущенно откашлялся:

– Вовсе нет, уверяю вас.

– Тетя Шарлотта, – сказала Сьюзен, подняв голову с плеча Шарлотты. – Можно мне кое-что сказать мистеру Дрейку?

– О... конечно, – удивленно пробормотала Шарлотта.

Стюарт мысленно приготовился к худшему, немного опасаясь того, что может сказать девушка. Сьюзен подошла к нему и жестом попросила отойти в сторону.

– Мистер Дрейк, – начала она, но тут же залилась краской.

– Да?

– Я много думала, – выпалила Сьюзен, – и не знаю, как отблагодарить вас за помощь. Я была такой глупой... И навечно останусь у вас в долгу.

Стюарт замер, когда она сквозь ресницы взглянула на него и посмотрела в сторону Шарлотты, с плохо скрытым любопытством наблюдавшей за ними.

Сьюзен еще больше понизила голос:

– Но, думаю, я должна перед вами извиниться за свое поведение в Танбридж-Уэллсе. Оно было... по меньшей мере ребяческим. Отчасти потому, что я ревновала к тете.

Стюарт изумленно вскинул брови. Сьюзен снова залилась краской.

– Я видела, что, встретившись с ней, вы посчитали ее очень красивой, а это показалось мне несправедливым. Поэтому я бросилась вам на шею на балу у Мартинов, но сейчас понимаю, какой глупой должна была вам показаться.

– Скорее импульсивной, – мягко поправил Стюарт.

Сьюзен сделала гримасу.

– Полагаю, мне нужно преодолеть в себе это качество. Но спасибо за то, что помогли тете Шарлотты.

– Это было делом чести, – заверил он. – И моим долгом, потому что я сделал вам предложение, хотя о страстной любви не могло быть и речи. Вы заслуживаете большего.

– Я не хотела верить, что она права и в этом, – прошептала Сьюзен.

– Мисс Траттер, поверьте, стоит подождать, – пробормотал Стюарт.

Она неуверенно посмотрела на него.

– Того, кто полюбит вас. Именно этого и хотела для вас тетя. С самого начала.

Лицо Сьюзен стало пунцовым.

– Теперь я это понимаю. Спасибо, мистер Дрейк.

Она вытянула из-под высокого ворота платья тонкую цепочку. С нее свисало кольцо Амелии. Сьюзен расстегнула цепочку и отдала ему кольцо, после чего ее лицо окончательно залилось малиновым цветом.

– Я хотела вернуть это вам.

Стюарт со вздохом сожаления взял кольцо. Шарлотта подошла к ним, и Сьюзен обратилась к ней:

– Можно мне посидеть в саду, тетя Шарлотта? Я бы хотела... немного побыть одна.

– Конечно, – немедленно согласилась Шарлотта. – Я буду здесь.

Сьюзен кивнула и, опустив голову, выскользнула за дверь. Они остались вдвоем.

– Думаю, теперь мы станем лучше ладить, – заметила Шарлотта, глядя ей вслед. – Впредь я постараюсь помнить, каково это – быть молодой и мечтательной, а она после того, что испытала, возможно, будет больше ценить мои советы и предостережения.

Стюарт растерянно кивнул:

– Уверен, что так и будет.

Шарлотта прикусила губу.

– Сьюзен сбежала, думая, что я никогда не останусь в Англии. Боялась, что я отошлю ее в школу или оставлю с гувернанткой и вернусь в Италию.

– Вот как...

Стюарт проклинал свой язык, внезапно потерявший способность двигаться. Почему теперь он онемел? В этот момент Стюарт твердо знал, чего хочет. Почему же не может найти слов, чтобы выразить свои желания?

– Для тебя это должно стать огромным облегчением, – заметил он. – Наконец-то ты вернула Сьюзен.

Шарлотта радостно улыбнулась.

– И все благодаря тебе. О, Стюарт, я никогда бы не нашла ее без твоей помощи, и... – Она осеклась. В глазах промелькнула нерешительность. – Моей благодарности нет предела, – тихо закончила она.

Он ответил вымученной улыбкой.

– Твое счастье – вот вся благодарность, которая мне нужна, – выговорил он и мгновенно помрачнел. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Потом Стюарт набрал в грудь воздуха и ринулся вперед очертя голову. Он искренне хотел подождать, но внезапно понял, что не может.

– Шарлотта...

Он взял ее руку и принялся изучать.

– Я думал о нас. О нашем будущем.

Ее улыбка померкла:

– Понимаю.

– Мы больше не можем быть любовниками. Это нехорошо. И неприлично, особенно потому, что теперь Сьюзен станет жить в твоём доме. Я глубоко уважаю тебя за решение самой ее воспитывать. И полностью понимаю, что ради нее и ее репутации ты должна придерживаться правил, диктуемых моралью, и считаться респектабельной леди.

– Да, – прошептала Шарлотта. В ее голосе звучали нотки... Сожаления? – Ты прав.

– Но и отказаться от тебя я не могу.

Стюарт поднял глаза и встретился с ее настороженным взглядом.

– Я не могу много тебе обещать, но, клянусь, сделаю все, чтобы ты была счастлива.

Шарлотта молчала. Стюарт глубоко вздохнул и стиснул ее руку, хотя она сжимала его руку еще крепче.

– Ты... ты хочешь жениться на мне? – пролепетала она.

Стюарт нерешительно усмехнулся:

– Понимаю, что в прошлом я совершил много такого, что никак нельзя назвать порядочным.

Но последую твоему примеру и исправлюсь...

При виде ее потрясенного лица он замолчал.

– Но, Стюарт, ты не знаешь! Прошлой ночью этот ужасный человек угрожал всем рассказать обо мне. Боюсь, моя репутация...

– Твоя репутация в полной безопасности.

Стюарт сжал ее пальцы.

– Когда я видел мистера Хайд-Джонса в последний раз, он собирался в длительное турне по Европе.

– Что ты сделал?

– Поверь, я не сделал и половины того, что намеревался. Достаточно сказать, что больше он тебя не побеспокоит.

Несколько мгновений Шарлотта не двигалась с места, но затем, облегченно вздохнув, расслабилась.

– У тебя есть возражения? – ухмыльнулся он, пытаясь скрыть, как сильно боится услышать ответ.

– А Оуквуд-парк? – спросила Шарлотта дрожащим голосом. – О, Стюарт, я не хочу, чтобы ты его потерял, особенно после того, как вложил в него столько труда. Я знаю, что он значит для тебя.

– Шарлотта, – прошептал он, касаясь ее губ. – Я должен продать поместье. Оно мне попросту не по карману. Я желал его, потому что у меня нет ничего своего и нечем гордиться. И мне очень хотелось иметь свое поместье. Я возлагал на него такие надежды! Но не собираюсь лежать по ночам без сна, сожалея о потере, если ты будешь лежать рядом.

– Но, Стюарт... у меня всего лишь скромный доход. До свадьбы Сьюзен мы могли бы жить в Ханифилде, но что потом? Куда мы поедем? Что...

– Шарлотта, я намерен спросить Уэра, может, у него найдется должность для меня. Возможно, я смог бы управлять одним из его поместий, из тех, что поменьше. И если ты предпочитаешь жить в Ханифилде, мы так и поступим. Я не боюсь экономить на всем: богу известно, я уже успел к этому привыкнуть.

Он привлек ее к себе и оперся подбородком о ее макушку.

– А если выхода не будет...

Взгляд Стюарта упал на картины и статуи, стоящие в дальнем конце комнаты. Кто-то принес их сюда из холла.

– Мы всегда можем открыть антикварную лавку.

– Что?! Но это все фальшивки, – запротестовала Шарлотта.

– Антикварную лавку для тех, кто не может позволить себе подлинники. «Элегантные подделки для покупателей с ограниченными средствами», – предложил он с кривой улыбкой.

Шарлотта рассмеялась и вытерла глаза.

В эту секунду она отбросила все страхи и сомнения. Вместе они обязательно что-то придумают. Оба так долго выживали в одиночку, что теперь сумеют продолжить путь вместе.

Немного погодя в дверь постучали. Стюарт раздраженно зарычал, но Шарлотта хихикнула:

– Войдите.

В комнату заглянула горничная.

– Прошу прощения, мэ. Но приехала мадам де Понто. А ваш отец, мистер Дрейк, сэ, просит вас прийти.

– Проводите мадам де Понто в гостиную. Я сейчас спущусь.

Перед тем как уйти, горничная присела. Шарлотта взглянула на Стюарта.

– Как твой отец?

– Все хорошо, – пожал он плечами. – Мать за ним приглядывает.

– Ты еще не видел его? – ахнула она.

– Я должен был сначала увидеть тебя, – просто ответил Стюарт.

Ее лицо снова осветилось сияющей улыбкой. Он много раз видел Шарлотту в разном

настроении. Но она никогда не казалась красивее, чем в эту минуту, хотя ее платье было грязным и помятым, а в волосах застряли соломинки. Он понял, что она счастлива, искренне счастлива, впервые за все время их знакомства.

– Поблагодари его за меня, – попросила Шарлотта. – В жизни не изумлялась так, как в тот момент, когда он ворвался в комнату.

– Я тоже. – Стюарт нахмурился. – Мы договорились, что он подождет в коридоре, пока я не выманю Данте из комнаты, а потом обезоружит его, ударив шпагой.

– Выманишь? Но каким образом?

– Собирался опрокинуть старые часы. Данте не увидел бы стоявшего за дверью Теренса, а тому было бы нетрудно вонзить шпагу ему в спину.

– Но Данте увидел бы тебя, – медленно произнесла Шарлотта. – И застрелил.

Стюарт пожал плечами:

– Он, скорее всего, промахнулся бы. Я не собирался стоять на месте и дожидаться, пока он прицелится.

Шарлотта покачала головой:

– А мог бы и не промахнуться. Теренс не хотел твоей смерти, Стюарт.

Стюарт обдумал сказанное. Мог ли Теренс ворваться в комнату, чтобы не дать ему riskовать жизнью? Стюарт не считал это возможным. Сам он и не задумался, прежде чем поставить свою жизнь под угрозу, чтобы спасти Шарлотту и Сьюзен, но мог ли Теренс подвергнуть себя опасности ради спасения Стюарта? Это противоречило всему, что Шарлотта о нем знала.

– Так или иначе, прекрасно сознавать, что чертов негодяй сейчас в Ньюгейте.

Стюарт сжал ее руку:

– Тебе лучше присмотреть за Лючией, пока она, в поисках спрятанных сокровищ, не начала разбивать все другие статуи. И кстати... – Он помедлил: – Эти рисунки, скорее всего, подлинные. Настоящее итальянское сокровище.

– Господи! – ахнула она.

– Что мы будем с ним делать?

Шарлотта беспомощно развела руками:

– Не знаю. Лючия, возможно, права. Их следует каким-то образом вернуть в Италию.

– Согласен, – кивнул он. – Но мы подумаем об этом позже. Еще несколько дней роли не сыграют, особенно после стольких лет.

– Ты прав.

Шарлотта с улыбкой направилась к двери, но на пороге обернулась:

– Что Сьюзен отдала тебе?

Стюарт выудил из кармана кольцо и протянул ей.

– Это принадлежало матушке. Перед моим отъездом из Лондона она велела отдать его моей невесте.

Улыбка Шарлотты померкла. Стюарт сжал в кулак ее руку, в которой она держала кольцо.

– Я отдал его Сьюзен, потому что мои нервы были готовы лопнуть от напряжения, – тихо признался он. – Еще до того как я встретил тебя, понял, какая это ошибка – жениться на девушке, которую не люблю. Но я подумал, что чем скорее покончу с этим делом, тем лучше. Но если бы не это кольцо, мы никогда бы не оказались здесь месте.

Шарлотта недоуменно подняла брови. Стюарт весело ухмыльнулся.

– Именно из-за кольца я вторгся в твой дом. Я желал его вернуть. Именно кольцо привело тебя ко мне на квартиру, где мы поняли, как идеально друг другу подходим...

– В самом деле? – ахнула Шарлотта.

Стюарт, широко улыбаясь, продолжал:

– А потом ты предположила, что это я виновен в исчезновении Сьюзен, поскольку представить не могла, что какая-то женщина может передо мной устоять...

– Перестань, – взмолилась она, смеясь.

– А потом я помог тебе искать ее, потому что не мог устоять перед тобой, – закончил он. – И вот мы здесь, как и было предназначено судьбой.

Ее лицо смягчилось, и он просто не смог не поцеловать ее.

Снова улыбнувшись, Шарлотта ушла, а Стюарт спустился вниз, в покои отца, и постучал в дверь его спальни. Он был готов ко всему, но чувствовал себя слишком счастливым, чтобы тревожиться о чем бы то ни было. После того как из-за него Теренса ранили, его, вполне возможно, раз и навсегда лишат наследства и выгонят из дома.

Дверь открыл отцовский камердинер.

– Как мой отец? – спросил Стюарт.

– Отдыхает. Вы можете войти.

Стюарт поколебался:

– Если это не слишком его утомит.

Камердинер покачал головой, и Стюарт вошел в комнату. Теренс сидел в кресле у камина. Его раненую ногу уложили на другой стул и прикрыли пледом, под которым прятались повязки. Полуприкрыв глаза, он смотрел в окно. Одутловатое лицо было болезненно-серым.

– Я пришел проведать тебя, – начал Стюарт.

Казалось, что сцена в пустом доме произошла годы назад. Слишком много всего было между ними, чтобы ожидать, будто один момент полного согласия сметет все плохое.

– И сказать спасибо за твою помощь. Мадам Гриффолино и мисс Траттер тоже посылают свою искреннюю благодарность.

– Она дочь Генри Траттера, – выдохнул Теренс. – Верно?

– Да, – удивленно ответил Стюарт. – А Сьюзен – дочь ее брата.

По-прежнему хмурясь, Теренс кивнул.

– Я узнал ее пистолет. Сам подарил набор пистолетов ее отцу. Мы с Траттером когда-то были лучшими друзьями. Он был хорошим человеком, непоколебимым в принципах и твердым в верованиях, и по праву этим гордился. Но до самой смерти сожалел о том, что в момент гнева отослал дочь, и искренне раскаивался в этом весь остаток жизни.

Стюарт неловко переступил с ноги на ногу. Такого он не ожидал.

– Он ни разу не написал ей. Она уверена, что отец ее так и не простил.

– Он был слишком горд, чтобы признать свою неправоту. Много лет надеялся, что она напишет ему сама, попросит разрешения вернуться. Но этого не случилось. А потом, когда было уже слишком поздно, он пытался ее найти. Но она исчезла. Родственники, к которым он ее послал, понятия не имели, куда она уехала, а к тому времени он был слишком болен, чтобы вести поиски.

– Ее брат знал, где она, – резко бросил Стюарт. – Если бы отец хоть раз смирил свою гордость и спросил сына...

– Да-да, – отмахнулся Теренс. – Не спросил. Это она должна была прийти к нему, умолять о прощении.

– К несчастью, она так же горда и сильна духом, как и отец.

– Похоже, так и есть, – вздохнул Теренс, глядя на раненую ногу. – Она всадила пулю в этого негодяя.

– Да, прямо в руку, когда он заносил нож над моей спиной.

– Хм-м-м, – промычал Теренс. – Верный глаз.

– И твердая рука, – добавил Стюарт.

Теренс фыркнул – неужели насмешливо? – и наконец глянул на Стюарта.

– Ты влюблен в нее, не так ли?

Застигнутый врасплох Стюарт кивнул. Какое дело Теренсу до того, кого он любит и влюблен ли вообще?

– А она? Любит тебя?

Стюарт снова кивнул, на этот раз медленно, настороженно.

– В таком случае тебе лучше на ней жениться, прежде чем ей сделает предложение кто-то другой. Она человек стойкий и отважный. Этого не отнимешь.

– Так и есть. – Стюарт откашлялся: – Я уже просил ее выйти за меня, и, к моей радости, она согласилась.

– Прекрасно. – Теренс поджал губы. – Можешь получить назад свой доход. Хорошая жена всегда удержит мужа от неприятностей. Передай ей мою благодарность. Скорее всего, она спасла нас обоих, не говоря уже о девушке.

Теренс снова отвернулся к окну, и Стюарт, посчитав, что беседа закончена, причем гораздо более благоприятно, чем он мог ожидать, собрался уходить.

– И она также напомнила мне, что гнев может быть несправедливым, – неожиданно добавил Теренс. – Траттер отослал дочь, наказав ее за то, что совершил мужчина, заслуживавший куда более серьезной кары. Он знал это. Передай ей, что он это знал. Когда его ярость остыла, Гарри понял, что тот человек воспользовался наивностью молодой девушки, а он, отец, не сумел ее защитить. Но к тому времени было уже слишком поздно. Сделанного не воротишь, но он сознавал, что вина лежит не только на ней.

Все это время Теренс судорожно перебирал складки пледа. После долгого молчания он показал на стул:

– Сядь.

Стюарт медленно опустился на сиденье. В душе зрело нехорошее предчувствие по поводу того, что собирался сказать отец, и он был вовсе не уверен, что хочет это слышать. Только не сейчас.

– Ты не мой сын.

Стюарт старался оставаться бесстрастным. В конце концов, он уже знал это.

– Но ты и не сын моего отца, – добавил Теренс, пристально взглянув на него. – Знаю, некоторое время ты в это верил, как, впрочем, и многие наши знакомые.

Стюарт задохнулся от удивления и ужаса. Какова же истинная правда?

– Ты, – продолжал Теренс, – сын моего брата.

Стюарт моргнул от изумления, пытаясь хоть что-то вспомнить:

– Твой брат? Но он умер до моего рождения.

Откинувшись на прислоненные к спинке кресла подушки, Теренс кивнул.

– За восемь месяцев, если быть точным. Он обольстил твою мать, молодую, доверчивую девушку. Она всегда благоговела перед ним, а он использовал ее ради собственного наслаждения. И несомненно, она была не первой, кого он потом бросил. Зато она, единственная из соблазненных девиц, имела любящего, заботливого отца. Когда обнаружилось, что она забеременела, ее отец пришел к нашему и потребовал, чтобы Найджел на ней женился. Но Найджел был слишком горд и только посмеялся над таким предложением. Она была дочерью фермера, он – наследником Белмейна. Наш отец очень рассердился и дал ему день на раздумье. Либо он женится, либо лишится наследства.

Ты можешь посчитать Найджела подлецом, но именно отец так его избаловал, он вбил ему в голову, что он стоит выше осуждения окружающих. Белмейн считал, что по-прежнему может приказывать сыну, но Найджел слушался только себя и не собирался подчиняться никому.

Услышав, что ему предстоит жениться или остаться без единого пенни, он пулей вылетел из дома. Объявил, что поедет в Лондон, найдет богатую невесту, и поскольку Белмейн не мог полностью лишить его наследства, Найджел решил просто переждать бурю. Вскочил на коня и ускакал, не слушая Белмейна, кричавшего ему вслед о долге и чести.

Теренс снова помедлил:

– На следующее утро Найджела нашли на дне пропасти. Должно быть, его лошадь испугалась, потому что они оба свалились туда и сломали шеи. Белмейн был вне себя от горя: его наследник и любимый сын погиб! Отец девушки, видя, что шансы спасти ее честь вот-вот исчезнут, снова пришел к Белмейну и сказал, что просит две тысячи фунтов, чтобы дочь с ребенком начали новую жизнь где-нибудь в другом месте. Но мой отец хотел это дитя, ребенка Найджела, следующего истинного виконта. Если бы девушка уехала, ребенок бы исчез вместе с ней.

– И ты женился на ней, – пробормотал Стюарт почти беззвучно.

Теренс улыбнулся одной из своих редких неподдельных улыбок.

– Я любил ее с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать, – тихо пояснил он. – Она была так красива, нежна и весела! Но когда Найджел обратил на нее внимание, она перестала смотреть в мою сторону. Думаю, она действительно его любила, потому что после его смерти разительно изменилась и так и не стала прежней. Но я любил ее и женился.

Стюарт опустил голову и нахмурился. Разве в подобных обстоятельствах сам он не возненавидел бы ребенка, доказательство любви жены к другому мужчине? Если бы Шарлотта...

Он растер горящие глаза ладонью. Смог бы он разлюбить Шарлотту, даже если бы она носила ребенка от другого любовника? Стюарт не знал, но в глубине души подозревал, что никогда не сможет с любовью взглянуть на такого ребенка.

А его мать! Бедная мать, оставленная с разбитым сердцем, вынужденная выйти за другого ради своего ребенка... Она никогда не любила Теренса или Белмейна. Но всем пожертвовала ради Стюарта.

– Мы могли бы ужиться с грехом пополам, – продолжил Теренс тем же отчужденным тоном. Давно миновавшее счастье придало мягкости его чертам и заставило казаться моложе и красивее. – Она отчаянно хотела тебя, а я хотел, чтобы она была счастлива. Твердил себе, что, как только родится ребенок, мы начнем сначала. У нас будут свои дети, и она забудет брата. Я ждал. Ничего не говорил, ничего не делал. Дожидался, когда родишься ты, и она наконец обратится ко мне. Но этого не произошло. Она умерла в родах, оставив меня растить бастарда моего брата как собственного ребенка.

Мир Стюарта рухнул.

– Что?!!

Теренс отвел глаза.

– Ты был грудным младенцем и нуждался в матери. Амелия была бедной родственницей твоей настоящей матери. С одобрения Белмейна мы едва ли не тайно обвенчались, чтобы выдать ребенка за своего.

Стюарт сидел словно окаменевший. Теренс продолжал перебирать складки пледа.

– Ты копия Найджела. Вся моя ненависть к нему перешла на тебя. Он украл девушку, которую я любил, соблазнил ее и погубил, а потом его ребенок ее убил. Когда ты был маленьким, я старался не видеть его в тебе, воспитывать так, чтобы ты не вырос похожим на него. Но каждый раз, глядя на тебя, я видел Найджела. Когда Белмейн предложил, чтобы ты и Амелия жили в Барроуфилде, я согласился. Так было лучше для всех нас.

– Почему никто мне не сказал? – поинтересовался Стюарт без всякого запала.

Теренс закрыл глаза.

– Мы узнали, что Амелия не может иметь детей. Если бы она родила ребенка, моего ребенка, мы, возможно, сказали бы тебе правду. А может, и нет. Было бы слишком жестоко позорить их: мать, зачавшую тебя в грехе, и женщину, которая тебя растила, понимая, что своих детей у нее никогда не будет.

Стюарт пытался осознать сказанное. Каким-то образом все это имело некий смысл. Любовь, которую дед всегда питал к его матери, – Амелии, – мысленно поправился он. Холодность между родителями, их странные отношения. То, почему Теренс привел Стюарта к пропасти, в которой, должно быть, погиб его настоящий отец, и попросил не называть его отцом. И главное, почему Теренс выгнал его из дома: должно быть, слухи о позоре Элизы Пенниурт показались ему предельным оскорблением, ведь он уже претерпел из-за Стюарта много унижений.

Тихий шум за спиной прервал течение его мыслей. Стюарт обернулся. В тени стояла белая как полотно мать с подносом в руках.

– Это почти правда, – тихо сказала она.

Услышав ее голос, Теренс вздрогнул и тут же поднял руку, словно пытаясь остановить жену.

– Амелия... пожалуйста!

– Теренс, ты действительно воображаешь, что все было из-за моей неспособности иметь детей?

Она шагнула вперед:

– Я бы все рассказала Стюарту много лет назад. Это его история и его право знать. Но ты не позволял, потому что все еще любил ее, а у меня не хватало мужества прямо признаться себе в этом.

Она повернулась к Стюарту. Он заметил, что ее подбородок дрогнул.

– Поверь, я люблю тебя, как собственное дитя, и любила еще до того, как стало известно, что своих у меня никогда не будет. Ты был невинным ребенком. На тебе нет ни греха, ни позора того, что сделали Найджел или Эймей.

Стюарт ничего не ответил, мысленно повторяя имена настоящих родителей. «Найджел и Эймей».

– Тогда я уже не любил Эймей, – возразил Теренс.

Амелия посмотрела на него.

– Любил, – тихо поправила она. – Всегда любил. И никогда не замечал меня. Даже после свадьбы, потому что в твоём сердце не было места ни для кого, кроме нее. Я вышла за тебя, потому что любила, но ты бы и не взглянул на меня, если бы... Если бы не Стюарт.

Стюарт поднялся. Это их отношения. Его они не должны касаться. И не стоит все это выслушивать.

– Простите, – пробормотал он, шагнув к двери, но по дороге остановился рядом с матерью и нежно поцеловал ее в щеку.

– Спасибо, матушка.

– Мне так жаль, Стюарт! Прости меня, прости за все. Я старалась быть тебе хорошей матерью.

Ее улыбка была очень грустной, но Стюарт все понимал. Амелия разрывалась между мужем, не отвечавшим на ее любовь, и единственным ребенком, которого ей было суждено иметь, ребенком, которого она даже не выносила и не родила.

Стюарт оглянулся на Теренса. Тот потрясенно смотрел на Амелию. Что должен сейчас чувствовать этот человек, узнавший, что всю свою жизнь отказывался от счастья, предпочитая постоянно отравлять душу злобой и горечью?

– Амелия, поверь, я не знал... – услышал Стюарт, прежде чем закрыть за собой дверь.

Он был потрясен услышанным.

Стюарт отправился на поиски Шарлотты и нашел ее в гостиной, где она отнюдь не пребывала в одиночестве. Там же находилась Лючия, рядом с которой ерзал на стуле Энгус Уитли.

Когда Стюарт остановился на пороге, кто-то позвонил в дверь. Еще один гость?

Уитли поднял глаза и, увидев Стюарта, вскочил со стула.

– Дрейк! Слава богу! – пылко прошептал он. – Надеюсь, все хорошо? Входи, входи, садись на мое место. Мне нужно уходить, важная встреча, знаешь ли, давно не виделся с родителями.

– В чем дело? – удивился Стюарт, взглянув на Лючию. – Я думал, ты занят мадам де Понто.

– Да, но... Видишь ли, Дрейк, она чересчур властная, – зачастил Уитли. – Никогда не позволит мужчине командовать, если понимаешь, о чем я. Уж очень утомительное дело – поспевать за ней.

– Ну... я бы не позволял себе тревожиться по таким пустякам, – утешил его Стюарт, стараясь не рассмеяться. – Сколько тебе сейчас, Уит?

Приятель изумленно вскинул брови:

– В следующем месяце будет тридцать. А что?

Стюарт, ухмыляясь, покачал головой.

– Ничего особенного. Я извинюсь за тебя. Иди.

– Ты настоящий друг!

Уитли хлопнул его по плечу и выскользнул за дверь, не забыв украдкой взглянуть на Лючию, которая так увлеклась разговором с Шарлоттой, что не обратила внимания на его исчезновение. Стюарт уставился на женщин, но, услышав за спиной знакомый голос, замер.

– Господи боже, Дрейк, только не говори, что это та женщина, которая спала в моей постели! – заявил Филипп, не сводя глаз с дам.

Стюарт, нахмурившись, повернулся, чтобы понять, куда он смотрит.

– Это была моя постель в... – начал он.

Но Филипп смотрел мимо Шарлотты на Лючию, сидевшую в профиль к нему. Очень красивый профиль.

– Нет, это была не Лючия де Понто, – заверил он, – а та, что рядом. Пониже ростом, темноволосая красавица.

Но Филипп не сводил глаз с Лючии:

– Превосходно, молодец, а теперь представь меня.

Он направился к дамам. Стюарт послушно следовал за ним, думая, что вместо друга Пипа в Лондон вернулся лорд Филипп. Молодой, ничем не примечательный житель столицы стал аристократом.

Шарлотта почувствовала их приближение и с улыбкой повернулась. Стюарт, изобразив на лице что-то, напоминавшее озорную ухмылку, поклонился:

– Лючия, Шарлотта. Позвольте представить моего старого друга, лорда Филиппа Линдевилла. Филипп, это графиня Гриффолино и синьора де Понто, недавно приехавшая из Милана.

– Милан? – переспросил лорд Филипп, кланяясь. – Чудесный город.

– Совершенно верно, – согласилась Лючия, с интересом его разглядывая.

Они были одного роста и оба смуглые. Лорд Филипп – стройный, темноволосый, с волнистыми кудрями и черными глазами был воплощением молодости и жизненной энергии, он очень походил на своего брата, герцога Уэра. Шарлотта заметила, что он и Лючия – прекрасная пара.

– Вы были там недавно, милорд? – спросила Лючия с более явственным, чем обычно,

акцентом.

– Чуть меньше месяца назад.

К этому моменту лорд Филипп словно забыл о Шарлотте. Его голос понизился почти до шепота.

– Я очень скучал по этому городу, его культуре и людям.

Лючия медленно опустила голову, продемонстрировав изящный изгиб шеи.

– Я тоже. Милан почти двадцать лет был моим домом, но, как видите, я покинула его в поисках английских приключений.

– Прекрасная идея, – оживился лорд Филипп. – И вы их нашли?

– Увы, нет, – вздохнула Лючия. – Я была уверена, что нашла, но обнаружила, что сильно ошиблась. Если бы не дорогая Шарлотта, я бы давно увяла и засохла от тоски.

– Но такого мы позволить не можем! – объявил лорд Филипп. – Пойдемте обсудим развлечения, которые могут вам понравиться!

Он предложил ей руку, и Лючия скользнула пальцами по его кисти, прежде чем положить ладонь на сгиб его локтя.

– Как вы добры, милорд, – промурлыкала она.

Филипп тихо рассмеялся и наклонил голову к ее ушку в манере, не оставлявшей сомнений в его намерениях.

Когда они, поглощенные друг другом, отошли, Шарлотта отвернулась. Глаза ее были мокрыми от едва сдерживаемого смеха. Похоже, Лючия нашла наконец свою музу. Придется Шарлотте покупать более дорогое фортепьяно.

– Сколько ему лет? – прошептала она Стюарту, когда тот увлек ее за собой.

– Двадцать пять, – ответил Стюарт с коварной ухмылкой. – У него еще добрых пять лет впереди.

Шарлотта поперхнулась и все-таки расхохоталась, цепляясь за руку Стюарта. Он рассмеялся вместе с ней, наслаждаясь каждым звуком. И тут же решил, что нужно чаще ее смешить.

Оглянувшись, чтобы увериться, что никто их не видит, он увлек ее в сад, на скамью, почти скрытую высокими кустами.

Там он пересказал Шарлотте все, что говорил ему Теренс о ее и его отцах. Кое о чем он не упомянул, потому что все еще пытался осознать происходившее много лет назад. Да и не страшно: у него впереди целая жизнь, чтобы все поведать любимой. Ему все еще не верилось, что отныне она каждый день будет рядом.

– И он вернул мне мое содержание, – закончил Стюарт. – Так что больше можешь не волноваться, что придется выходить замуж за нищего без пенса в кармане.

– О, Стюарт, – улыбнулась Шарлотта, покачивая головой. – Теперь Оуквуд-парк будет твоим.

– Да, – кивнул Стюарт. – Или мы можем жить в Ханифилде, пока Сьюзен не выйдет замуж. К тому времени мы успеем привести в порядок дом в Оуквуде.

Она стиснула его руку:

– Какое облегчение ты должен чувствовать! Теперь все будет хорошо!

Он оглядел сад. Сьюзен кидала палку терьеру Амелии. Когда маленькая собачка прыгала вокруг нее, девушка радостно улыбалась. Филипп и Лючия тоже пришли в сад, но остались стоять возле дома. Они были так погружены в беседу, что, казалось, даже не замечали, где находятся.

– Все в безопасности и счастливы, и это и есть самое большое облегчение. Кроме того, я надеюсь, что теперь Теренсу будет легче жить. Наконец-то он понял, что кто-то все время его любил! Не могу винить его в том, что он ненавидел весь мир, потому что его жизнь была принесена в жертву за чужие грехи!

– По крайней мере, он понял это не слишком поздно.

– А ты? – спросил вдруг Стюарт. – Ты рада слышать, что твой отец сильно сожалел о том, что отослал тебя?

– Полагаю, что так, – задумчиво вздохнула она. – Конечно, это сожаление немного запоздало, но я не стану терзаться сознанием этого. Что сделано, то сделано.

– И нам остается только решить, что нам необходимо сделать теперь, – добавил он, усаживая ее себе на колени. – Когда ты хочешь выйти замуж? Где хочешь жить? И как думаешь, кто-то заметит, если я поцелую тебя здесь и сейчас?

– А если и увидят, ну и что? Это их проблемы.

Шарлотта поцеловала его долгим и нежным поцелуем, а потом положила голову ему на плечо.

– Итак, Сьюзен вернулась, став мудрее и печальнее, зато живая и невредимая. Твой отец понял, что неверно судил о тебе и несправедливо с тобой обращался, а мать больше не будет разрываться между ним и тобой. У Лючии теперь новая муза, лет на пять или больше, а это означает, что она остается в Лондоне, чтобы поставить на место Марчеллу Раскати. А у меня появилось бесценное итальянское сокровище, которое принадлежит мне не по праву, и собрание ничего не стоящих статуй и картин, которых достаточно, чтобы заполнить музей. К сожалению, все они мои. Что ни говори, прекрасный день!

– И я, – напомнил Стюарт. – Не забудь про меня. Я стою чуть больше твоих статуй.

– Я никогда не забуду про тебя, – тихо сказала она, обнимая его. – Только ты можешь наполнить мое сердце.

notes

Фальшивомонетчик, сожженный на костре. Один из антигероев «Божественной комедии» Данте.